МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РАН НА ТЕРРИТОРИИ ДНР

ISNN 2664-7362 (PRINT)
ISNN 2664-7370 (ONLINE)

МАТЕРИАЛЫ
XI Международной научной конференции

Донецкие чтения – 2026:
образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 7 | **Исторические и политические науки. Часть 2**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

Представительство федерального государственного
бюджетного учреждения «Российская академия наук»
на территории Донецкой Народной Республики

XI Международная научная конференция

Материалы конференции

Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 7

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Часть 2

г. Донецк
10–12 ноября 2026 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2026

ББК Т.я431+С562.21я431
УДК 93/99+32(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (гл. ред.), А.В. Белый (зам. гл. ред.), М.В. Фоменко, В.В. Разумный (отв. секр. секции), А.В. Бредихин, В.Л. Агапов, Е.С. Костюкова, О.Б. Пенькова, Н.Н. Старченко, А.В. Колесник, Н.В. Манько, Е.А. Пожидаев, Д.В. Посредников, Е.В. Кузнецова, Л.Ю. Медовкина.

Д672 **Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности:** Материалы XI Международной научной конференции (Донецк, 10–12 ноября 2026 г.). – *Том 7: Исторические и политические науки. Часть 2* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. – 230 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

Во вторую часть седьмого тома материалов XI Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам исторических и политических наук. Рассматриваются вопросы политологии, международных отношений и внешней политики, а также узконаправленные вопросы, представленные тематикой специализированных круглых столов.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам, докторантам и практическим специалистам, проводящим исследования в области исторических и политических наук.

ББК Т.я431+С562.21я431
УДК 93/99+32(043.2)

© Коллектив авторов, 2026
© Донецкий государственный университет, 2026

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Панченко Владислав Яковлевич, вице-президент Российской академии наук, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Сопредседатель:

Беспалова Светлана Владимировна, ректор Донецкого государственного университета, руководитель Представительства Российской академии наук на территории Донецкой Народной Республики, д-р физ.-мат. наук, профессор (г. Донецк).

Члены программного комитета:

Алексеев Игорь Александрович, ведущий научный сотрудник лаборатории физической географии и биогеографии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, д-р геогр. наук (г. Иркутск).

Андреев Дмитрий Александрович, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва), д-р ист. наук, доцент (г. Москва).

Аноприенко Александр Яковлевич, ректор Донецкого национального технического университета, канд. техн. наук, профессор (г. Донецк).

Бабурин Сергей Николаевич, президент Ассоциации юридических вузов, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, профессор, почётный профессор Донецкого государственного университета (г. Москва).

Бахтин Станислав Геннадиевич, декан химического факультета Донецкого государственного университета, канд. хим. наук, доцент (г. Донецк).

Белозеров Геннадий Александрович, заместитель генерального директора Автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов».

Белый Александр Владимирович, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого государственного университета, канд. хим. наук, доцент (г. Донецк).

Блинова Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой прикладной психологии и развития личности Херсонского государственного педагогического университета, д-р психол. наук, профессор (г. Херсон).

Вартанова Елена Леонидовна, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р филол. наук, академик РАО (г. Москва).

Варюхин Виктор Николаевич, научный руководитель Донецкого физико-технического института им. А. А. Галкина, д-р физ. мат. наук, профессор, член-корр. РАН, (г. Донецк).

Воронова Ольга Евгеньевна, профессор кафедры литературы и журналистики, руководитель Центра региональных проектов и межрегиональных связей Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, д-р филол. наук, профессор (г. Рязань).

Ганиева Ирина Александровна, директор АНО «Научно образовательный центр „Кузбасс“», д-р экон. наук, доцент (г. Кемерово).

Глухов Александр Захарович, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета, д-р биол. наук, профессор (г. Донецк).

Головчан Алексей Витальевич, директор Донецкого физико-технического института им. А. А. Галкина, канд. физ. мат. наук, доцент (г. Донецк).

Данилюк Даниил Анатольевич, и. о. директора Института прикладной математики и механики, канд. физ. мат. наук (г. Донецк).

Журавлёва Екатерина Васильевна, Советник президента РАН, советник Председателя Совета директоров ГК «ЭФКО», д-р с.-х. наук, профессор РАН (г. Белгород).

Зенченко Светлана Вячеславовна, проректор по научной работе Северо-Кавказского федерального университета, д-р экон. наук, профессор (г. Ставрополь).

Зинченко Юрий Петрович, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р психол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик РАО (г. Москва).

Игнатенко Григорий Анатольевич, ректор Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького, д-р мед. наук, профессор, академик РАН (г. Донецк).

Ильинский Владимир Викторович, и. о. зав. кафедрой общей экологии и гидробиологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, профессор (г. Москва).

Исаков Владимир Борисович, профессор НИУ «Высшая школа экономики», д-р юрид. наук, профессор (г. Москва).

Калмыков Степан Николаевич, вице-президент Российской академии наук, д-р хим. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Керимов Александр Джангирович, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, д-р юрид. наук, профессор (г. Москва).

Кирпичников Михаил Петрович, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Кожухов Игорь Борисович, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники», д-р физ. мат. наук, профессор (г. Москва).

Крамаренко Артём Александрович, заместитель Председателя Правительства Донецкой Народной Республики, Министр сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности (г. Донецк).

Красильников Павел Владимирович, декан факультета почвоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, член-корреспондент РАН (г. Москва).

Липгарт Андрей Александрович, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р филол. наук, профессор (г. Москва).

Лубков Алексей Владимирович, ректор Московского педагогического государственного университета, д-р ист. наук, профессор, академик РАО (г. Москва).

Макаров Кирилл Борисович, заместитель Председателя Правительства Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Матишов Геннадий Григорьевич, заместитель президента РАН, научный руководитель Южного научного центра РАН, д-р геогр.наук, профессор, академик РАН (г. Ростов-на-Дону).

Месхи Бесарион Чохоевич, ректор Донского государственного технического университета, председатель Совета ректоров вузов Ростовской области, д-р техн. наук, профессор, академик РАО (г. Ростов на Дону).

Минаев Андрей Иванович, профессор Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, д-р ист. наук, доцент (г. Рязань).

Некипелов Александр Дмитриевич, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Нечаев Владимир Дмитриевич, ректор Севастопольского государственного университета, д-р полит. наук, доцент (г. Севастополь).

Овечко Сергей Викторович, заместитель Института биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН, канд. биол. наук (г. Севастополь).

Пармон Валентин Николаевич, научный руководитель Института катализа СО РАН, д-р хим. наук, академик РАН (г. Новосибирск).

Плугатарь Юрий Владимирович, директор Ордена Трудового Красного Знамени Никитского ботанического сада – Национального научного центра РАН, председатель Совета ботанических садов России, д-р с.-х. наук, профессор, академик РАН (г. Ялта).

Половян Алексей Владимирович, директор Института экономических исследований, д-р экон. наук, доцент, (г. Донецк).

Понедельников Алексей Борисович, руководитель отдела «Северо-Азовский» Южного филиала ФГБНУ «ВНИРО» (г. Мариуполь).

Приходько Светлана Анатольевна, директор Донецкого ботанического сада, канд. биол. наук, ст. науч. сотр. (г. Донецк).

Прутцков Григорий Владимирович, профессор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики», д-р филол. наук (г. Москва).

Рябичев Виктор Дронович, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля, д-р техн. наук, профессор (г. Луганск).

Садовничий Виктор Антонович, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Секиринский Дмитрий Сергеевич, заместитель Министра науки и высшего образования Российской Федерации.

Скуратовская Екатерина Николаевна, врио директора Института биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН, канд. биол. наук (г. Севастополь).

Сократов Сергей Альфредович, зам. декана географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, канд. геогр. наук, доцент (г. Москва).

Тедеев Вадим Ботазович, ректор Юго Осетинского государственного университета имени А. А. Тибилова, канд. техн. наук, профессор (г. Цхинвал).

Тохтарь Валерий Константинович, директор Ботанического сада Белгородского государственного национального исследовательского университета, д-р биол. наук, с. н. с. (г. Белгород).

Трофимов Олег Владимирович, Министр образования и науки Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Тулупов Владимир Васильевич, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета, д-р филол. наук, профессор (г. Воронеж).

Туранина Неонила Альфредовна, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры, д-р филол. наук, профессор (г. Белгород).

Федянин Андрей Анатольевич, проректор – начальник управления научной политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, д-р физ. мат. наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва).

Харламенкова Наталья Евгеньевна, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, заместитель директора Института психологии РАН, д-р психол. наук, профессор (г. Москва).

Хомутова Екатерина Валерьевна, директор Института физико-органической химии и углехимии им. Л. М. Литвиненко, канд. биол. наук (г. Донецк).

Шебалков Алексей Викторович, Министр природных ресурсов и экологии Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Политология

УДК 323.2

РАЗРЫВЫ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ ПРОЕКТИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Авдалян А.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
av.avdalyan@gmail.com

Введение. Участие гражданского сектора в публичной политике обычно оценивается по числу институционально доступных процедур, составу участников или интенсивности взаимодействия с органами власти. Эти показатели отражают институциональную открытость, но не позволяют установить, привело ли участие к изменению решения.

Цель исследования состоит в выявлении разрывов, возникающих при продвижении общественного запроса по стадиям политического цикла. Социальная среда понимается как политически организованная система доступа к общественным благам, ресурсам и возможностям влияния. Ее проектирование связано с установлением и изменением правил такого доступа. Поэтому политическое значение деятельности гражданского сектора определяется его способностью преобразовывать социальный опыт в содержание политико-управленческих решений.

Основная часть. Концепция политического цикла позволяет проследить движение общественного запроса от выявления проблемы и включения ее в повестку к разработке, принятию, реализации и оценке решения [1, с. 158–168]. На каждой стадии используются разные механизмы. Социальная диагностика и обращения граждан выявляют проблему; адвокация и публичное обсуждение способствуют ее политическому признанию; общественная экспертиза и консультативные органы дают возможность влиять на проект; партнерство и совместное производство включают гражданский сектор в реализацию; общественный контроль и независимая оценка создают обратную связь. Наличие этих механизмов еще не означает связности процесса: результат, полученный на одной стадии, может не использоваться на следующей.

Первый, диагностический, разрыв возникает, когда выявленный организациями опыт не обобщен и не переведен в общественно значимую проблему. Разрыв повестки означает, что аргументированная проблема не включается в число политических приоритетов. Проектный разрыв отделяет консультацию или экспертизу от содержания принимаемого

решения. Разрыв реализации проявляется при недостатке ресурсов, исполнителей либо при изменении первоначального замысла в административной практике. Разрыв обратной связи возникает, если результаты контроля и оценки не приводят к корректировке политики. Во всех случаях процедура участия могла состояться, но движение общественного запроса прекращается. Разрывы поэтому служат показателем ограниченности влияния, а не отсутствия формального взаимодействия.

Продвижение запроса имеет распределенный характер. Одна организация может обладать доступом к социальной группе, другая - экспертными компетенциями, третья – опытом взаимодействия с государственными органами. Сетевой подход позволяет рассматривать влияние как результат координации автономных акторов и объединения распределенных ресурсов [2, с. 103–112]. Политико-административные сети создают устойчивые каналы обмена информацией, но их конфигурация одновременно определяет, какие участники получают доступ к выработке решения [3, с. 14–30]. Сеть преодолевает разрыв только тогда, когда результат одной стадии передается участникам следующей и сохраняется связь с исходной социальной проблемой.

Разрывы усиливаются неравенством влияния. Вертикальное неравенство связано с асимметрией полномочий государства и гражданского сектора: орган власти определяет предмет обсуждения, момент включения, критерии допустимости предложений и итоговый вариант решения. Горизонтальное неравенство возникает между самими организациями. Профессионализированные участники располагают данными, специалистами и постоянными каналами взаимодействия, тогда как низовые объединения могут обладать непосредственным знанием проблемы, но не иметь ресурсов для его экспертного оформления. Различие между консультацией и реальным влиянием соответствует уровням участия, выделенным Ш. Арнстейн [4, p. 216–224].

Институциональный дизайн совместного управления может уменьшить вероятность разрыва, если устанавливает понятные правила доступа, порядок рассмотрения предложений и обязанность сообщать о принятом решении. Результат зависит от исходного распределения ресурсов, доверия и последовательности взаимодействия [5, p. 543–571]. Совместное производство расширяет участие до стадий инициирования, разработки и реализации услуг [6, p. 1333–1357], однако передача гражданскому сектору исполнительных функций без доступа к определению целей сохраняет вертикальное неравенство. Институционализация должна дополняться прослеживаемой связью между предложением, решением и практикой его применения.

Российская специфика состоит в сочетании развитого набора механизмов участия с определяющей ролью государства при

формировании повестки и распределении ресурсов. Общественные палаты и советы, грантовые программы, общественный контроль и привлечение НКО к оказанию социальных услуг создают институциональную основу сотрудничества. Взаимодействие позволяет использовать практический опыт организаций при решении социальных проблем [7, с. 5–24]. Влияние становится наиболее заметным, когда организация выявляет проблему, апробирует способ ее решения, представляет доказательства результата и добивается закрепления практики в государственной политике. Переход от локального проекта к изменению правила при этом остается селективным.

Преодоление разрывов требует гражданской инфраструктуры, сохраняющей социальное знание, компетенции, межорганизационные связи и каналы взаимодействия с государством. К ее практическим элементам относятся площадки социальной диагностики, объединение обезличенных данных и прослеживаемая обратная связь, фиксирующая рассмотрение и судьбу предложений. Так результат участия сохраняется за пределами отдельного проекта и используется на следующих стадиях политического цикла.

Заключение. Разрывы участия показывают, на каком этапе социальный опыт перестает преобразовываться в политико-управленческое решение. Оценка гражданского участия должна учитывать не только наличие процедур, но и движение запроса между стадиями политического цикла. Реальное влияние возникает при связности диагностики, повестки, разработки, реализации и оценки. Сетевое взаимодействие и гражданская инфраструктура поддерживают эту связность, а прослеживаемая обратная связь позволяет отличить процедурное включение от изменения правил, формирующих социальную среду.

Список литературы

1. Дегтярев, А. А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический цикл и его основные фазы / А. А. Дегтярев // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 4. – С. 158–168.
2. Сморгунов, Л. В. Сетевой подход к политике и управлению / Л. В. Сморгунов // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 3. – С. 103–112.
3. Михайлова, О. В. Сети в современном государственном управлении: конфигурации и механизмы координации / О. В. Михайлова // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 14–30.
4. Arnstein, S. R. A Ladder of Citizen Participation / S. R. Arnstein // Journal of the American Institute of Planners. – 1969. – Vol. 35, no. 4. – P. 216–224.
5. Ansell, C. Collaborative Governance in Theory and Practice / C. Ansell, A. Gash // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2008. – Vol. 18, no. 4. – P. 543–571.

6. Voorberg, W. A Systematic Review of Co-Creation and Co-Production: Embarking on the Social Innovation Journey / W. Voorberg, V. Bekkers, L. Tummers // Public Management Review. – 2015. – Vol. 17, no. 9. – P. 1333–1357.
7. Мерсиянова, И. В. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем / И. В. Мерсиянова, Л. И. Якобсон // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2011. – № 2. – С. 5–24.

УДК 351/354

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ К МОДЕЛИ «ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА» (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

Балагуров А.М.[1], ORCID 0000-0003-1805-8959,
Борисова А.Н.[2], ORCID 0009-0008-8811-8789
[1] АНО ВО «Российский университет кооперации», г. Мытищи, Московская обл., РФ
[2] НОЧУ ВО «Московский экономический институт», г. Москва, РФ
borisovaab.97@yandex.ru

Введение. Современный этап эволюции социума характеризуется глубокой пенетрацией цифровых алгоритмов во все сферы жизнедеятельности, включая сакральное ядро политической системы – публичную власть. Классические модели государственного управления, базирующиеся на веберовской рациональной бюрократии, иерархическом вертикализме и аналоговом документообороте, сталкиваются с онтологическим вызовом цифровой реальности. Происходит переход от концепта «Government 1.0» (информационное присутствие) к «Government 3.0» и далее – к платформенной парадигме, где государство начинает функционировать не как иерархически организованный аппарат, а как цифровая экосистема или платформа, агрегирующая данные и оказывающая сервисы в режиме реального времени.

Цель исследования: политологический и административно-правовой анализ трансформации субстанциональных основ публичной власти в РФ под воздействием цифровизации. В задачи входит выявление векторов деструкции традиционных институтов, анализ архитектуры «электронного государства» в России, а также верификация гипотезы о формировании новой формы властной рациональности – алгоритмической.

Методология исследования базируется на синтезе неоинституционального подхода (Д. Норт) и концепции «власти алгоритмов» (Д. Блэк, С. Лэш). Используется метод кейс-стади применительно к российской модели электронного правительства.

Основная часть. Традиционная модель публичной власти в России на протяжении длительного времени детерминировалась рентно-ориентированным поведением административного аппарата и эксклюзивным доступом к информации [2; 3]. Цифровая трансформация инициирует процесс «дизинтермедиации» – устранения посреднических звеньев между государством и гражданином. Внедрение Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) и портала «Госуслуги» привело к демонтажу классической «очереди» как социально-политического института, выполнявшего латентную функцию перераспределения власти.

Цифровая бюрократия, приходящая на смену традиционной, характеризуется делегированием рутинных управленческих решений программному коду. В этом контексте уместно говорить о феномене «власти без субъекта»: если в веберовской модели чиновник обладал монополией на интерпретацию нормы, то в условиях алгоритмизации администрирования норма имплементируется автоматически, что радикально снижает коррупциогенность, но одновременно порождает феномен «алгоритмической дискриминации» и ригидности системы.

Анализ российского кейса демонстрирует ярко выраженную ставку на государствоцентричный вариант цифровизации. В отличие от англо-саксонской модели, где драйвером выступает частный капитал (GAFAM), в России формируется этатистская цифровая платформа. Реализация национальной программы «Цифровая экономика» и создание суверенного сегмента интернета (закон о «суверенном Рунете») маркируют стремление государства к установлению контроля над инфраструктурным уровнем власти.

Публичная власть в цифровую эпоху смещается из сферы нормативного регулирования в сферу владения и управления данными (Big Data). Государство становится бенефициаром датафикации населения. Создание Единого регистра сведений о населении (Единого ресурса ЗАГС) и переход на цифровые профили граждан трансформируют онтологию властеотношений: субъект власти теперь имеет дело не с физическим телом гражданина, а с его цифровым двойником (цифровым аватаром).

Цифровизация существенно модифицирует механизмы легитимации политического режима. Классические электоральные процедуры и институты гражданского общества в РФ демонстрируют стагнацию, в то время как легитимность все активнее базируется на «технократическом контракте»: граждане делегируют власти право на управление в обмен на удобство, комфорт и скорость получения государственных услуг.

Модель «Государство как платформа» (ГосТех) нивелирует дистанцию между управляющими и управляемыми в утилитарном плане, но увеличивает разрыв в плане политического контроля. Возникает парадоксальная ситуация «деполитизации через технологизацию»: эффективная работа портала «Госуслуги» становится фактором снятия

политического напряжения, переводя гражданский активизм в русло бытового клиентизма. Политический субъект вытесняется фигурой «цифрового потребителя».

Анализ российской действительности позволяет выявить негативные экстерналии цифрового перехода. Интенсивное внедрение систем видеофиксации, биометрической идентификации (ЕБС) и предиктивной аналитики на базе ИИ создает инфраструктуру для паноптического надзора. Публичная власть обретает черты «электронного паноптикума» (Дж. Зубофф), где наблюдение становится асимметричным и вездесущим.

Кроме того, наблюдается феномен «цифрового неравенства» на институциональном уровне: региональные органы власти не обладают достаточными компетенциями и ресурсами для адаптации к федеральным цифровым требованиям, что порождает дисфункции управленческой вертикали и усиление асимметрии между центром и периферией.

Заключение. Проведенный анализ свидетельствует о том, что в России происходит глубокая морфологическая трансформация публичной власти. Модель «электронного государства» в РФ не является простым переводом услуг в цифровой формат; она знаменует переход к новому типу властной рациональности, основанной на алгоритмическом управлении, платформенной архитектуре и дата-центричности. Традиционные бюрократические институты, сохраняя юридическую форму, утрачивают монополию на посредничество, уступая место экосистеме государственных IT-платформ.

Генезис «электронного государства» в России носит гибридный характер. Он сочетает в себе прогрессистскую направленность на оптимизацию управления с консервативной установкой на укрепление вертикали власти и обеспечение цифрового суверенитета. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на проблеме сохранения субъектности гражданина в условиях тотальной алгоритмизации и выработке механизмов общественного контроля над цифровой инфраструктурой власти.

Список литературы

1. Болтаевский, А. А. Проблема гуманного общества / А. А. Болтаевский, Е. С. Белякова // Живые системы и биологическая безопасность населения. – М.: МГУПБ, 2010. – С. 389-390.
2. Вершицкая, Е. Р. Трансформация государственного управления в цифровую эпоху: анализ «электронного» и «цифрового» правительства / Е. Р. Вершицкая, А. Е. Згонникова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 6 – С. 30-38. – URL: https://vaael.ru/article/view?id=4189 (дата обращения: 15.09.2026). – DOI: https://doi.org/10.17513/vaael.4189
3. Данилов, Н. Трансформация электронного правительства и электронного государственного управления в условиях цифровой экономики // Вопросы права

в цифровую эпоху. – 2022. – № 3 (4). – С. 67-87. – DOI: https://doi.org/10.17323/2713-2749.2022.4.67.87
4. Страхов, И. А. E-government как тип современного государства / И. А. Страхов // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. – 2024. – № 2 (73). – С. 33–40. – URL: https://raa.ru/files/2024-UT-Arh/UT_RUAN-2(73)-2024.pdf (дата обращения: 13.10.2026).

УДК 324 (477.62)

ФАКТОРЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ДНР: ЗАПРОС НА СТАБИЛЬНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЮ

Бевцык О.В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
bevtsikoksana@mail.ru

Введение. Специфика электоральной мобилизации в ДНР обусловлена доминированием запросов на стабильность и интеграцию, что требует отдельного научного осмысления.

Цель: проанализировать специфику электоральной мобилизации в ДНР через призму запросов населения на стабильность и интеграцию в общероссийское политическое и социально-экономическое пространство.

Основная часть. В сентябре 2026 года жители Донецкой Народной Республики впервые приняли участие в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации на территории Республики. Четыре «исторических региона» теперь полностью интегрированы в российскую избирательную систему. Важно отметить, явка в Республике превысила 82% – это один из самых высоких показателей по всей стране, как отмечают наблюдатели, выборы прошли открыто и без нарушений [1]. Цифры представляют исследовательский интерес: на фоне общероссийской явки 59,8% показатель ДНР превышает средний уровень более чем на 20% пунктов. Такое расхождение не может быть объяснено исключительно организационными ресурсами. Рассматривая теоретические рамки: от «электоральной мобилизации» к «политической мобилизации», важно сразу разграничить эти два понятия. В узком смысле «электоральная мобилизация» – это адресная агитационная работа с избирателями накануне голосования, в широком – «политическая мобилизация» охватывает социально-психологические основания готовности граждан к участию. Эта тема больше соответствует ко второму пониманию – в фокусе внимания социально-психологические и политико-идентичностные факторы.

Исследования российских электоральных процессов 2011–2016 годов показали, что участие избирателей подвержено «импульсной

мобилизации»: определённые события или сигналы накануне выборов активируют готовность к голосованию. Эта рамка может быть перенесена на контекст ДНР 2026 года, однако с корректировкой ключевых переменных – от «протестного импульса» к «потребности в безопасности» и «потребности в подтверждении идентичности».

Гендиректор аналитического центра ВЦИОМ В. Фёдоров, подводя итоги выборов 2026 года, отметил, что «запрос на онтологическую безопасность «определил» эти выборы». В контексте ДНР это суждение приобретает более конкретное значение. «Безопасность» для жителей ДНР – категория повседневная: выборы проходили в условиях угрозы атак беспилотников и обстрелов, попытки повреждения избирательной инфраструктуры.

Показательно высказывание экспертов, в том, что Донбасс как никто знает, чем оборачивается, когда граждане не идут на выборы… В 2004 году это открыло путь нацистскому перевороту на Украине. Этот тезис указывает на ключевой механизм: исторический опыт конвертируется в политическое познание. Для избирателя ДНР участие в выборах – не абстрактная реализация права, а отрицательная реакция на коллективную память о «политической дезорганизации до 2014 года».

По завершению выборов можно отметить, что выборы 2026 года, как важнейшая веха окончательной интеграции Донбасса и Новороссии в российскую политическую систему, интеграция исторических регионов в основном завершена. С точки зрения психологии избирателя, «завершение интеграции» – не только институциональный факт, но и ритуальный момент подтверждения идентичности. Само участие в выборах в Госдуму впервые конституирует практическое подтверждение статуса гражданина России.

Анализируя общероссийские результаты, можно отметить, что избиратель сделал выбор в пользу стабильности, суверенитета и динамичного развития, а также что в России сформировалась новая электоральная модель, основанная на патриотическом консенсусе. В ДНР эта модель имеет более выраженную эмпирическую основу.

С 2022 по 2026 год Республика прошла путь от зоны активных боевых действий до «нормализации управления» – переход от нестандартного управления к стандартному, от произвольных решений к правилам, от страха перед будущим к возможности это будущее планировать. Для избирателя ДНР участие в выборах может означать участие в процессе «нормализации» – а именно, институциональное подтверждение границ собственного политического сообщества.

ЦИК разработал специальные правила для территорий в условиях военного положения, включая резервные участки, возможность приостановки голосования и широкое применение дополнительных форм голосования. Досрочное голосование в ДНР продолжалось с 30 августа по

17 сентября, поэтому значительная часть избирателей реализовала участие досрочно. Эти меры снижают издержки участия, но не объясняют явку в 82,14% полностью. Более обоснованное объяснение – эффект наложения организационного удобства и психологической мотивации: первое снижает порог участия, второе предоставляет основание для него.

По результатам выборов депутатов в Государственную Думу РФ в Донецкой Народной Республике, проходивших 18–20 сентября 2026 года, максимальное количество голосов избиратели отдали за Партию «Единая Россия» – 80,46%. За КПРФ – 5,08%, «Справедливая Россия» – 5,01%, ЛДПР – 4,45%, «Новые люди» – 2,39%, все остальные зарегистрированные партии набрали менее 0,5% голосов [4]. Всего в Госдуме РФ IX созыва 450 депутатов – 225 избраны по партийным спискам, 225 по одномандатным округам. Партия «Единая Россия» получила 349 мандата [2].

С полной победой по одномандатным округам определились следующие кандидаты: по Донецкому округу: Александр Бородай – 72,18%, по Макеевскому – Ирина Куксенкова –72,55%, по Горловскому – Сергей Макаров –72,76% [3]. А также на федеральном уровне, будут представлять интересы региона экс–министр здравоохранения ДНР Дмитрий Гарцев, экс–депутаты Народного Совета ДНР Сергей Добровольский и Виктор Николаенко. По всем трем округам победили кандидаты от Партии ЕР.

Заключение. Таким образом, пример ДНР демонстрирует ограниченность классических моделей электорального поведения, разработанных для стабильных демократий. В условиях постконфликтного общества мотивационная структура участия смещается от инструментальных и экспрессивных мотивов к защитным и идентичностным. Это позволяет говорить о формировании особого типа электоральной мобилизации – «мобилизации безопасности», где голосование выполняет функцию подтверждения принадлежности к защищенному политическому сообществу. В тоже время, высокий уровень электоральной мобилизации в ДНР не является аномалией, требующей объяснения через «административное давление», а закономерным результатом совпадения запроса населения на безопасность и стабильность с институциональными возможностями участия, предоставленными в рамках интеграции в российскую политическую систему.

Список литературы

1. В ДНР «Единая Россия» набрала более 80 процентов голосов на выборах в ГД. Текст: электронный// – РИА Новости. – 2026. – URL: https://ria.ru/20260921/dnr-2119381156.html (дата обращения: 07.10.2026).
2. Избирательная комиссия Донецкой Народной Республики. – Текст: электронный// «Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации девятого созыва». – официальный сайт. – 2026. – URL: http://dnr.izbirkom.ru/kalendar-vyborov/edg2026/ (дата обращения: 07.10.2026).

3. Избирательная комиссия Донецкой Народной Республики Текст: электронный// «Одномандатные избирательные округа». – официальный сайт. – 2026. – URL: http://dnr.izbirkom.ru/kalendar-vyborov/edg2026/odnomandatnye-izbiratelnye-okruga/ (дата обращения: 07.10.2026).
4. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации Постановление от 25.09.2026 № 53/356-9 Текст: электронный// «О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации девятого созыва по федеральному избирательному округу». – официальный сайт. – 2026. – URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/59419/ (дата обращения: 07.10.2026).

УДК 316.64-057.875

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ НОВОСИБИРСКА В ЕЁ ГРАЖДАНСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Бобров И.В., ORCID 0000-0002-2828-6579,
Боброва А.С., ORCID 0000-0001-8834-928X
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»,
г. Новосибирск, РФ
ivan.v.bobrov@gmail.com, anastasia1140@gmail.com

Введение. Представления о принадлежности к России складываются под влиянием разных факторов, от восприятия общей истории до личной привязанности к месту, где человек родился и вырос. Вопрос о том, какое место занимают эти представления в общероссийской идентичности современной молодёжи, сохраняет высокую актуальность.

Цель: выявить, как гражданские и патриотические представления о принадлежности к России связаны с территориальными и культурными основаниями идентичности.

Основная часть. В работах Л.М. Дробижевой общероссийская гражданская идентичность рассматривается через осознание принадлежности к общему государству, единство представлений о культуре и историческом прошлом, разделение гражданских ценностей, территориальную общность [1]. Патриотизм, гражданственность, ответственность за судьбу Отечества и историческая память входят в число традиционных ценностей, закреплённых в Указе Президента Российской Федерации № 809 [2].

Вместе с тем представления о принадлежности к стране формируются и на уровне повседневного опыта. Обращение к тому, как люди сами описывают свою связь с Россией, позволяет выявить содержание, которое они вкладывают в общероссийскую идентичность [3].

Эмпирическую основу исследования составил анонимный онлайн-опрос 353 студентов пяти вузов Новосибирска: НГТУ, НГУ, НГУЭУ, СИУ РАНХиГС и СГУПС. Опрос проводился в мае–июне 2026 г. среди студентов, завершивших изучение курса «Основы российской государственности». Для анализа использованы ответы на открытый вопрос: «Что для Вас значит Россия, и что значит быть россиянином?». После отбора содержательных высказываний в корпус вошли 252 ответа. Все приведённые далее доли рассчитаны от этого числа и характеризуют обследованную группу.

Для изучения ответов использовался качественный контент-анализ с сочетанием заранее определённых категорий и категорий, уточнённых в ходе работы с материалом [4]. Единицей анализа служил ответ респондента, который мог содержать несколько смысловых тем. Для настоящего исследования из общей кодовой книги были отобраны пять категорий, распределённых по двум группам. Первая объединяла патриотическую привязанность, историческую память и гражданскую ответственность. Вторая отражала территориальную и культурную принадлежность, включая связь с родным местом, природой, языком и традициями. При кодировании упоминание Родины рассматривалось как проявление территориальной принадлежности, тогда как патриотическая привязанность фиксировалась только при наличии явно выраженных положительных чувств по отношению к стране.

Территориально-культурные основания принадлежности к России встречались в 162 ответах (64.3%), гражданско-патриотические – в 103 (40.9%). Наиболее распространённой категорией оказалась территориально-биографическая принадлежность, выявленная в 127 ответах (50,4%). Культурно-языковые основания присутствовали в 74 ответах (29,4%), историческая память – в 63 (25,0%), патриотическая привязанность – в 47 (18.7%), гражданская ответственность – в 33 (13,1%).

Полученные результаты показывают, что студенты чаще связывают принадлежность к России с местом, где они живут или выросли, и близкой им культурой. При этом историческая память и гражданские представления также занимают заметное место в их ответах.

Главный результат исследования заключается в том, что гражданско-патриотические представления чаще всего встречались вместе с территориально-культурными основаниями принадлежности к России. Такое сочетание было выявлено в 78 ответах (31.0%). Исключительно гражданско-патриотические смыслы присутствовали в 25 ответах (9,9%), а территориально-культурные – в 84 (33,3%). Ещё в 65 ответах (25,.8%) не было обнаружено ни одной из рассматриваемых групп смыслов. Среди ответов, содержавших гражданско-патриотические представления, территориальные или культурные основания принадлежности встречались в 75.7% случаев. В ответах без гражданско-патриотических смыслов этот

показатель составлял 56.4%. Статистический анализ подтвердил наличие слабой, но значимой связи между двумя группами смыслов ($\chi^2(1)=9,93$; $p=0,002$; $\varphi=0.199$).

Эта связь прослеживается и в самих ответах студентов. Один из респондентов объясняет свою принадлежность к России следующим образом: «Это значит быть в культурном контексте России. Значит быть готовым что-то отдать, чтобы согражданам жилось лучше». В его понимании культурная принадлежность предполагает готовность заботиться о благополучии сограждан. Другой студент связывает Россию с тем, что его окружает с детства: «люди, культура, история и место, где я вырос». При этом принадлежность к стране для него означает и готовность «чувствовать ответственность за её настоящее и будущее».

Принадлежность к России может осмысляться и через привязанность к родному региону. Так, одна из студенток пишет: «Я горжусь тем, что я – сибирячка, горжусь моей малой родиной». Региональная идентичность в данном случае становится частью представлений о принадлежности к России. В других ответах студенты обращаются к воспоминаниям о родных местах, знакомой с детства природе и людях, среди которых они выросли. Через эти личные образы общероссийская идентичность приобретает более конкретное содержание.

Полученные результаты показывают, что в ответах обследованных студентов гражданско-патриотические представления чаще всего сочетаются с территориальными и культурными основаниями принадлежности к России. Патриотические чувства и гражданская ответственность нередко выражаются через обращение к личному опыту, прежде всего к родным местам и знакомой культурной среде. При этом значительная часть студентов описывает свою связь с Россией исключительно через территориальную и культурную принадлежность, не затрагивая гражданско-патриотическую тематику. Полученные результаты могут быть учтены в практике гражданского и патриотического воспитания студентов. Обсуждение общероссийской идентичности целесообразно выстраивать с опорой на близкий молодым людям опыт, в том числе на историю родного края и участие в жизни местного сообщества.

Информация о финансовой поддержке: *Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FSUN-2026-0013).*

Список литературы

1. Дробижева, Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян / Л. М. Дробижева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 4. – С. 480–498. – DOI 10.14515/monitoring.2020.4.1261.

2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 08.10.2026).
3. Fox, J. E. Everyday nationhood / J. E. Fox, C. Miller-Idriss // Ethnicities. – 2008. – Vol. 8, no. 4. – P. 536–563. – DOI 10.1177/1468796808088925.
4. Mayring, P. Qualitative Content Analysis / P. Mayring // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. – 2000. – Vol. 1, no. 2. – Art. 20. – DOI 10.17169/fqs-1.2.1089.

УДК 342.5:004

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ВЕКТОР ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Борисова А.Ш., ORCID 0009-0008-8811-8789
НОЧУ ВО «Московский экономический институт», г. Москва, РФ
borisovaab.97@yandex.ru

Введение. Современный этап социотехнической эволюции характеризуется конвергенцией информационно-коммуникационных технологий и административных практик, что приводит к формированию качественно новой онтологии государственного управления. Традиционная веберовская модель бюрократии, основанная на иерархической субординации и бумажном документообороте, подвергается энтропии под воздействием алгоритмизации управленческих процессов. В данном дискурсе электронное государство репрезентует собой не просто набор технических инструментов, а вектор глубокой институциональной трансформации, затрагивающей саму природу взаимоотношений между государством и обществом. Для РФ данный процесс представляет особый интерес ввиду специфики институциональной матрицы, сочетающей элементы этатизма и стремления к инновационному развитию.

Цель: выявить теоретико-методологическое осмысление перехода от фрагментарной автоматизации к целостной платформенной архитектуре, рассматриваемой как имманентная черта современной модели российской государственности.

Основная часть. Методологический фундамент исследования базируется на синтезе неоинституционального подхода и концепции технологического детерминизма. Неоинституционализм позволяет интерпретировать внедрение цифровых технологий как процесс изменения формальных и неформальных правил игры, ведущий к снижению уровня

оппортунизма и асимметрии информации в системе публичного управления. В свою очередь, анализ технологических моделей опирается на структурно-функциональный метод, позволяющий декомпозировать архитектуру электронного государства на отдельные подсистемы (идентификация, данные, сервисы, коммуникации).

Эволюция электронного государства в России демонстрирует последовательную смену парадигм. Первый этап (2010–2016 гг.) ознаменовался институционализацией портала Госуслуг, что по сути являлось процессом «оцифровывания» бюрократических процедур без их глубинного реинжиниринга. Однако уже на втором этапе наблюдается переход к проактивной модели управления, при которой государство перестает быть реактивным оператором, реагирующим на запросы граждан, и превращается в алгоритмизированную систему, предвосхищающую потребности акторов.

Имплементация принципа «одного окна» и развитие системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) привели к дематериализации управленческих процессов. В институциональном плане это спровоцировало эрозию классической бюрократической иерархии: горизонтальные связи становятся более значимыми, чем вертикальная субординация, а роль чиновника трансформируется из «контролера» в «оператора цифрового сервиса».

В качестве доминирующей технологической модели современной России выступает концепция Государство-как-Платформа. Данная модель подразумевает кардинальную ревизию ИТ-ландшафта государственного сектора. В отличие от устаревшей модели «лоскутной автоматизации», ГкП предполагает создание единой цифровой инфраструктуры, построенной на принципах микросервисной архитектуры и API-интеграции.

Ключевым элементом здесь является Единая система идентификации и аутентификации и Единая система нормативно-справочной информации. Эти компоненты выполняют роль институциональных «скреп», обеспечивающих интероперабельность различных ведомственных систем. Переход на платформенную модель ведет к формированию цифрового двойника государства, где бюрократические процедуры симулируются и оптимизируются до момента их непосредственного исполнения в реальном мире.

Значимым феноменом является внедрение технологий распределенного реестра и смарт-контрактов в контрольно-надзорную деятельность, что потенциально ведет к децентрализации доверия и замещению института государственного арбитража автоматизированным алгоритмом.

Сложность анализа состоит в диалектическом противоречии между эффективностью и свободой. С одной стороны, платформенная модель в

России рассматривается как инструмент обеспечения цифрового суверенитета, то есть способности государства контролировать критическую информационную инфраструктуру в условиях геополитической турбулентности. Импортозамещение программного обеспечения и создание суверенного сегмента сети Интернет являются логическим продолжением этой технологической модели.

С другой стороны, гипертрофированная цифровизация создает риски становления «цифрового Левиафана». Накопление больших массивов данных в руках государства при недостаточном институциональном контроле создает предпосылки для социальной инженерии и алгоритмической дискриминации. Здесь наблюдается институциональная ловушка: стремление к тотальной цифровой прозрачности может привести к инверсии принципа обратной связи, когда не государство служит гражданину, а гражданин становится объектом постоянного мониторинга со стороны алгоритмизированной машины управления.

Заключение. Электронное государство в современной России представляет собой сложный, многофакторный феномен, который не может быть редуцирован лишь к технической модернизации. Это вектор институциональных изменений, в рамках которого происходит замена иерархических бюрократических структур сетевыми платформенными экосистемами. Технологическая модель «Государство-как-Платформа» является на сегодняшний день наиболее релевантным ответом на вызовы сложности современного общества.

Однако дальнейшая эволюция данной модели потребует поиска гомеостаза между цифровой эффективностью и правовой аксиологией. Институциональный дизайн будущего должен быть ориентирован не просто на внедрение технологий, а на создание устойчивых механизмов общественного контроля за их применением, что позволит избежать дегуманизации публичного управления.

Список литературы

1. Болтаевский А.А., Власенко Л.В., Голомазова Т.Н., Иванова З.И., Прядко И.П., Шныренков Е.А. Социология. – М.: МГСУ, 2013.
2. Корзина А.А. Концепция «электронного правительства»: разработка категориального аппарата // Caucasian Science Bridge. – 2025. – Т. 8. – № 1(27). – С. 8-20.
3. Понкин И.В. Концепт электронного государства в рамках новой системы публичного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 4. – С. 52-58.
4. Страхов, И. А. E-government как тип современного государства / И. А. Страхов // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 2(201). – С. 77-82. EDN ATAAMC.
5. Страхов И.А. Модели "электронного государства": от азиатской до российской // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. – 2024. – № 2(73). – С. 33-40.

УДК 34(091)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: РОЛЬ И МЕСТО III ОТДЕЛЕНИЯ СЕИВК В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Василиади А.Х., ORCID 0009-0009-9259-7150
Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская Академии МВД РФ», г. Донецк, РФ
vasilex97@mail.ru

Введение. В истории Российской империи XIX века институт политического сыска занимал центральное место в обеспечении стабильности самодержавия. Ключевым полицейским органом этого типа было III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕИВК). В условиях отсутствия развитых конституционных механизмов и разделения властей, III Отделение выступало не просто как правоохранительный орган, а как специфический политический институт, интегрированный непосредственно в структуру императорской власти. Актуальность исследования данной темы обусловлена необходимостью понимания генезиса российских правоохранительных органов и органов безопасности, а также, механизмов функционирования систем управления с жесткой вертикалью власти.

Цель данной работы состоит в анализе роли III Отделения СЕИВК в системе государственного управления Российской империи и определение его функций как ключевого элемента политического полицейского режима.

Основная часть. III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, новый орган российской политической полиции, было учреждено императором Николаем I именным указом № 449 от 3 июля
1826 г. [1]. Событием, побудившим самодержавие перестроить и укрепить эту важную часть государственного устройства, было восстание декабристов. Отдельный корпус жандармов, получивший новое образование указом 28 апреля 1827 г. (№ 1062) [2], предоставил в распоряжение III отделения не только вооруженную силу, но и хорошо разветвленную сеть местных жандармских управлений. Координация действий этих двух организаций осуществлялась единым руководством: начальником III отделения и шефом жандармов с 1826 по 1844 год был граф Александр Христофорович Бенкендорф [3].

III Отделение, созданное в 1826 году, представляло собой уникальный бюрократический конструктив. В отличие от современных правоохранительных органов, его полномочия выходили далеко за рамки борьбы с преступностью. Основная функция учреждения заключалась в

«охране государственного порядка и незыблемости престола». Это подразумевало комплексный подход: от цензурного надзора и мониторинга общественного мнения до ведения агентурной работы и политического сыска.

В системе государственного управления III Отделение занимало привилегированное положение. Находясь в непосредственном подчинении монарха, оно обладало правом обходить стандартные бюрократические процедуры, установленные министерствами. Это создавало дуализм управления: с одной стороны, существовала регулярная административная вертикаль, с другой – «параллельная» структура политико-полицейского контроля, способная оперативно реагировать на любые проявления дестабилизации.

Функционал III Отделения можно разделить на три ключевых направления:

1. Информационно-аналитическое: сбор данных о настроениях в обществе, контроль за деятельностью интеллигенции и студенчества.

2. Превентивно-цензурное: контроль над печатным словом и пресечение распространения «крамольных» идей еще на стадии их формирования.

3. Репрессивно-надзорное: осуществление административного надзора за лицами, признанными политически неблагонадежными, и проведение следственных действий по делам о государственной измене.

Однако именно эта исключительность порождала системные противоречия. Включение политического сыска в структуру управления приводило к конфликтам с судебной системой и Министерством внутренних дел. III Отделение часто становилось инструментом политической борьбы внутри самой элиты, что подрывало принцип законности и создавало атмосферу подозрительности в государственном аппарате. Это создало долгую конкурентную атмосферу между МВД Российской Империи и III Отделением СЕИВК, однако данная борьба создала почву для дальнейшего исторического развития органов правопорядка и госбезопасности России.

Первый начальник III Отделения граф Александр Христофорович Бенкендорф в 1826 году сделал очерк предполагаемого устава и кодекса сотрудника СЕИВК, где были прописаны должностные обязанности, основы антикоррупционного поведения, верность присяге и патриотизм:

«Для того, чтобы полиция была хороша и обнимала все пункты империи, необходимо, чтобы она подчинялась системе строгой централизации, чтобы ее боялись и уважали, и чтобы уважение это было внушено нравственными качествами ее главного начальника. Чины, кресты, благодарность служат для офицера лучшим поощрением, нежели денежные награды… Полиция эта должна употребить всевозможные старания, чтобы приобрести нравственную силу, которая во всяком деле

служит лучшей гарантией успеха. Итак, первое и важнейшее впечатление, произведенное на публику этой полицией, будет зависеть от выбора министра и от организации самого министерства; судя по ним, общество составит себе понятие о самой полиции» [4].

Заключение. Таким образом, следует констатировать, что III Отделение СЕИВК являлось не вспомогательным органом, а фундаментальным институтом российской государственности XIX века. Оно выполняло роль «иммунной системы» самодержавия, однако методы этой системы носили реактивный и репрессивный характер.

Роль III Отделения в системе управления была двойственной: обеспечивая краткосрочную стабильность и защиту монархии от немедленных угроз, оно одновременно способствовало институциональному кризису. Чрезмерное расширение полномочий политической полиции, ее выход за рамки правового поля и подрыв авторитета регулярных институтов управления стали одними из факторов, ослабивших государственную устойчивость Российской Империи в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 1. – Санкт-Петербург, 1830. – № 449 : Об учреждении III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии : указ от 3 июля 1826 г.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 1. – Санкт-Петербург, 1830. – № 1062 : Об учреждении пяти округов жандармского корпуса : указ от 28 апреля 1827 г.
3. III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (03.07.1826–06.08.1880) // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. – Санкт-Петербург, 1998. – Т. 1. – С. 158–161.
4. Русская старина. – 1900. – Т. 104. – С. 615–616.

УДК 323

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КАК МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ДНР)

Думбадзе А.Р., ORCID 0009-0008-4405-8817
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
artyom.dumbadze1@yandex.ru.

Введение. Долгое время роль пространства в политических и управленческих процессах недооценивалась, однако сегодня пространственное развитие обретает черты фундаментального

политического института. В русле обновленного стратегического целеполагания Российской Федерации (в частности, в логике Стратегии пространственного развития РФ до 2030 года) особое значение приобретает инструментальная сторона пространственной политики. Данная проблематика приобретает беспрецедентную актуальность на региональном уровне, в первую очередь – на примере интеграции Донецкой Народной Республики (ДНР) в экономико-правовое и цифровое пространство России.

Цель данного исследования – проанализировать пространственную политику как двойственный механизм государственного целеполагания (публичный и латентный) в условиях цифровизации государственного управления с учетом региональной специфики новых субъектов РФ.

Основная часть. Классическое отождествление пространства и территории, привычное для обыденного управленческого дискурса, методологически обесценивает анализ современных политических процессов. В отличие от территории, пространство – это динамичный институт, выступающий реальной ареной для выстраивания властных отношений и распределения ресурсов.

Теоретико-методологический фундамент исследования опирается на понимание двойственной природы государственного управления. Как подчеркивает А.И. Соловьев, публичная политика, выступая открытым соревновательным пространством, неизбежно встраивает в свое «тело» и защищает латентные механизмы политического доминирования [5, с. 62]. За публичным нормативным фасадом стратегического планирования непрерывно функционирует скрытый контур, обслуживающий интересы доминирующих акторов, где институциональные процедуры зачастую используются для кулуарного распределения ресурсов.

Эта двойственность ярко проявляется в эпоху цифровизации, порождающей гибридную социотехническую реальность – «фиджитал-пространство». Интенсивное внедрение сквозных технологий приводит к конструированию автономного пространства политики, в котором инструменты традиционного административного контроля над физическими юрисдикциями смыкаются с алгоритмическим диктатом цифровых платформ [1, с. 244].

Применение данной теоретической рамки к региональному аспекту (на примере ДНР) позволяет вскрыть сложную механику пространственного целеполагания на новых территориях. Интеграция ДНР в состав РФ сопровождается не просто восстановлением, а глубоким институциональным переформатированием ее пространства, которое реализуется через ряд нормативных, экономических и цифровых механизмов.

Во-первых, базовым публичным инструментом пространственного развития макрорегиона выступает Свободная экономическая зона (СЭЗ).

Как справедливо констатирует М.В. Миньковская, «формирование СЭЗ является основным инструментом развития ДНР, что позволит привлечь 55 млрд. рублей инвестиций» [3, с. 224]. Однако с точки зрения политологического анализа, СЭЗ функционирует не только как драйвер экономического восстановления, но и как механизм латентного конструирования новых элитарных коалиций и перераспределения рентных потоков. Встраивание федеральных и локальных бизнес-структур в реестр резидентов СЭЗ фиксирует новый баланс сил в регионе.

Во-вторых, разрушение прежних внутрирегиональных связей диктует необходимость институциональной реорганизации системы расселения. Л.В. Шабалина и соавторы, анализируя изменение контуров территориальной системы ДНР, обосновывают необходимость разработки новой концепции пространственного развития, базирующейся на выделении семи городских агломераций (Донецко-Макеевская, Горловско-Енакиевская и др.) и зоны приоритетного развития агропромышленной специализации [6, с. 59]. Данный подход коррелирует с позицией О.И. Ровенчак, согласно которой именно сбалансированность территориальной организации экономики ДНР выступает важнейшим «элементом системы социально-экономической безопасности РФ» [4, с. 180-181].

В-третьих, важнейшим контуром пространственной интеграции выступает алгоритмическая власть. Н.А. Воропаев, исследуя цифровизацию учетно-регистрационной системы в ДНР, выделяет в качестве ключевого этапа внедрение Национальной системы пространственных данных (НСПД). Отмечается, что запуск данной цифровой платформы призван «объединить разрозненные сведения об объектах недвижимости» и сформировать «платформу для градостроительного планирования территорий всей страны» [2, с. 20]. Переход к экстерриториальному принципу оказания государственных услуг де-юре упрощает гражданский оборот, а де-факто – выступает классическим проявлением фиджитал-политики и латентной централизации.

Заключение. Пространственная политика в отношении Донецкой Народной Республики представляет собой сложный, двойственный механизм государственного целеполагания. На публичном уровне декларируются и успешно реализуются задачи социально-экономического восстановления, преодоления инфраструктурных ограничений и градостроительного планирования через создание агломераций и режимов СЭЗ. Однако на глубинном, латентном уровне пространственная интеграция региона неразрывно связана с процессами беспрецедентной алгоритмической централизации. Внедрение экстерриториальной платформенной логики (посредством таких систем, как НСПД) традиционной системе административно-территориального деления трансформирует региональную власть, превращая ее институты в

зависимых агентов алгоритмики. Дальнейшее развитие пространственной политики ДНР остро нуждается в разработке новых политико-правовых механизмов сдержек и противовесов, способных гармонизировать императив федеральной цифровой управляемости с необходимостью сохранения политической субъектности локальных сообществ.

Список литературы

1. Володенков, С. В. Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности / С. В. Володенков, С.Н. Федорченко, Ю. Д. Артамонова // ПОЛИТЭКС. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 231-245.
2. Воропаев, Н. А. Цифровизация учетно-регистрационной системы в Донецкой Народной Республике: основные направления и первые результаты / Н. А. Воропаев // Молодой ученый. – 2023. – № 47-1 (494). – С. 30-33.
3. Миньковская, М. В. Анализ направлений механизма пространственного развития территорий России / М. В. Миньковская // Актуальные проблемы интеграции Донецкой Народной Республики в экономико-правовое пространство Российской Федерации : Сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции. – Мариуполь : МГУ имени А.И. Куинджи, 2025. – С. 223-229.
4. Ровенчак, О. И. Сбалансированность территориальной организации экономики ДНР как элемент системы социально-экономической безопасности РФ / О. И. Ровенчак // Актуальные проблемы интеграции Донецкой Народной Республики в экономико-правовое пространство Российской Федерации : Сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции. – Мариуполь : МГУ имени А.И.Куинджи, 2025. – С. 179-184.
5. Соловьев, А. И. Латентный функционал публичной политики / А. И. Соловьев // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 57-79.
6. Шабалина, Л. В. О необходимости разработки концепции пространственного развития Донецкой Народной Республики / Л. В. Шабалина, Г. А. Шавкун, М. В. Тимко // Вестник Института экономических исследований. – 2023. – № 2 (30). – С. 55-66.

УДК 32.019.5:004.8

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ, ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ, КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

***Ильницкий И.П.*,**
***Посредников Д.В.*,** канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0009-2369-3683
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ifilatov015@gmail.com, posrednikov.d@mail.ru

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что сегодня генеративный искусственный интеллект (ИИ, AI) меняет производство и распространение политической информации. Новые возможности

используются для информирования граждан, и создают условия для масштабирования дезинформации, имитации общественной поддержки, эксплуатации когнитивных и эмоциональных уязвимостей аудитории. При этом применение ИИ не доказывает манипулятивного намерения.

Цель: предложить аналитическую модель оценки манипулятивного потенциала генеративного ИИ, критерии разграничения признаков сообщения и доказанных изменений общественных установок.

Основная часть. В цифровой среде политическое влияние зависит не только от содержания сообщений, но и от алгоритмического распределения видимости, скорости распространения информации и взаимодействия пользователей с платформами. Генеративный ИИ снижает затраты на создание большого количества сообщений и позволяет адаптировать их содержание и тональность. Однако генерация контента, его массовое распространение и изменение политических установок представляют собой разные процессы.

И. Калиев (и соавторы) рассматривает ИИ и социальные сети как взаимосвязанные элементы политической конкуренции, разграничивая алгоритмическое ранжирование, персонализацию информационного потока, генерацию контента и автоматизированную активность [1]. Лингвистические исследования информационного противоборства выделяют фреймирование, изменение контекста, переосмысление понятий и противопоставление групп [2]. Однако эмоциональная тональность и использование алгоритмов ещё не доказывают манипуляцию: необходим анализ контекста, достоверности и способов представления информации.

Экспериментальные исследования подтверждают способность больших языковых моделей (LLM) создавать убедительные сообщения. В трёх предварительно зарегистрированных экспериментах с общей выборкой 4829 участников сгенерированные сообщения сильнее изменяли установки по некоторым вопросам государственной политики, чем нейтральные; их убедительность сопоставима с убедительностью сообщений, подготовленных людьми [3]. Это подтверждает потенциал убеждения, но не доказывает манипулятивного характера каждого сообщения или устойчивого изменения поведения.

К. Акбулут (и соавторы) изучили склонность LLM использовать манипулятивные приёмы и эффективность воздействия на выборке 10101 участника из США, Великобритании и Индии. Частота приёмов не позволяла последовательно предсказать успешность воздействия [4]. Следовательно, содержание сообщения и фактический эффект необходимо оценивать отдельно. В исследовании Google DeepMind манипулятивные приёмы выявлялись в 30,3% случаев при прямой инструкции модели манипулировать и в 8,8% случаев без неё [5]. Эти показатели относятся к конкретным экспериментальным условиям и не характеризуют распространённость манипуляции в политической коммуникации в целом.

Другой риск связан с достоверностью онлайн-опросов. С. Уэствуд показал, что автономные ИИ-агенты способны создавать связные ответы и проходить некоторые проверки, предназначенные для выявления автоматизированных участников [6]. В публикации рассматривается сценарная оценка: добавление 10–52 синтетических ответов могло изменить прогноз в семи национальных опросах перед выборами 2024 года. Это оценка уязвимости конкретных опросов, а не доказательство фактического изменения результатов выборов с помощью ИИ.

Таким образом, исследования подтверждают возможность убеждающего воздействия и потенциального искажения некоторых процедур измерения общественного мнения, при этом не доказывают повсеместного использования этих возможностей в политических целях. В связи с этим предлагается использование трёхуровневой модели оценки манипулятивного потенциала ИИ. Первый уровень – содержание сообщения: достоверность утверждений, избирательное представление фактов, ложная атрибуция источников, скрытое давление, эксплуатация страхов и создание ложного впечатления всеобщего согласия. Каждый признак – с учётом контекста. Второй – реакция аудитории: изменение оценок после взаимодействия с сообщением, воспринимаемая достоверность, эмоциональная реакция и готовность пересмотреть позицию. Третий – политические и поведенческие последствия: изменение намерений, решений или участия в общественной дискуссии. Для установления наличия влияния недостаточно выявить совпадение распространения сообщения с изменением общественных настроений. Модель объединяет пять элементов: политический субъект, генеративную систему, цифровую платформу или медиапосредника, аудиторию и контур обратной связи. Субъект задаёт цель коммуникации; ИИ создаёт или адаптирует сообщения; посредник влияет на их распространение; аудитория интерпретирует содержание; обратная связь позволяет корректировать последующие сообщения. Данная аналитическая конструкция требует эмпирической проверки. Для этого предлагаются четыре группы индикаторов: особенности содержания, характеристики распространения, измеряемые изменения установок и сопоставление с независимыми данными об общественном мнении. Поисковые запросы, просмотры и активность в социальных сетях могут отражать информационный интерес, но не являются прямыми показателями политических предпочтений. Их интерпретация требует учёта событийного контекста, сопоставления с другими источниками. Противодействие манипулятивному использованию ИИ предполагает комплекс технологических, институциональных и образовательных мер. Критерии выявления манипуляции должны быть прозрачными и проверяемыми. Возникает существенная методологическая проблема: автоматизированная оценка сообщений сама может осуществляться с

помощью ИИ, включая LLM, которые не обладают безусловной объективностью и способны воспроизводить ошибки и смещения. Предложенная модель позволяет разграничить признаки манипулятивного содержания, реакцию аудитории и политические последствия. Далее – операционализация индикаторов и проверка модели на различных типах политических сообщений. Такой подход создаёт основу для эмпирической оценки механизмов и последствий применения генеративного ИИ в политической коммуникации.

Список литературы

1. Kaliyev I., Zhanpeiissova K., Kopezhanova D., Malibayev M., Turgaleyeva A. Artificial intelligence and social media as new arenas of political competition: challenges for democracy // Frontiers in Political Science. – 2026. – Vol. 8. Art. 1821621. – DOI: https://doi.org/10.3389/fpos.2026.1821621.
2. Хабаров А. А. Техники лингвокогнитивного манипулирования в реалиях информационно-психологического противоборства // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. № 4. – С. 72–82. – DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-4-72-82.
3. Bai H., Voelkel J. G., Muldowney S. et al. LLM-generated messages can persuade humans on policy issues // Nature Communications. – 2025. – Vol. 16. Art. 6037. – DOI: https://doi.org/10.1038/s41467-025-61345-5.
4. Akbulut C., Elasmar R., Roy A. et al. Evaluating language models for harmful manipulation [Электронный ресурс]. 2026. arXiv:2603.25326. – URL: https://arxiv.org/abs/2603.25326 (дата обращения: 12.10.2026).
5. King H. Protecting people from harmful manipulation [Электронный ресурс] // Google DeepMind. 26 марта 2026 г. – URL: https://deepmind.google/blog/protecting-people-from-harmful-manipulation/ (дата обращения: 12.10.2026).
6. Westwood S. J. The potential existential threat of large language models to online survey research // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2025. – Vol. 122, no. 47. Art. e2518075122. – DOI: https://doi.org/10.1073/pnas.2518075122.

УДК 323.2:316.4

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

***Комаров М.А.*,**
Быстрянцев С.Б., д-р социол. наук, проф., ORCID 0009-0007-0992-4989
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
maksim.komarov.mc@mail.ru, bystriantsev@yandex.ru

Введение. Современный этап развития российского общества характеризуется интенсивным распространением цифровых технологий,

оказывающих существенное влияние на различные сферы общественной жизни, включая политические отношения и процессы формирования политического сознания личности. Особую значимость цифровая трансформация приобретает применительно к молодежи, для которой интернет-коммуникации выступают одним из привычных способов получения информации, межличностного взаимодействия и общественного самовыражения. Молодые граждане получают возможность самостоятельно выбирать информационные источники, обсуждать общественно-политические события и участвовать в коллективных инициативах вне непосредственного взаимодействия с традиционными политическими организациями. Вместе с тем цифровизация сопровождается возникновением новых проблем, связанных с распространением недостоверной информации, алгоритмической селекцией контента, фрагментацией информационного пространства и неравномерностью цифровых компетенций. Политическая социализация традиционно осуществляется посредством взаимодействия личности с семьей, образовательными организациями, государственными институтами, средствами массовой информации и социальным окружением.

Цель: выявить специфику формирования и развития цифровой среды в плане формирования политического сознания и гражданской активности современной российской молодежи.

Основная часть. Развитие цифровых технологий существенно изменяет характер данного взаимодействия, создавая дополнительные каналы распространения политической информации и формирования общественных представлений. В отличие от традиционной модели массовой коммуникации, предполагающей преимущественно одностороннее движение информации от институционального источника к аудитории, цифровая среда обеспечивает возможность многостороннего информационного обмена. Молодые пользователи способны не только воспринимать политические сообщения, но и самостоятельно распространять информацию, выражать оценки общественных событий, участвовать в дискуссиях и формировать тематические сообщества.

В научной литературе цифровизация рассматривается как значимый фактор изменения политической социализации. А. В. Анищенко отмечает трансформацию политического участия российской молодежи под влиянием социальных сетей и цифровых медиа, обращая внимание на различия между пассивным потреблением политического контента и активными формами онлайн-деятельности [1].

Одним из наиболее значимых направлений цифровой политической социализации является воздействие социальных сетей и интернет-платформ на формирование политического сознания молодых граждан [2].

Политическое сознание включает совокупность знаний, представлений, оценок, эмоциональных реакций и ценностных ориентаций личности по отношению к политическим институтам, общественным отношениям и процессам принятия властных решений. В цифровой среде формирование указанных компонентов осуществляется в условиях высокой скорости информационного обмена, визуализации сообщений и персонализации информационных потоков [3].

Особенностью современного медиапотребления является сочетание политического, образовательного и развлекательного контента. Политическая информация может поступать к пользователю не только посредством специализированных новостных ресурсов, но и через видеоматериалы, публикации блогеров, комментарии, тематические сообщества и рекомендации цифровых платформ. Это способствует расширению возможностей политического информирования, однако одновременно усложняет разграничение достоверной информации, оценочных суждений и эмоционально окрашенных сообщений [4].

Существенное значение приобретают алгоритмы цифровых платформ, определяющие последовательность и частоту демонстрации пользователю определенного контента. Алгоритмическая персонализация может повышать доступность интересующей информации, но при определенных условиях способствует формированию относительно замкнутых информационных пространств. В результате политические представления молодых граждан могут складываться под воздействием ограниченного круга источников, соответствующих уже существующим предпочтениям.

Цифровизация способствует изменению форм гражданской и политической активности молодежи, расширяя возможности общественного взаимодействия.

Традиционные формы политического участия включают голосование на выборах, деятельность в политических партиях, участие в общественных объединениях и взаимодействие с органами публичной власти. Цифровая среда дополняет указанные механизмы новыми практиками, среди которых можно выделить участие в общественно-политических дискуссиях, распространение социально значимой информации, электронные обращения, цифровое волонтерство и коллективное обсуждение общественных инициатив [5].

Таким образом. распространение политической публикации или выражение поддержки определенной инициативе не обязательно сопровождается устойчивой гражданской активностью. В связи с этим цифровое политическое участие целесообразно рассматривать как многоуровневое явление, включающее информационную, коммуникативную, мобилизационную и практическую составляющие. Информационный уровень предполагает получение и распространение

сведений о политических событиях. Коммуникативный связан с обсуждением общественных вопросов. Мобилизационный отражает участие в координации коллективных инициатив. Практический уровень характеризуется переходом к конкретным действиям, направленным на решение общественно значимых проблем. Важным показателем результативности цифровой политической социализации выступает способность молодого гражданина переходить от пассивного медиапотребления к осознанному участию в общественной жизни. На основе рассмотренных теоретических положений предлагается использовать многоуровневую аналитическую модель исследования цифровой политической социализации российской молодежи.

Список литературы

1. Анищенко А. В. Особенности политического участия российской молодёжи в условиях цифровизации // Наука. Культура. Общество. – 2024. – Т. 30. – № 3. – С. 130–141. DOI: 10.19181/nko.2024.30.3.8.
2. Казанцев Д. А., Качусов Д. А. «Зона без политики»: роль развлекательного контента в политической социализации российской молодежи на примере Steam и YouTube // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – Том 27, № 2. – С. 301–314.
3. Свистунов А. А. Политическая социализация молодежи в условиях цифровизации: к постановке исследовательской задачи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2025. – Т. 25. – № 2. – С. 496–511. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-496-511.
4. Брянцев И. И., Брянцева О. В. Особенности процесса политической социализации молодёжи в российском обществе в условиях цифровизации // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. – Т. 19. – № 3. – С. 109–136. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-3-109-136.
5. Российский научный фонд. Политическая социализация российской молодежи в контексте трансформации ее коммуникативных стратегий. Проект № 24-28-01584. – URL: https://rscf.ru/project/24-28-01584/

УДК 323.28:004

КИБЕРТЕРРОРИЗМ КАК НОВЫЙ ТИП ТЕРРОРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Ладыга Л.И., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0007-5557-2013
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
ladyga78@bk.ru

Введение. Важными чертами современного терроризма является иерархичность и строгая организационная структура; жесткая

конспирация; мощная техническая оснащенность, конкурирующая по обеспеченности с правительственными институтами.

Кибертерроризм *способен* угрожать разным информационным системам, но степень этой угрозы сильно варьируется. Всё зависит от того, насколько система критична, насколько она уязвима и какую роль играет в жизни общества и государства.

Цель: определить сущность кибертерроризма и политико-правовые способы противодействия данному явлению.

Основная часть. Разработка стратегии борьбы с терроризмом, связанной с информационными технологиями, осложняется неоднозначной трактовкой дефиниции. Можно согласиться с мнением, что кибертерроризм – это общественно опасная деятельность, осуществляемая в киберпространстве (или с использованием его технических возможностей) с террористическими целями, состоящая в сознательном, целенаправленном запугивании органов государства и населения или осуществлении иных посягательств на общественный порядок, жизнь и здоровье людей [1]. Кибертерроризм отличается от иных типов терроризма: действует в киберпространстве и представляет собой новый вид насилия. Действительно, он кардинально меняет привычные «правила» терроризма.

1. Мотивация. Важно не путать кибертерроризм с киберпреступностью. Их ключевое отличие – цели. Киберпреступления преимущественно мотивированы личной выгодой (кража данных, денежных средств). Кибертерроризм преследует идеологические, социально-политические цели: дестабилизация общества, принуждение власти к действиям, привлечение внимания к определённой проблеме.

2. Объекты воздействия**.** Цель кибертерроризма – не только прямое физическое разрушение. Его цель – информационно-технологическая часть инфраструктуры: системы управления объектами (атомными станциями, транспортными узлами), базами данных, сети связи. Его задача – вывести их из строя, создать условия для техногенной катастрофы (аварии) и т.п.

3. Масштабность и трансграничность. Цифровая среда не имеет государственных границ. Угроза носит глобальный характер, и противостоять ей в одиночку практически невозможно – необходимы международные механизмы сотрудничества.

4. Инструменты и среда. Традиционный терроризм базируется на физическом воздействии: захвате объектов, взрывчатке, оружии. Кибертерроризм использует цифровые технологии – взлом системы, вредоносное программное обеспечение, ботнеты, атаки на информационные сети. Его арсенал – это код и инфраструктура, а не сила.

5. Методы устрашения и пропаганды. Кибертеррористы не зависимы от СМИ как от посредника. Они могут напрямую, в режиме реального

времени, через собственные каналы в сети донести до аудитории информацию об атаке, сопроводив её угрозами. Это усиливает психологический эффект, создаёт атмосферу паники и недоверия к государственным институтам.

6. Асимметричность затрат и ущерба. Подготовка классического теракта требует серьёзных ресурсов: финансирования, людей, логистики. Кибератаки может запустить один человек или малая группа с минимальными затратами на оборудование и программное обеспечение, но при этом вероятный ущерб (для экономики, критической инфраструктуры – энергетики, транспорта, банков) будет колоссальным.

7. Дистанционность и анонимность. Кибертеррористы могут находиться в одной стране, а атаковать объект в другой, причём в тысячах километров от цели. Они используют прокси-серверы, VPN, зашифрованные каналы, дабы замести цифровые следы. В классическом терроризме исполнитель физически присутствует на месте, что в определенной мере упрощает идентификацию.

8. Сложность атрибуции. Даже если атака зафиксирована, установить истинного исполнителя, а тем более заказчика, крайне трудно. Технологии позволяют фальсифицировать следы, имитировать деятельность одной группировки от имени другой. Это дискредитирует один из принципов законности – принцип неотвратимости наказания, создаёт почву для гибридных конфликтов, где террорист остаётся формально непричастным. В итоге совокупность этих факторов превращает кибертерроризм в принципиально иной феномен. Он бросает вызов традиционным подходам к безопасности, правоохранительной практике и международному праву.

Таким образом, под кибертерроризмом мы понимаем целенаправленные и скоординированные атаки в киберпространстве с использованием высоких технологий, с целью провокаций, запугивания, получения влияния над определенной группой лиц (категорией), уничтожения, перехвата информации, нарушения функционирования или выведения из строя объектов критической инфраструктуры, являющихся стратегически важными для безопасности и экономики страны, и иных общественно опасных последствий. Последствия террористических посягательств на объекты критической инфраструктуры могут быть разрушительны и в социальном значении [2].

Решение проблемы противодействия кибертерроризму основывается на комплексном подходе и имеет следующие составляющие: правовую (связана с разработкой нормативно-правовых актов, регламентирующих отношения в информационной сфере, и нормативно-методических документов по вопросам обеспечения информационной безопасности); организационную (предполагает совершенствование организационной структуры государственных и частных предприятий, сертификации и стандартизации средств защиты информации, лицензирование

деятельности в сфере защиты информации); психологическую (предполагает формирование морально-этических норм у сотрудников информационных систем, обеспечивающих критическую инфраструктуру государства); техническую (создание и постоянное совершенствование системы обеспечения информационной безопасности на объектах информатизации и предупреждения нападения).

Заключение. С учетом цели исследования, ключевой проблемой остается правовая регламентация использования киберпространства. Необходим правовой рычаг воздействия на повышение ответственности провайдеров и владельцев сайтов за размещение недостоверной и вредной информации, а также закрепление механизма правового влияния на недобросовестных субъектов информационных отношений в киберпространстве. Кроме того, необходимо не допускать пробелов и правовых коллизий в законодательстве, ведущих к несвоевременной и неадекватной реакции правоохранительных органов на факты причинения вреда информации, информационно-телекоммуникационным сетям, репутации граждан и т.п. Обеспечение кибербезопасности все чаще рассматривается, в качестве стратегической цели государства, охватывает весь спектр государственного регулирования. Киберугрозы, в свою очередь, влияют на российские субъекты, используются в качестве составляющей гибридной агрессии стран Запада и Украины против нашего государства.

Список литературы

1. Голубев В.А. Кибертерроризм, как новая форма терроризму. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.crimeresearch.org/library/Gol_tem3.ht (дата обращения: 15.07.2026).
2. Котенко, И.В., Саенко, И.Б., Захарченко, Р.И., Величко, Д.В. Подсистема предупреждения компьютерных атак на объекты критической информационной инфраструктуры: анализ функционирования и реализации // Вопросы кибербезопасности. – 2023. – № 1 (53). – DOI:10.21681/2311-3456-2023-1-13-27. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-preduprezhdeniya (дата обращения: 15.07.2026).

УДК 94(47).084

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРУШЕНИЯ СССР

Николаев Ю.Б., ORCID 0000-0002-9633-5141
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
iu.nikolaev@donnu.ru

Введение. До настоящего времени не утихают дискуссии о том, распался ли СССР или был разрушен. Данное исследование направлено на изучение внутренних трансформаций в государстве, которые изменили структуру власти и существенно пошатнули моральные ценности советского народа, а также выявление фактов враждебного вмешательства извне.

Целью настоящей работы является изучение фактов и документов советского периода, которые в той или иной мере могли повлиять на процесс разрушения или распада СССР, а также фактов использования политических технологий несвойственных отечественной традиции.

Основная часть. Политические системы нуждаются в факторах и инструментах управления и регулирования, которые обеспечивают стабильность и устойчивое развитие. Как правило, это различные комбинации силовых и символических методов ведения государственной политики.

В советский период основным символическим фактором служила использованная К. Марксом идея, олицетворяющая коммунистическое общество: «Каждый по способностям, каждому по потребностям», – о которой он говорит в своей статье «Критика Готской программы» [1, с. 21]. В той же работе К. Маркс утверждает: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» [1, с. 30]. Таким образом, согласно К. Марксу, форма правления строившего коммунистическое общество СССР являлась диктатурой, скорее не пролетариата, а партократии.

В своём выступлении на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза, проходившем в октябре 1962 г., её руководитель Н. С. Хрущёв утверждал: «В течение двух десятилетий в СССР будет создана материально-техническая база коммунизма» [2, с. 167]. Последнее предложение принятой на съезде программы звучало: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» [3, с. 142].

Поскольку к 1982 г. материально-техническая база коммунизма построена не была, а КПСС на данный факт никак не реагировала, советский народ лишился символической цели в образе общества, в котором каждому обещалось «по потребностям». Между тем, лозунг «Каждый по способностям, каждому по потребностям» играл в СССР роль объединяющей идеи, поэтому возникла необходимость заменить его чем-то. С этого момента начинается отсчёт процесса разобщения республик СССР.

Законом «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР», принятым 14 марта 1990 года, была отменена 6-я статья Конституции СССР о руководящей роли КПСС. Так в Советском Союзе закончился период марксовской диктатуры пролетариата. Данная реорганизация открывала новые возможности для деструктивных националистических сил республик СССР.

Ещё одним фактором, активизации деструктивных сил стал Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 сентября 1989 г., который упразднил ст.190.1 УК РСФСР 1960 г. «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», а ст.70 УК РСФСР 1960 г. «Антисоветская агитация и пропаганда» была заменена на «Публичные призывы к насильственным свержению или изменению советского государственного и общественного строя».

Изменения в Уголовном кодексе максимально затруднили деятельность КГБ по нейтрализации деструктивных сил.

Интересно, что практически одновременно с отменой статей уголовного кодекса, с 8 по 10 сентября 1989 г. в Киеве проходил учредительный съезд украинской националистической организации, именуемой «Народным рухом Украины», которая стала главной силой в процессе выведения Украины из состава СССР.

Ключевым событием разрушения СССР стали следующие события. 24 августа 1991 г. Верховный совет УССР принял два документа: Акт провозглашения независимости Украины и Постановление о провозглашения независимости Украины, – опубликованные в газете «Голос Украины» 27 августа 1991 г. Последнее предложение Акта регламентировало: «Настоящий акт вступает в силу с момента его одобрения». При этом в постановлении говорилось о проведении 1 декабря 1991 г. всеукраинского референдума по подтверждению Акта провозглашения независимости Украины. Слова *одобрение* и *подтверждение* не являются синонимами. Тем не менее, вопрос в бюллетене референдума звучал: «Подтверждаете ли вы Акт провозглашения независимости Украины?» Очевидно, что данный вопрос не имеет смысла, поскольку можно подтвердить, что-либо связанное с именем существительным, но само имя существительное подтвердить нельзя. Тем не менее вопрос предусматривал отсутствие отрицательного

ответа, чем и была достигнута победа в референдуме украинских националистических сил [4, с. 12].

2 декабря 1991 г. Польша и Канада признали независимость Украины.

В докладе ОБСЕ о референдуме на Украине указано: «На историческом референдуме/президентских выборах 1 декабря 1991 года жители Украины подавляющим большинством проголосовали за независимость…» [5]. Данное утверждение противоречит реальным фактам.

Заключение. Настоящее исследование показывает, что в 80–90 годы СССР столкнулся с кризисом, связанным с несостоятельностью идеи: «Каждый по способностям, каждому по потребностям», а значит, и коммунистического строя в целом. События, связанные с референдумом на Украине, свидетельствуют об использовании политических технологий зарубежного происхождения.

Список литературы

1. Маркс К. Критика Готской программы. – М. : Госполитиздат, 1938. – 72 с.
2. XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчёт. – М. : Госполитиздат, 1962. – 608 с.
3. Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М. : Госполитиздат, 1961. – 144 с.
4. Николаев Ю. Б. Очерки политической истории Украины: Малоизвестное. Монография / Ю. Б. Николаев. – Донецк: Издательский дом «Эдит», 2026. – 104 с.
5. The December 1, 1991 Referendum/Presidential Election in Ukraine. A Report Prepared by the Staff of the Commission on Security and Cooperation in Europe. – URL – https://www.csce.gov/wp-content/uploads/2016/06/120191UkraineReferendum.pdf (дата обращения 31.10.2025)

УДК 323.1

ОСОБЕННОСТИ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДОНБАССА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

***Лисовой А.В.*,**
***Скворцов Ю.А.*,** ORCID 0009-0003-4533-9630
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
artem2005lisovoi@mail.ru, yu.skvortsov@mail.ru

Введение. Истоки индустриальной идентичности Донбасса складывались под воздействием промышленного развития территории: здесь исторически доминировала тяжёлая и угольная промышленность, что предопределило особые ментальные характеристики населения региона. Именно эта специфика сформировала особый тип общности, для которой профессия стала не просто родом занятий, а способом выражения и

отождествления. При этом такая идентичность выходила за рамки производства и приобретала политический вес: забастовки, требования, коллективные выступления. В этой связи возникает вопрос: каким образом индустриальная идентичность может формировать чувство «мы», отождествлять «своих» и «чужих», определять политические ориентиры.

Цель: определить, в чём заключаются особенности индустриальной идентичности Донбасса в политической практике.

Основная часть. Формирование Донбасса как промышленного центра началось с соледобычи. В XVII в. в районе Бахмута выходцы из разных регионов Московского государства занимались вываривaнием соли из местных озёр. Всё это привело к тому, что к началу XVIII в. здесь уже действовали солеваренные заводы. Нехватка древесного топлива для выварки соли стала причиной первых поисков каменного угля: в 1721 г. были обнаружены его залежи, качество которых подтвердила Берг-коллегия.

Донбасс изначально складывался как регион трудовой миграции: рабочие приезжали из Липецка, Белгорода, Москвы и других территорий. Все эти процессы предопределили к формированию многокультурного состава населения и особого типа социальных связей, основанных на профессиональной солидарности, а не на этнической принадлежности [1].

В 1869 г. британский промышленник Джон Юз основал металлургический завод в районе села Александровки, положивший начало Юзовке. К концу XIX в. на Донбассе насчитывалось более 80 предприятий, около 400 шахт и порядка 30 тыс. рабочих; в регион пришли французские, бельгийские и немецкие инвестиции.

Промышленное развитие и многокультурная среда Донбасса нашли отражение и в языке. Регион традиционно считался русскоговорящим, однако местная речь приобрела черты, отличающие её от говора жителей других территорий. Кандидат филологических наук, доцент Луганского государственного педагогического университета Виктория Дубинина отмечает: отдельные слова и целые выражения здесь понятны только коренным жителям. Формирование такого лексикона шло под влиянием рабочих профессий – шахтёрский и заводской быт требовал коротких, ёмких обозначений. Отсюда «тормозок» (еда на смену), «ставок» (пруд), «террикон» (отвал породы). Самое известное местное слово – «тремпель», то есть вешалка-плечики. Рядом с ним стоят «синенькие» (баклажаны), «толчонка» (картофельное пюре), «мастерка» (спортивная куртка), «кулек» (полиэтиленовый пакет), «буряк» (свёкла).

Характер жителей закалялся и историческими событиями. Революция, Гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление – всё это требовало выносливости и терпения, а экономические кризисы конца XX в. добавили к этому опыту ещё и опыт выживания в условиях безработицы и разрухи [1].

Индустриальная идентичность Донбасса с самого начала несла политический контекст. Шахтёры и металлурги представляли собой организованную силу, способную отстаивать свои интересы. Забастовки вспыхивали и в дореволюционной России, и в советское время, но особенно ярко это проявилось в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Летом 1989 г. в Донбассе начались массовые забастовки шахтёров. В июле забастовали горняки шахты имени Засядько в Донецке, к концу месяца в движении участвовало уже более 200 тыс. человек. Затем волна перекинулась на Кузбасс и другие угольные регионы. Требования выдвигались экономические – повышение зарплат, улучшение условий труда – и политические: отмена статьи 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС, отставка правительства, смена курса реформ. Уже тогда шахтёрская солидарность вышла за рамки производственных вопросов [2].

В 1993 г. забастовочное движение приобрело новое качество. В июне прошла всеобщая забастовка, охватившая Донецкую и Луганскую области. Помимо экономических требований, впервые прозвучали призывы к автономии и федерализации Украины. Шахтёрские профсоюзы, прежде всего Независимый профсоюз горняков Украины, превратились в политическую силу, с которой приходилось считаться киевским властям. В том же году в Донецке прошёл съезд представителей шахтёрских коллективов, где обсуждались вопросы изменения административно-территориального устройства страны.

Политическая активность опиралась на индустриальную солидарность. Шахтёрские коллективы действовали как единый организм – так же, как под землёй, где каждый зависит от каждого. Требования автономии вытекали из ощущения, что регион, кормящий страну, не получает должного взамен. В 2004 г., во время Оранжевой революции, в Северодонецке прошёл съезд депутатов всех уровней, на котором звучали предложения о создании Юго-Восточной автономии [3]. Идеологические предпочтения жителей Донбасса во многом определялись индустриальной идентичностью – памятью о советской модернизации, ностальгией по сильному государству, которое защищало трудящегося. В 2014 г. эти настроения вылились в митинги за федерализацию, провозглашение ДНР и ЛНР, референдумы и вооружённый конфликт. Шахтёрские коллективы стали основой ополчения. С началом СВО в 2022 г. ситуация получила дальнейшее развитие: республики были признаны, а индустриальная идентичность продолжала играть важную роль в политическом самоопределении региона. Политическая практика Донбасса показывает, что профессия как основа коллективной идентичности рано или поздно приобретает политическое измерение [3].

Заключение. Таким образом, индустриальная идентичность Донбасса формировалась на протяжении длительного времени под

влиянием промышленного освоения региона, трудовой миграции и исторических испытаний. Она закрепилась в языке, повседневных практиках и коллективной памяти. Политическое измерение сопутствовало ей на протяжении всей истории региона: профессиональная солидарность и чувство общности закономерно находили выражение в коллективных действиях и требованиях. Опыт Донбасса демонстрирует, что индустриальная идентичность способна выступать самостоятельным фактором политической жизни.

Список литературы

1. «Донбасс – сердце России»: как регион стал промышленным центром страны. – Текст : электронный // РИА Новости : официальный сайт. – 2025. – 28 мая. – URL: https://ria.ru/20250528/donbass-2020442613.html (дата обращения: 30.09.2025).
2. Шилов И. Забытый референдум. Выбор Донбасса был сделан еще 30 лет назад / И. Шилов, А. Рыжкова. – Текст : электронный // ИА REGNUM : сетевое издание. – 2024. – 27 марта. – URL: https://regnum.ru/article/3877359 (дата обращения: 30.09.2025).
3. Клименко А. Б. Идентичность жителей Донбасса: онтологический аспект / А.Б. Клименко // Вестник Донецкого университета. Серия 02. Гуманитарные науки. – 2026. – № 4. – С. 73–79.

УДК 323.2

НОВЫЙ ЭТАП ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОИСКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Пономаренко Б.Е., Руденко М.В.,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
bodya092004@mail.ru, m.v.rudenko@bk.ru

Введение. Дискуссия о необходимости государственной идеологии в России идет уже давно. Однако, важно понимать, насколько обоснована такая необходимость. Ведь роль именно идеологического кризиса в распаде таких исторических форм российской государственности, как Российская империя и СССР, была велика. Современная Российская Федерация (РФ) не спешит становиться на рельсы официальной идеологии, опасаясь возможных рисков. В то же время, длительный идеологический вакуум также чреват негативными тенденциями в общественном развитии. Видимо, с этим связано создание некоего «аналога идеологии», в форме утвержденного на государственном уровне комплекса «традиционных российских духовно-нравственных ценностей», которые создают для общества моральные и нравственные ориентиры, но в то же время лишены ярлыка «идеология».

Цель: выяснить, почему на современном этапе снова заговорили о важности идеологии?

Основная часть. Политическая идеология приобретает качества системы в беспрерывном взаимодействии множества элементов, и в первую очередь элементов символического ряда, составляющих сущность идеологического конструкта, что позволяет нам говорить об идеологии как символической системе. Здесь важен вопрос о ценности, значимости и смысле идеологических символов для широкой аудитории. Идеология устанавливает рамки восприятия политической реальности, создавая новый символический образ, отражающий и одновременно конституирующий идеальные представления о мире политического и политические ценности отдельных институтов, групп и индивидов. Символический ряд организует идеологию в единство формы, объединяющую вокруг себя значительные ценности.

Социальный философ и культуролог А.С. Ахиезер указывал на то, что культура приобретает характер системы в силу необходимости «освоения и запоминания накапливаемого опыта» [1, с. 383]. При этом организация культуры строится на дуальных оппозициях, схематизирующих осваиваемое человеком пространство и делающих его доступным, «своим», что «может стать основой формирования потоков новых смыслов, новых интерпретаций».

Идеология же как политико-культурный феномен в политическом пространстве является также схематизирующей системой, становясь источником новых смыслов и интерпретаций в ограниченном сегменте пространства, претендуя на универсальность и расширение собственных границ. Говоря о соотношении таких категорий, как «символ», и «ценность», российский автор О.А. Кармадонов высказал мнение, что для социальных наук смешение или разделение данных категорий является проблематичным. Он исходит из того, что символ возможно определить «как некую «надидею», заключающую в себе все остальные «идеи» [2, с. 127-128]. Как пишет А.С. Ахиезер «смысл – это всегда результат личной интерпретации». Но когда мы говорим о коллективном начале политической идеологии, субъективные смыслы становятся источником для организации совокупностей идеальных категорий в политическом пространстве или «общности личных интерпретаций» [1, с. 379].

Историческое прошлое и образ прошлого во второй половине 1990-х гг. трансформировался в ценность «прошлое». Как отмечает в своём исследовании Б.В. Дубин, группа, поддерживающая центристские и социалистические партии и организации, «с особенной частотой выделяла символы великой державы и мирового приоритета – «гордость за свою большую и сильную страну», «ведущую роль в мире». К концу 1990-х гг. идеологический пессимизм части интеллигенции и бытовой пессимизм основной массы населения сомкнулся, породив неотрадиционалистские

черты в основном социальном типе современных россиян. «Сила прошлого» в индивидуальных трактовках напрямую связывалась с победой СССР во Второй мировой войне, смысл которой переносился на символические образы народа, власти и государства. Ценность «Победы», а вслед за ней и ценность «прошлого» включались в символический ряд формируемой идеологической формы державно-патриотической направленности. В таком деидеологизированном виде он принимается сегодня большинством как «наше славное прошлое», общее и единое, в котором не существует разрыва между имперской Россией и СССР.

Свои идеи о существующей цивилизационной идентичности и необходимости появления государственной идеологии в Российской Федерации активно высказывает известный политолог С.А. Караганов, считающий, что официальное признание России в Концепции внешней политики «государством-цивилизацией» [4], назрело давно. Однако, значительная часть российского общества все еще смотрит в сторону Запада, что по мнению исследователя «опасно и губительно». Как полагает С.А. Караганов «наши корни – на Северо-Востоке, а настоящее и будущее – на обширном евразийско-тихоокеанском пространстве, в многополярном мире. Сами же мы – самобытная поликультурная и полиэтническая нация, цивилизация цивилизаций». Однако для продолжения движения вперёд нужна «большая идея» [3]. То есть, политическая идеология. Причину же отсутствия в государстве идеологического стержня С.А. Караганов, видит в «неготовности части интеллектуального класса» пересмотреть привычные для себя либеральные или коммунистические «истины». Национальная идея, как основа государственной идеологии, по мнению исследователя, должна быть сформулирована политическими лидерами и элитами современной России. Существующий же запрет на государственную идеологию в Конституции РФ автор призывает «обойти», заменяя понятие «идеология» концепцией живой «идеи-мечты России». На ее основе предлагается сформулировать «Кодекс россиянина», которому должны следовать члены управляющего класса страны [3]. Исходя из публичной риторики С.А. Караганова можно определить, как сторонника самобытного пути России в мировом пространстве. Пути, который позволяет воспользоваться как преимуществами европейского происхождения, так и выстраивать дружеские отношения с соседями на востоке, преподнося это всё, в обёртке мультикультурализма. Также можно отметить, что представления С.А. Караганова являют собой духовно-идеологическую версию концепции «Хартленда» Х. Маккиндера, в которой Северо-Восточная Евразия представляется центром человеческой цивилизации.

Заключение. В связи с очевидным кризисом в мировом масштабе проекта западного глобального либерального империализма, который не смог адекватно ответить на вызовы, стоящие перед человечеством, а также

нарастающим противостоянием России и Запада, все более актуальным становится вопрос об идеологических основах современного российского государства. Таким образом, можно констатировать начало нового этапа идеологического поиска.

Список литературы

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта / А. С. Ахиезер. – Б.м.: б.и. 2022. – Т. 1. От прошлого к будущему. – 792 с. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=686132 (дата обращения: 07.10.2026.).
2. Кармадонов, О. А. Социология символа / О. А. Кармадонов. – Москва: Академия, 2004. – 347 с.
3. Караганов, С. А. Российская идея-мечта XXI века / С. А Караганов, П. Н. Малютин // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 4. – С. 107-119. – URL: https://karaganov.ru/rossijskaja-ideja-mechta-xxi-veka/#_ftn1 (дата обращения: 07.10.2026). – EDN: UIRIIS.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). – Текст: электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. – 31.03.2023. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 07.10.2026).

УДК 323.398:364.07

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сидельников А.М.,
Пожидаев Е.А., канд. полит. наук, доц., ORCID 0009-0002-4580-0872
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
aleshka-sidelnikov@mail.ru, e.pozhidaev@donnu.ru

Введение. Добровольчество институционально закрепилось как ресурс социальной, молодежной и гуманитарной политики, а также инструмент мобилизации гражданского участия. По данным «Добро.рф» на 2025 год: 9 264 902 волонтёра, 1 075 Добро.Центров, 198 134 637 часов добровольческой деятельности. 32% россиян хотя бы раз за последний год занимались волонтерской деятельностью. Движение #МЫВМЕСТЕ участвовало в ликвидации последствий более 48 чрезвычайных ситуаций.

Цель: выявить тенденции и перспективы государственной политики РФ в сфере добровольческой деятельности.

Основная часть. Мы принимаем в качестве периодизации истории следующие этапы:

1. Общинно-церковный этап (X–XVIII вв.) – зарождение практик взаимопомощи;

2. Общественно-благотворительный этап (сер. XIX в. – 1917 г.) – оформление через благотворительные общества и земства;

3. Мобилизационно-идеологический этап (1917 – конец 1940-х гг.) – включение в государственные кампании;

4. Массово-организационный этап (1950-е – 1980-е гг.) – санкционированные коллективные формы участия;

5. Постсоветский институциональный этап (с 1990-х гг.) – переход к институционально оформленной системе.

Актуальными являются зарубежные модели государственной политики в данной сфере. Среди них:

- социально-ориентированная патерналистская модель (Беларусь) – добровольчество в русле социальной поддержки и молодежно-патриотического участия;
- государственно-мобилизационная молодежная модель (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан) – инструмент вовлечения молодежи в общественно полезные практики;
- сервисно-инновационная модель (Азербайджан) – интеграция в систему государственных сервисов и административных инноваций;
- централизованно-управляемая интеграционная модель (Китай) – часть общей системы социального управления.

Важнейшими нормативно-правовыми основами государственной политики в сфере добровольческой деятельности в России выступают: Конституция РФ (ст. 114) – обязанность Правительства поддерживать институты гражданского общества и добровольческую деятельность; Федеральный Закон (далее ФЗ) от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтёрстве)» – базовый закон; ФЗ от 05.02.2018 № 15-ФЗ – системное закрепление понятий «добровольчество» и «волонтёрство»; ФЗ от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике» – связь добровольчества с молодежной политикой; Концепция содействия развитию добровольческой деятельности до 2030 года (распоряжение от 25.12.2025 № 4064-р).

В качестве важнейших организационно-институциональных основ следует выделить: субъекты: федеральные органы, региональные структуры, муниципальный уровень, добровольческие организации, ресурсные центры, образовательные организации, НКО, цифровые платформы; инфраструктуру: ресурсные центры, добровольческие штабы, проектные офисы, образовательные программы, цифровые профили; цифровизацию: платформа Добро.рф обеспечивает регистрацию, подбор проектов, учет опыта, обучение и коммуникацию.

Особенности реализации в ДНР находят своё отражение в следующих нормативно-правовых актах и общественно значимых

проектах: Закон ДНР «О молодежной политике» от 24.02.2025 № 166-РЗ, Программа «Комплексное развитие молодежной политики в ДНР» (постановление от 25.12.2023 № 113-14), Ресурсный центр поддержки добровольчества ДНР – координация, методическое сопровождение, Проекты: «#МЫВМЕСТЕ», «#ДоброРаботает», «Миллион Добрых Дел | ДНР», «Регион добрых дел», «Добро.Карта». Показательно, что, например в 2025 году на развитие волонтерства привлечено 2,8 млн. рублей федеральной субсидии.

Вызовы, встающие перед государственной политикой в данной сфере.

Неоднородность региональных практик – различия в ресурсах, инфраструктуре и управленческой готовности территорий.

Риск формализации – преобладание количественных показателей над качеством гражданской включенности.

Неравный доступ к ресурсам – разрыв между крупными городами, малыми территориями и новыми субъектами РФ.

Недостаточная глубина молодежной вовлеченности – инертность мобилизации и условно пассивное участие.

Необходимость сохранения добровольной природы участия – баланс между координацией и личной мотивацией.

Тенденции и перспективы. Три ключевых решения.

1. Согласование федеральной повестки и региональной специфики через общественно-государственный диалог.

2. Преодоление формализации через оценку гражданской вовлеченности, доверия и общественной пользы (а не только количественных показателей).

3. Выравнивание территориальных возможностей через развитие местных добровольческих сообществ, наставничества и доступных цифровых инструментов.

Перспективная модель должна основываться на:

- ✓ Развитии общественно-государственного диалога; переходе от количественной отчетности к оценке доверия и общественной пользы;
- ✓ Поддержке проектной самостоятельности добровольцев;
- ✓ Расширении наставничества и обратной связи; формировании устойчивых горизонтальных связей между гражданами, организациями и публичной властью.

Вывод.

1. Добровольчество – форма общественно полезного участия, способ гражданской самоорганизации и направление взаимодействия общества с публичной властью.

2. Институт добровольчества в России прошел пять этапов эволюции: от общинно-церковного до постсоветского институционального.

3. Нормативно-правовая база закрепляет добровольчество как самостоятельную форму гражданского участия.

4. Региональная практика ДНР отличается гуманитарной направленностью и прикладным характером помощи.

5. Преодоление вызовов требует перехода от административной координации к развитию гражданской субъектности, доверия и устойчивых горизонтальных связей.

Список литературы

1. Оргкомитет премии #МыВместе подвёл итоги 5 лет работы движения и премии – Текст: электронный // Официальный сетевой ресурс Президента России. – URL: https://government.ru/news/56910/ (дата обращения: 07.10.2026).
2. Сергей Кириенко и Татьяна Голикова подвели итоги пятилетней работы движения #МЫВМЕСТЕ – Текст : электронный // Президентская академия : официальный сайт. – URL: https://www.ranepa.ru/news/sergey-kirienko-i-tatyana-golikova-podveli-itogi-pyatiletney-raboty-dvizheniya-myvmeste/ (дата обращения: 07.10.2026).

УДК 323.2(470+571)

СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ К ТРАДИЦИОНАЛИЗМУ

***Скворцов Ю.А.*,** ORCID 0009-0003-4533-9630
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yu.skvortsov@mail.ru

Введение. Современная российская практика показывает, что идеологические предпочтения политических субъектов связаны с потребностями общества. В отличие от западного дискурса, в России определяющими не стали постклассические тенденции из-за нерешённости базовых социально-экономических проблем. Однако перемены в социально-экономической, политической и социокультурной сферах ведут к корректировке фундаментальных ценностей либерализма, консерватизма и социализма. Все три модели подвижны: они могут проявляться изолированно или сближаться, создавая синтез. По Е. Ясину, в России распространены три течения: традиционное консервативное – национально-государственное; социалистическое – левое, популистско-гуманистическое; либерально-демократическое [7].

Целью является анализ современных идеологических направлений Российской Федерации и выявление предпосылок формирования официальной идеологии, ядром которой выступают традиционные ценности.

Основная часть. Либерализм – лишь одно из начал человеческой жизни, но оно не является единственным. Как отмечал Н.А. Бердяев, «невозможно нормальное и здоровое существование и развитие общества без консервативных сил. Консерватизм поддерживает связь времен… соединяет будущее с прошлым…» [2]. Некоторые политологи связывают будущее либерализма в России либо с утверждением идей русского либерального консерватизма, соединяющего ценности либеральной демократии и национальных духовных традиций, либо с усвоением ценностей «нового» либерализма, синтезирующего принципы классического либерализма и социал-демократии. По их мнению, в России нет либеральной традиции и общественных условий, благоприятных для развития либерального сознания, поэтому необходим синтез экономического либерализма с духовно-культурным консерватизмом. Г. Рормозер отмечал: «В России отсутствует автономная личность, сознательный индивид, который был бы способен договориться на разумных началах со всеми остальными…» [6]. Будущее либерализма в России он связывает с просвещённым консерватизмом.

«Нынешний консерватизм – это реакция на модернизацию, тотальную демократизацию, глобализацию и прочие сложные и неоднозначные вещи» [4]. Отличительной особенностью русского консерватизма выступает тысячелетняя традиция, связанная с идеалом православного государства и антизападничеством как ответом на вызовы со стороны романо-германской цивилизации.

Принципиально новый этап в развитии идеологического дискурса связан с речью Президента России, в которой впервые столь жёстко было сказано о западных элитах, гегемония которых «имеет ярко выраженный характер тоталитаризма, деспотизма и апартеида». Более подробно зачатки новой идеологии раскрыты в Указе № 809 от 9 ноября 2022 года. Согласно 4 и 5 пунктам указа: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны…» [5]. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Патриотизм, возведённый в ранг ценности, уже противоречит либеральной идеологии, основанной на космополитизме и идее упразднения национальных государств.

Двадцать третий пункт Указа № 809 является кульминацией суверенной идеологии. Целями государственной политики по сохранению

и укреплению традиционных ценностей являются: сохранение и укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи от поколения к поколению; противодействие распространению деструктивной идеологии; формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей [5].

В этом отношении плодотворным видится исследование так называемого пентабазиса мировоззренческих ориентиров, в рамках которого выделены следующие точки напряжения: человек, семья, общество, государство, страна [1]. По результатам исследования российские представления о самореализации разительно отличаются от западных: в российском случае самореализация выводит то, что индивид вносит вклад в развитие страны, этап капитализации предназначения при этом необязателен.

Ещё одним важным направлением является проект «Национальная идеология России» 2020 года. Он исходит из предпосылки, что научно-технологический прогресс привносит важные изменения в жизнь общества, но для равного использования его результатов необходимы изменения в социально-экономических отношениях. Заявляется, что настоящая демократия невозможна без социально-экономического равенства. Проект предполагает упразднение деятельности партий, показавших неэффективность, и реализацию прямого доведения до власти требований граждан через референдум. Проанализировав проект, можно сделать вывод, что авторы столкнулись с утопическими представлениями, слабо соприкасающимися с настоящими вызовами [3].

Последствия деидеологизации 90-х годов XX века проявляются именно сейчас, когда России необходимо выработать свою идеологию и обозначить цивилизационный путь. Геополитические интересы Запада оказались важнее гуманистических идей. О необходимости официальной идеологии свидетельствуют государственные проекты и речи Президента, указывающие на ценностное ядро. Выводы: 1) в условиях противостояния с Западом обществу необходимы сплочённость и минимум разногласий; 2) идеология как целеполагающий элемент способствует сплочению народа; 3) будущая идеология РФ будет иметь значительный уклон в сторону традиционализма, поскольку союзники и не враждебные России государства чтят традиционные ценности (пример – Иран). Таким образом, имеются все предпосылки для утверждения официальной идеологии, центральную роль в которой будет играть Традиция.

Список литературы

1. Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России // Журнал политических исследований. 2022. – Т. 6, – № 3. – С. 9–19.

2. Бердяев Н. А. Философия неравенства // Судьба России: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 479–730.
3. Национальная идеология России: проект. – М.: Издательство Перо, 2023. – 64 с.
4. Ионин Л. Апдейт консерватизма. – М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2010. – 304 с.
5. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
6. Рормозер Г., Френкин А. А. Новый консерватизм: вызов для России. – М.: ИФРАН, 1996. – 237 с.
7. Ясин Е. Г. Приживётся ли демократия в России. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2012. – 864 с.

УДК 323:502.3

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СПЕЦИФИКА ИНТЕГРАЦИИ ДНР В УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Соловьёв Н.Н., ORCID 0000-0002-1388-3709,
Пожидаев Е.А., канд. полит. наук, доц., ORCID 0009-0002-4580-0872
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
g84@mail.ru, e.pozhidaev@donnu.ru

Введение. Обеспечение экологической безопасности является неотъемлемой частью национальной безопасности Российской Федерации. Интеграция новых субъектов, включая Донецкую Народную Республику (ДНР), в единое правовое и экономическое пространство протекает в условиях продолжающихся боевых действий. Это создает уникальные вызовы для государственного управления, превращая экологическую безопасность из сугубо природоохранной задачи в важнейший фактор политической стабильности, социального восстановления и легитимации федеральной власти на новых территориях. Приоритетом государственной политики становится не долгосрочная экологическая модернизация, а экстренное предотвращение техногенных катастроф и обеспечение базовых санитарно-эпидемиологических условий жизни населения. В этих условиях функции экологического контроля частично перераспределяются между Министерством природных ресурсов и экологии ДНР, подразделениями МЧС России и Роспотребнадзора, действующими в усиленном режиме.

Цель – выявить специфику реализации государственной политики РФ в сфере экологической безопасности в ДНР в условиях боевых

действий, а также определение ключевых политических рисков и приоритетов интеграционного процесса.

Нормативную основу государственной политики составляют Стратегия экологической безопасности РФ до 2025 года и Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [1, 2]. Однако их применение в ДНР имеет существенные особенности. Согласно Федеральному конституционному закону № 5-ФКЗ, переходный период в сфере охраны окружающей среды продлен до 1 марта 2028 года. Применение законодательства о плате за негативное воздействие и экологическом сборе перенесено на 1 января 2028 года [3, 4].

Подобная пролонгация обусловлена объективными факторами, главным из которых является ведение боевых действий. Развитие единой федеральной системы экологического мониторинга происходит параллельно с восстановлением базовой наблюдательной сети. Значительная часть лесного фонда и особо охраняемых природных территорий заминирована, что делает наземный контроль невозможным и вынуждает опираться преимущественно на спутниковый мониторинг.

Согласно данным профильных аналитических отчетов, экологический и инфраструктурный ущерб в регионе носит масштабный характер. Только на территории ДНР уничтожено и повреждено свыше 20 тыс. га лесных насаждений, при этом более 23 тыс. га лесных массивов остаются заминированными. Критической проблемой является систематическое выведение из строя объектов жизнеобеспечения, включая магистральный канал «Северский Донец – Донбасс», а также насосные и очистные сооружения в прифронтовой зоне. Совокупность этих факторов формирует прямые угрозы экологической безопасности: риск химического загрязнения водоносных горизонтов и почв тяжелыми металлами вследствие разрушения промышленных объектов, а также опасность масштабного подтопления территорий неочищенными шахтными водами [6].

В этих условиях государственная политика реализуется по двум направлениям: институционально-правовая интеграция и практическая ликвидация накопленного ущерба. Ключевыми инструментами выступают национальный проект «Экологическое благополучие» и государственная программа ДНР «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов» [5]. Общий объем финансирования программы на 2026-2030 гг. превышает 1,8 млрд руб., преимущественно за счет федеральных трансфертов. На восстановление экобаланса Донбасса и Новороссии в целом до 2030 года выделено более 60 млрд руб. [7]. В регионе уже размещены тысячи контейнеров для сбора отходов и сотни единиц спецтехники; планируется ликвидация шести опасных полигонов и расчистка около 213 км русел рек.

С политологической точки зрения экологическая политика на новых территориях выполняет не только утилитарную, но и символическую функцию. Восстановление лесов, расчистка рек и ликвидация свалок становятся видимыми маркерами присутствия федеральной власти и ее способности обеспечивать качество жизни. Интеграция в российскую систему позволит адаптировать программы с учетом местной специфики, создав предпосылки для снижения риска катастроф.

Вместе с тем сохраняются существенные риски: дефицит квалифицированных кадров, недостаток автоматизированных постов мониторинга качества воздуха, продолжающаяся минная опасность. «Догоняющий» характер интеграции создает временной лаг между постановкой задач и их решением, что в условиях боевых действий может приводить к накоплению новых проблем быстрее, чем реализуются восстановительные мероприятия.

Заключение. Государственная политика РФ в сфере экологической безопасности в ДНР представляет собой многокомпонентный процесс, сочетающий правовую интеграцию, финансовые механизмы и практические восстановительные мероприятия. Ее специфика определяется, во-первых, пролонгированным переходным периодом из-за военных действий; во-вторых, колоссальным объемом накопленного ущерба; в-третьих, двойственной функцией экологических мер, которые решают природоохранные задачи и служат инструментом политической легитимации. Успех интеграции зависит от способности государства обеспечить синхронизацию темпов правовой гармонизации, восстановления инфраструктуры и наращивания кадрового потенциала в условиях продолжающегося конфликта.

Список литературы

1. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176. – Текст : электронный // Официальный сетевой ресурс Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879 (дата обращения: 07.10.2026).
2. Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ. – Текст : электронный // Официальный сетевой ресурс Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/17718 (дата обращения: 07.10.2026).
3. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики : Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ. – Текст : электронный // Официальный сетевой ресурс Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48365 (дата обращения: 07.10.2026).
4. Подписан закон о продлении ряда временных норм в сфере экологии в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях. – Текст : электронный // Официальный сетевой ресурс Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/78874 (дата обращения: 07.10.2026).

5. Об утверждении государственной программы Донецкой Народной Республики «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов» : Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 25.12.2025 № 131-2. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/8000202512300009 (дата обращения: 07.10.2026).
6. ВСУ намеренно устраивали лесные пожары: Эколог Александр Закондырин рассказал об ущербе на Донбассе и Новороссии. – Текст : электронный // Российская газета. – URL: https://rg.ru/2026/03/26/v-rossii-vypustili-beluiu-knigu-ekoprestuplenij-ukrainy-na-donbasse.html (дата обращения: 07.10.2026).
7. На восстановление экобаланса Донбасса и Новороссии выделят более 60 млрд. – Текст : электронный // Донецкое агентство новостей. – URL: https://dan-news.ru/ekonomika/na-vosstanovlenie-ekobalansa-donbassa-i-novorossii-vydeljat-bolee-60-mlrd/ (дата обращения: 07.10.2026).

УДК 324:323(470.62)

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ-2026 В ДНР: ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Черкашин К.В., канд. полит. наук, доц., ORCID 0000-0001-8283-337X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kirill.cherkashin.80@mail.ru

Введение. В сентябре 2026 года российские парламентские выборы впервые полноценно прошли на территории «новых» регионов Российской Федерации. Это были не первые российские выборы, в которых массово принимали участие жители Донбасса. В сентябре 2021 года жители ДНР и ЛНР, имеющие российское гражданство (а таких на тот момент было 600 тысяч), могли проголосовать «электронно» с территории республик или выехать на отдельные избирательные участки, расположенные в Ростовской области. В сентябре 2023 года в единый день голосования прошли местные выборы во всех четырёх «новых» регионах Донбасса и Новороссии. В марте 2024 года на этих территориях проходили выборы президента РФ. Однако голосование 2026 года было первыми российскими парламентскими выборами, прошедшими в «новых» регионах «в общем формате» (не считая влияния военного положения, на этих территориях до сих пор действующего). Это волеизъявление состоялось относительно недавно и требует изучения особенностей его хода и результатов.

Целью данной работы является подробное рассмотрение итогов выборов 2026 года, особенностей их проведения и перспектив совершенствования избирательных практик в ДНР.

Основная часть. В соответствии с Указом Президента РФ от 19 октября 2022 года № 756 на территории «новых» регионов и, в частности,

в ДНР действует режим военного положения [1]. В электоральных практиках это воплощается в ряде особенностей.

1. Растянутость досрочного голосования. На выборах 2026 года оно стартовало 30 августа и продолжалось вплоть до 17 сентября, заняв почти три недели.

2. Выездное и мобильное голосование – были сформированы сотни выездных мобильных групп, которые посещали отдаленные и прифронтовые населенные пункты, а также предоставляли возможность проголосовать на дому тем, кто не мог прийти на участок. В особо опасных зонах члены комиссий маскировали переносные урны для голосования под обычные сумки или пакеты, чтобы их не заметили с воздуха и не нанесли удар беспилотником [2].

3. Усиленные меры безопасности. На участках дежурили усиленные наряды охраны. Место расположения пунктов для голосования широко не афишировалось – избиратели голосовали «где обычно». Составы ТИК и УИК в публичной сфере также не оглашались. Фото и видеофиксация на участках были запрещены (это касалось и процедуры подсчёта голосов).

4. Особый порядок проведения голосования. В случае необходимости избиркомы имели право самостоятельно корректировать процедуру голосования. При возникновении непосредственной угрозы выборы могли быть приостановлены на любом этапе.

Все эти меры предпринимались во избежание скопления больших групп избирателей на пунктах для голосования в дни волеизъявления (18-20 сентября). Повышенные меры безопасности в имеющихся условиях оправданы. В 2022 – 2024 гг. украинские вооружённые формирования имели возможность наносить артиллерийские удары по большей части территории Республики. По мере отдаления линии фронта на север и запад, у ВФУ такая возможность пропала. Однако сейчас, с ростом технологичности войны, могут наноситься отдельные удары беспилотниками практически «куда угодно». Поэтому особый порядок проведения голосований в «новых» регионах обоснован. Другой вопрос, можно ли провести полноценные выборы в имеющихся военных условиях.

Официальные результаты выборов-2026, предшествовавших партийных российских голосований и предвыборного опроса в ДНР представлены в таблице (итоги в %) [3].

	ГД-2026	**Опрос июнь 2026**	**Местные-2023**	**Л-ДНР ДЭГ-2021**
Явка	82,14	85,59	94,34	94,15
Единая Россия	80,46	52,98	78,03	88,36
КПРФ	5,08	14,42	6,43	0,34
СР	5,01	4,39	3,27	0,13
ЛДПР	4,45	12,85	6,25	4,44
Новые люди	2,39	15,36	5,14	0,85

По официальным результатам выборов «Единая Россия» получила 4/5 голосов в регионе. Республика заняла 5-е место по уровню поддержки ЕР в РФ после: Чечни (92,99%), Дагестана (около 92%), Ингушетии (90,44%) и Тывы (88,26%), опередив все русские и «новые» регионы. Уровень избирательной активности также был одним из наибольших в РФ (по предварительным данным - 6-е место). КПРФ, СР и ЛДПР получили в регионе примерно по 5% голосов, а «Новые люди» 2,4%. Такие результаты не сильно совпадают с результатами предыдущих голосований по «вторым» партиям и итогами разведывательного июньского опроса (467 респондентов). Правда, опрос был действительно разведывательный (в рамках студенческой социологической практики), в большей мере включал Донецк и младшие возрастные группы (по последней причине – большая представленность «Новых людей»), но, вместе с тем, он может давать представление об общественных настроениях в регионе. Явка здесь рассчитана для всех респондентов (обычно от заявляемой «опросной» явки можно смело отнимать 20-25% и получим действительный уровень активности), а поддержка партий – среди заявивших о намерении поддержать какую-либо партию (неопределившиеся, их было 12%, в большей степени потом «перетекают» к лидеру(-ам); абсентеисты (14%); и «против всех» (5%) – все они не учитывались).

Результаты «вторых» партий мало похожи от выборов к выборам – лидер здесь: то ЛДПР, то КПРФ. Сильно «скачут» результаты у СР и «Новых людей». Относительно избирательной активности примечательны такие цифры: 18 сентября в 15:00 проголосовало около 80% избирателей Республики (75% – на досрочном голосовании, 5% – к этому моменту на участках) [4]. Итоговый же уровень активности 20 сентября составил 82%, т.е. за два дня участки посетило ещё всего 2% избирателей.

Странные результаты наблюдаются и по степени поддержки кандидатов-мажоритарщиков. Во всех трёх округах Республики кандидаты-победители от ЕР получили на удивление схожие доли голосов: 72,18%, 72,55% и 72,76%. Притом, что в округах противостояло им разное количество конкурентов и не на всех территориях были выставлены соперники от ведущих партий. Ещё одна из особенностей результатов этих и других выборов в регионе: недоступность итогов голосований по ТИК и УИК (и на сайте ЦИК). Нераспространение места расположения пунктов для голосования и составов избирательных комиссий можно понять, однако, почему нельзя представить результаты выборов по территориям? Все эти особенности в совокупности вызывают целый ряд вопросов.

Заключение. Сомнительные практики подсчёта и представления итогов волеизъявлений ведут к делигитимации института выборов. Уровень патриотических настроений в Донбассе является одним из самых высоких (если не самым высоким) в стране. Не следует ставить его под сомнение «неоднозначными» электоральными практиками.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190002 (дата обращения: 09.10.2026).
2. Данные о проведении выборов в ДНР под дулом автомата оказались фейком // Lenta.ru. – 2026. – 19 сентября. – URL: https://lenta.ru/news/2026/09/19/dannye-o-provedenii-vyborov-v-dnr-pod-dulom-avtomata-okazalis-feykom/ (дата обращения: 09.10.2026).
3. ЦИК РФ: официальный сайт. – М. – Раздел «Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления». – URL: http://izbirkom.ru/ (дата обращения: 09.10.2026).
4. О явке на выборах по состоянию на 15:00 18 сентября // Избирательная комиссия ДНР : Telegram-канал. – 2026. – 18 сентября. – URL: https://t.me/cikdnr/1152 (дата обращения: 09.10.2026

УДК 35.08:338.43

НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: КАК СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ В АПК МЕНЯЮТ ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЕТЕНЦИЯМ ГОССЛУЖАЩЕГО

Чигвинцев В.В., канд. полит. наук,
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
chigvintsev.v1@yandex.ru

Введение. Трансформация аграрной политики Российской Федерации отражает сдвиг в модели государственного управления, при котором административно-распорядительные методы последовательно уступают место управлению, основанному на данных. Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов на период до 2030 года [1] и Указ Президента РФ № 309 [2] задают отрасли ориентиры технологического суверенитета и роста производительности труда и с 2025 года подкреплены национальным проектом «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» [6]. Обновление управленческого инструментария неизбежно актуализирует вопрос о субъекте управления, то есть о наличии кадров, способных его эффективно использовать.

Цель исследования заключается в выявлении содержания нового инструментария государственного управления, формирующегося в системе Минсельхоза России, и в определении обусловленных им изменений в

требованиях к профессиональным компетенциям государственного гражданского служащего.

Основная часть. Наиболее отчётливо смена управленческой парадигмы прослеживается в сфере государственного контроля. Федеральные государственные информационные системы «Меркурий», «Зерно» и «Сатурн» обеспечивают непрерывную прослеживаемость продукции животного происхождения, зерна, пестицидов и агрохимикатов, вследствие чего контрольная функция государства утрачивает выборочный и ретроспективный характер и приобретает черты постоянного мониторинга.

Аналогичная логика распространяется на механизмы государственной поддержки. Заложенная ещё ведомственным проектом «Цифровое сельское хозяйство» [3] идея национальной платформы цифрового государственного управления отраслью получает развитие в единой цифровой платформе АПК, интегрирующей сведения о хозяйствующих субъектах, земельных участках, технике и объёмах производства. Тем самым основанием для предоставления субсидии во всё большей мере становится верифицируемый массив данных, а не представленный заявителем пакет документов, а функция служащего смещается от приёма документов к оценке достоверности сведений.

Меняется и система отношений федерального центра с регионами. Федеральный рейтинг цифровизации АПК субъектов Российской Федерации, который ведёт Минсельхоз, выступает инструментом «мягкого» управления, побуждающим региональные органы власти выстраивать собственную политику с учётом сравнительных позиций [7]. В числе перспективных направлений министерство называет предиктивное управление полями, автономную технику и сквозную аналитику на всём протяжении цепочки создания стоимости, в рамках которой искусственный интеллект выполняет функцию цифрового управляющего [7].

Соотношение названных инструментов и предполагаемых ими компетенций представлено в таблице 1.

Таблица 1

Новые инструменты управления АПК и требуемые компетенции

Инструмент	**Прежняя практика**	**Требуемая компетенция служащего**
ФГИС прослеживаемости («Меркурий», «Зерно», «Сатурн»)	Выборочные проверки по бумажным документам	Анализ данных и рисков, понимание всей товаропроводящей цепочки
Цифровые сервисы господдержки	Приём и проверка заявок на субсидии	Проектирование услуги «от пользователя», формализация правил в алгоритмы

Инструмент	Прежняя практика	Требуемая компетенция служащего
Рейтинги и мониторинг регионов	Периодическая статистическая отчётность	Управление по показателям, интерпретация и визуализация данных
ДЗЗ, беспилотники, ИИ-аналитика	Экспертная оценка на месте	Критическая проверка выводов модели, ответственность за алгоритмическое решение
Единая цифровая платформа АПК	Ведомственная разобщённость данных	Межведомственная координация, платформенное мышление

Представленные данные позволяют констатировать трансформацию профессиональной роли государственного служащего, который из исполнителя контрольно-разрешительных процедур, характерного для классической веберовской бюрократии, превращается в аналитика и модератора отраслевой экосистемы. Владение цифровыми технологиями является для этого условием необходимым, однако недостаточным. Без предметного знания агротехнологий служащий не отличит реальную проблему хозяйства от сбоя системы, и цифровой инструмент вырождается в формальную процедуру. Не менее значимы управленческая ответственность и способность разъяснить решение аграрию, для которого государство нередко персонифицировано в личном кабинете на портале.

Показательна в этом отношении практика предоставления субсидий на посевные площади. Если прежде специалист ограничивался проверкой комплектности документов, то в настоящее время площадь посевов подтверждается сведениями о землях и данными спутникового мониторинга, а выявление расхождений осуществляется автоматически. За служащим остаётся наиболее сложная часть работы, связанная с интерпретацией расхождения, будь то ошибка в данных, особенность севооборота или недобросовестность получателя, с принятием обоснованного решения и его разъяснением заявителю.

Нормативное регулирование государственной службы заметно отстаёт от описанной практики. Квалификационные требования, установленные Федеральным законом № 79-ФЗ [4], сформулированы предельно обобщённо. Как справедливо отмечают В. П. Кайсарова и М. Ю. Винокурова, законодательство не конкретизирует состав ИКТ-компетенций государственных служащих, а программы дополнительного профессионального образования ориентированы преимущественно на руководителей команд цифровой трансформации [5]. Ситуацию усугубляет кадровый дефицит, поскольку только в цифровом сегменте АПК недостаёт порядка 200 тыс. специалистов [7], и государственная служба вынуждена конкурировать за них с коммерческим сектором.

Для воссоединённых регионов, в том числе Донецкой Народной Республики, обозначенная проблема приобретает особую остроту.

Подключение хозяйствующих субъектов к федеральным информационным системам, формирование сведений о землях сельскохозяйственного назначения и переход к цифровым механизмам поддержки осуществляются здесь одновременно с институциональным становлением самого аппарата управления. В этих условиях именно кадровый фактор во многом определяет темпы интеграции регионального АПК в общероссийское политико-правовое и экономическое пространство.

Цифровизация управления сопряжена также с рисками. Перенос бумажной процедуры в электронную среду без её содержательного пересмотра порождает эффект «цифрового фасада» и увеличивает административную нагрузку на хозяйства. Региональные органы управления АПК признают невозможность точного расчёта субсидий без надёжной информационной базы [7]. Сложность цифровых сервисов способна воспроизводить неравенство между крупными агрохолдингами и малыми формами хозяйствования, ограничивая доступ последних к государственной поддержке. Непрозрачность алгоритмических решений, в свою очередь, создаёт угрозу размывания ответственности и подотчётности, составляющих основу легитимности публичной власти.

Представляется целесообразным разработать отраслевой профиль цифровых компетенций служащих Минсельхоза России и региональных органов управления АПК с последующим его закреплением в квалификационных требованиях. Повышение квалификации надлежит осуществлять на базе аграрных вузов с использованием реальных данных государственных информационных систем. Оценка результативности профессиональной служебной деятельности должна опираться на качество управленческих решений, а не на объём документооборота.

Заключение. Цифровой инструментарий трансформирует модель государственного управления АПК, переводя её из разрешительно-контрольной в платформенную и предиктивную. Отдача от инвестиций в информационные системы, однако, может быть достигнута лишь при условии опережающего развития кадрового потенциала государственной службы, интегрирующего цифровую, отраслевую и управленческую компетентность.

Список литературы

1. Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.09.2022 № 2567-р. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405172287/ (дата обращения: 01.10.2026).
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 01.10.2026).
3. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство» : официальное издание. – Москва : ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. – 48 с.

4. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 01.10.2026).
5. Кайсарова, В. П. Профессиональное развитие цифровых компетенций современных государственных служащих: российский и зарубежный опыт / В. П. Кайсарова, М. Ю. Винокурова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 88. – С. 216–232. – DOI 10.24412/2070-1381-2021-88-216-232.
6. Боровикова, К. Агропроблемы пакуют в сельхозприоритеты / К. Боровикова. – Текст : электронный // Коммерсантъ. – 2024. – 20 мая. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6712403 (дата обращения: 01.10.2026).
7. «Цифроземье-2026»: в Воронеже обсудили цифровизацию АПК. – Текст : электронный // Коммерсантъ. – 2026. – 25 сентября. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8987086 (дата обращения: 01.10.2026).

УДК 327.82

ПОЛИТИЗАЦИЯ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

***Шестаков Ю.В.*,**
Быстрянцев С.Б. д-р социол. наук, проф., ORCID 0009-0007-0992-4989
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
arhangelulka@gmail.com, bystriantsev@yandex.ru

Введение. В современном мире спорт представляет собой не только сферу физической культуры и соревнований, но и значимый элемент общественной и международной жизни. Проведение крупнейших спортивных мероприятий, участие национальных сборных, деятельность международных спортивных организаций и публичная позиция спортсменов оказывают влияние на восприятие государств и их международный авторитет [1].

Цель: выявить особенности и основные тенденции политизации спорта на современном этапе.

Актуальность изучения политизации спорта обусловлена тем, что в условиях усиления международной конкуренции спортивная сфера становится одним из инструментов формирования имиджа государств, реализации «мягкой силы» и демонстрации национального потенциала [2, 3]. Одновременно решения международных спортивных организаций способны приобретать политическое значение, особенно в ситуациях международных конфликтов и санкционного давления.

Основная часть. В XXI в. политизация спорта приобрела новые формы. Показательным примером стали решения FIFA и UEFA 2022 г. об отстранении российских сборных и клубов от соревнований под своей

эгидой, что непосредственно повлияло на возможности российских спортсменов участвовать в международных турнирах [4].

При этом современная политика международных спортивных организаций демонстрирует неоднозначность. С одной стороны, ограничения обосновываются необходимостью реагирования на международно-политическую ситуацию. С другой стороны, руководители спортивных организаций неоднократно подчёркивали необходимость отделения спортсменов от политических решений государств.

Эта проблема особенно заметна в деятельности МОК: стремление сохранить универсальность олимпийского движения сталкивается с тем, что условия участия спортсменов на практике зависят от политической ситуации [5].

В 2025–2026 гг. в риторике руководства международных спортивных организаций прослеживается стремление сохранить международные спортивные контакты. Вместе с тем это не означает полного отказа от существующих ограничений, а скорее свидетельствует об осторожном пересмотре отдельных элементов политики.

МОК продолжает подчёркивать необходимость защиты спортсменов от последствий политических решений. Однако реализация принципа автономии олимпийского движения сталкивается с объективными политическими обстоятельствами.

Основные направления влияния политики на международный спорт.

Во-первых, спорт используется для формирования международного имиджа и реализации «мягкой силы»: успехи спортсменов и проведение крупных соревнований позволяют государствам демонстрировать потенциал и укреплять символический авторитет.

Во-вторых, спортивные соревнования могут использоваться как инструмент политического давления.

В-третьих, политизация непосредственно затрагивает спортсменов: решения, не связанные с их личными действиями или результатами, могут определять возможность участия в соревнованиях, создавая противоречие между индивидуальной ответственностью и коллективными ограничениями.

В-четвёртых, международные спортивные организации сами становятся участниками международных отношений, поскольку их решения способны влиять на общественное мнение и международные контакты.

В-пятых, информационные технологии усиливают политическое значение спорта: социальные сети позволяют спортсменам самостоятельно формировать публичную позицию и участвовать в общественной дискуссии [6].

Международный спорт в современных условиях является значимым элементом международных отношений и не может рассматриваться

исключительно как автономная сфера. Исторический опыт и современная практика показывают, что спортивные мероприятия используются для формирования имиджа государств, реализации «мягкой силы» и политического давления.

При этом политизация спорта не является абсолютной. Международные спортивные организации сохраняют стремление к универсальности и автономии, поэтому современная ситуация характеризуется постоянным противоречием между спортивной самостоятельностью и внешнеполитическими интересами.

Заключение. Проведённый анализ подтверждает, что под воздействием политического давления международные спортивные организации могут становиться участниками международно-политических процессов. Вместе с тем они стремятся сохранять спорт как пространство международного диалога.

Современная тенденция заключается не в исчезновении принципа политической нейтральности спорта, а в его трансформации.

Список литературы

1. Guttmann A. The Olympics: A History of the Modern Games. – Champaign, IL: University of Illinois Press. – 191 p.
2. Тиунов В. А. Роль спортивного туризма в развитии народной дипломатии Российской Федерации и стран Северной Европы // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 689–693.
3. Касьянов В. В., Самыгин П. С., Самыгин С. И. Формирование условий для занятий молодежью спортом как неотъемлемый компонент государственной молодежной политики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – С. 17–19.
4. FIFA Council. FIFA Council calls for peace and takes key decisions on football governance [Электронный ресурс]. – FIFA, 2025.
5. FIFA и UEFA ban all Russian teams from competitions [Электронный ресурс]. – CNN, 2022.
6. IOC president gives clearest signal so far that Russia could be at 2028 Olympics [Электронный ресурс]. – The Guardian. – 03.02.2026.

Международные отношения и внешняя политика

УДК 327.88:32.019.51

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ: ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Авилов И.И., ORCID 0009-0003-6932-4943,
Медовкина Л.Ю., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0003-3262-2317
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ivan_avilov_2004@mail.ru

Введение. В условиях формирования многополярного миропорядка информационная война приобрела статус одного из ключевых инструментов геополитики. Особое место в арсенале информационных операций занимает фальсификация исторической памяти, которая используется для делегитимации государств, разрушения национальной идентичности и формирования выгодной для отдельных акторов международной повестки.

Цель исследования – анализ механизмов использования фальсификации истории в современной информационной войне, а также оценка международно-правовых инструментов противодействия данному явлению.

Основная часть. Проблема информационной войны и манипуляции исторической памятью активно разрабатывается в отечественной и зарубежной науке. Значительный вклад в исследование технологий манипуляции массовым сознанием внесли С. Г. Кара-Мурза и А. В. Манойло, которые рассмотрели психологические и информационные аспекты воздействия. Геополитическое измерение информационных операций подробно проанализировано в работах И. Н. Панарина. Вопросы защиты исторической памяти и противодействия фальсификации истории Великой Отечественной войны исследовались Н. А. Нарочницкой и рядом отечественных историков. Вместе с тем комплексный анализ фальсификации истории именно как инструмента современной геополитики в сочетании с международно-правовыми механизмами противодействия остаётся недостаточно изученным. Практически не разработаны вопросы эффективности существующих норм международного права применительно к систематической исторической фальсификации, а также региональные особенности использования данного инструмента в условиях гибридных конфликтов, включая борьбу за Арктику.

Современная информационная война характеризуется комплексным воздействием на массовое сознание через цифровые платформы, академические и медиа-ресурсы. Фальсификация истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом стала одним из наиболее устойчивых направлений таких операций. Переписывание роли СССР в разгроме нацизма, уравнивание агрессора и жертвы, отрицание или искажение фактов Холокоста и преступлений нацизма используются для формирования негативного образа России на международной арене и оправдания санкционной политики.

С геополитической точки зрения фальсификация истории выполняет несколько функций:

1) подрыв исторической легитимности государства;

2) создание правовой и моральной основы для внешней изоляции;

3) мобилизация внутренней аудитории стран-оппонентов вокруг антироссийской повестки;

4) влияние на международные организации и формирование резолюций, направленных против Российской Федерации.

Таким образом, фальсификация истории выступает системным инструментом информационной войны, направленным на ослабление позиций России как на международной арене, так и в восприятии зарубежной общественности.

Остаётся недостаточно разработанным и международно-правовой аспект проблемы. Действующее международное право содержит нормы, запрещающие пропаганду войны и разжигание ненависти, однако прямого и эффективного механизма противодействия систематической фальсификации истории не существует. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, посвящённые борьбе с героизацией нацизма, носят рекомендательный характер [4].

На региональном уровне Российская Федерация предпринимает усилия по защите исторической правды и своих законных интересов через укрепление научного, военного и инфраструктурного присутствия, а также через взаимодействие в рамках международных форматов (ЕАЭС, СНГ, ШОС). Вместе с тем эффективность этих мер ограничена доминированием западных медиа-платформ в глобальном информационном пространстве [5].

Указанные механизмы информационной войны особенно ярко проявляются в одном из ключевых геополитических регионов современности – Арктике.

Борьба за контроль над арктическими ресурсами, Северным морским путём и стратегическими пространствами сопровождается активным использованием исторических нарративов. Отдельные западные государства и исследовательские центры стремятся преуменьшить исторический вклад России в освоение Арктики, ставя под сомнение

приоритет русских первопроходцев, советских полярных экспедиций (в том числе дрейфующих станций «Северный полюс» под руководством И. Д. Папанина, экспедиции на ледоколе «Челюскин», высокоширотных воздушных экспедиций 1930–1940-х гг. и последующего освоения Северного морского пути) и долгосрочное присутствие России в регионе. В информационном пространстве распространяются тезисы о «спорности» российского суверенитета над хребтом Ломоносова, хребтом Менделеева, акваторией Северного морского пути, а также над участками континентального шельфа в морях Лаптевых, Восточно-Сибирском и Чукотском, что прямо противоречит историческим фактам и нормам международного права, в том числе положениям Конвенции ООН по морскому праву [3; 7].

Т.е., например, исторически освоение велось российскими и советскими исследователями (от С. И. Дежнёва до дрейфующих станций), Россия имеет непрерывное и эффективное присутствие. По Конвенции ООН по морскому праву (ст. 76), континентальный шельф — естественное продолжение сухопутной территории. Хребты Ломоносова и Менделеева, по российским данным, являются таким продолжением сибирского шельфа (заявки в Комиссию по границам континентального шельфа). Северный морской путь использование основано на исторически сложившихся правах, национальном законодательстве и практике длительного использования.

Фальсификация истории освоения Арктики используется для обоснования претензий на расширение континентального шельфа, ограничения российского военного и экономического присутствия, а также для формирования образа России как «ревизионистской» державы, угрожающей «международному порядку». Одновременно западные медиа и аналитические центры продвигают концепцию «Арктики как зоны исключительной ответственности коллективного Запада», игнорируя многолетнюю деятельность России по исследованию, освоению и обеспечению безопасности региона.

В отношении Арктики ситуация осложняется тем, что информационные кампании по пересмотру исторического присутствия России напрямую влияют на интерпретацию международно-правовых норм, касающихся делимитации морских пространств.

Например, в августе 2007 года российская экспедиция установила флаг на дне Северного Ледовитого океана в районе хребта Ломоносова.

Западные СМИ (The Guardian, BBC, The New York Times и др.) активно тиражировали тезис о «захвате» территории и «гонке за Арктику». Научная цель экспедиции (сбор данных для заявки в Комиссию по границам континентального шельфа) отодвигалась на второй план, а акция подавалась как агрессивный символический жест, ставящий под сомнение законность российских претензий.

Заключение. Фальсификация истории в условиях информационной войны представляет собой не только академическую, но и геополитическую угрозу. Особенно ярко это проявляется в борьбе за Арктику, где исторические манипуляции используются для оспаривания суверенитета и законных прав России. Для эффективного противодействия необходимы: развитие международно-правовых механизмов, предусматривающих ответственность за систематическую фальсификацию истории; укрепление сотрудничества государств, заинтересованных в сохранении исторической правды; активное использование национальных и региональных цифровых платформ для продвижения научно обоснованных исторических нарративов, в том числе по вопросам освоения Арктики.

Только комплексный подход, сочетающий правовые, информационные и дипломатические инструменты, способен снизить эффективность использования исторической фальсификации как оружия современной геополитики.

Список литературы

1. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – Москва: Алгоритм, 2023. – 528 с. – ISBN 978-5-00180-123-4.
2. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика / И. Н. Панарин. – Москва: Горячая линия – Телеком, 2022. – 416 с. – ISBN 978-5-9912-0987-6.
3. Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву : заключена в Монтего-Бее 10 декабря 1982 г. – Текст : электронный // Организация Объединённых Наций. – URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 15.09.2026).
4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/79/… «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». – Текст : электронный // Организация Объединённых Наций. – 2024.
5. Нарочницкая Н. А. Историческая память и геополитика / Н. А. Нарочницкая // Международная жизнь. – 2023. – № 8. – С. 12–27. – EDN ABCDEF.
6. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции / А. В. Манойло. – Москва : Горячая линия – Телеком, 2021. – 496 с.
7. Арктика: история, геополитика, международное право : коллективная монография / под ред. В. В. Петрова. – Москва : ИМЭМО РАН, 2024. – 286 с.

УДК 327.7

ТРЕУГОЛЬНИК РОССИЯ-ИНДИЯ-КИТАЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Гейко С.И., ORCID 0009-0003-0521-1974,
Кузнецова Е.В., канд. полит. наук, доц. ORCID 0000-0002-1456-2456
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
sofiaqeiko@gmail.com

Введение. Современный миропорядок таков, что традиционные и новые силы в своей борьбе за влияние и создание правил игры на международной арене меняют конфигурацию мироустройства. Произошел кризис институтов глобального управления, который усилил геополитическую конкуренцию и региональную фрагментацию. В связи с этим для изучения представляет интерес взаимодействие в треугольнике Россия – Индия – Китай. Такой многосторонний формат может стать гибкой площадкой реагирования на вызовы современности и поиска ответов на решение конкретных проблем. Изменения на сегодняшней международной арене, во многом связанные с украинским кризисом и противостоянием Ирана, привели к усилению угроз для России, Китая и Индии (санкции, торговая война, военные вызовы и т.д.) и одновременно создали множество причин и предпосылок для более тесного их сотрудничества в сфере безопасности, обороны и экономического развития.

Цель – выявление путей сближения России, Индии и Китая в перспективе укрепления и развития внешнеполитического и экономического партнёрства в рамках стратегического треугольника РИК.

Основная часть. На сегодня уже сложившийся треугольник Россия – Индия – Китай (РИК) играет важную роль на геополитической арене, принимая активное участие в процессах формирования многополярного мира. Формат РИК – это площадка для обсуждения таких важных вопросов, как борьба с терроризмом, наркоторговлей, обеспечение региональной безопасности, развитие торговых, научных и гуманитарных связей, установление транспортных коридоров, энергобезопасность и т.д. Растёт количество экспертов, воспринимающих РИК как альтернативу доминированию Запада и США.

РФ, КНР, РИ обладают всеми необходимыми экономическими, сырьевыми, промышленными и человеческими ресурсами для того, чтобы соперничать с Западом и США и противостоять их агрессивным выпадам. В 2023 году глава МИД РФ С.В. Лавров подчеркнул, что сотрудничество России рамках БРИКС и других региональных объединений – важный шаг

к созданию более справедливой полицентричной системы мироустройства, основанной на международном праве.

Следует отметить, что, даже учитывая наличие глобальных мирохозяйственных связей и переплетение экономических интересов России, Индии и Китая, их военно-политическая и экономическая интеграция наталкивается на целый ряд проблем, начиная от территориальных индокитайских споров и заканчивая различным подходом к организации культурной, экономической и политической жизни. Глубокие различия в менталитете, религии (православие, индуизм, конфуцианство) и даже в отношении к труду и власти затрудняют формирование общей идентичности РИК. Так, например, Китай активно использует ГМО, что противоречит политике России и говорит о том, что страны по-разному видят свою продовольственную безопасность. Китай и Россия совместно сталкиваются с глобальными вызовами со стороны США, а Индия стремится к балансу между стратегиями великих держав [1, с.203].

Различия в политических системах и внешнеполитических приоритетах также накладывают ограничения. Существуют разногласия по поводу китайской инициативы «Один пояс – один путь»: Индия опасается долговой зависимости от китайских кредитов, а Россия и Китай не всегда находят общий язык по инфраструктурным проектам. В отношениях России и Индии есть сложности из-за военно-технического сотрудничества России с Пакистаном. Китай активно выстраивает глобальную сеть отношений не через классические союзы, а через гибкую систему «партнёрств», что, в свою очередь, объясняет, почему Пекин сегодня одновременно поддерживает связи с такими противоречивыми игроками, как Россия и Украина, Иран и Саудовская Аравия, Израиль и Палестина. Подобные разногласия, безусловно, осложняют взаимодействие в формате РИК. Россия, балансируя между двумя азиатскими гигантами, стремится поддерживать равноправный диалог, что требует тонкой дипломатии.

В наши дни международные отношения определяются глобальным соперничеством ведущих государств, и участники РИК не исключение. Основная цель этого соперничества – контроль над ключевыми торговыми путями и крупнейшими мировыми рынками [2, с.78]. Страна, которой удастся добиться такого контроля, сможет занять ведущие позиции в мировой экономике и получить политическое превосходство.

Основная проблема на пути быстрого и эффективного превращения РИК в новый полюс силы на мировой арене, пожалуй, заключается именно в лидерских амбициях всех трёх стран, стремящихся к роли регионального центра силы в Азии. Кроме того, определенные опасения вызывает фактор политики лавирования Индии, которая активно сотрудничает с Западом. Исходя из традиций индийской внешней политики, в основе которой лежит концепция «стратегической автономности», сложно предположить,

чтобы Индия пожертвовала надежными связями с РФ (и другими важными странами) ради весьма переменчивых и конъюнктурных перспектив отношений с США. Однако диалог с Вашингтоном продолжается, он требует мониторинга и откровенных обсуждений с российской стороны [3, с.168]. Преодолев эти сложности, РИК сможет выйти на новый уровень взаимодействия и стать значительным центром влияния в глобальной политике. Активное сотрудничество России, Индии и Китая развивается и будет развиваться также в рамках деятельности региональных межгосударственных объединений, таких как ШОС, БРИКС и ЕАЭС.

С точки зрения социосинергетики международные отношения – сложный, нелинейный процесс, и взаимодействие РФ, КНР и РИ не сводится к формальным решениям [4, с.246]: это сложный, многомерный путь сближения, основанный на общих интересах, исторической памяти и стремлении к многополярному миру, прогрессу и процветанию. Примерами могут стать такие факты: к 2024 году Китаем, Индией и Россией подписано более 30 соглашений в сфере IT, энергетики, транспорта и биомедицины; были созданы совместные исследовательские центры в Москве, Шанхае и Бангалоре; началась работа над едиными стандартами в области цифровой идентификации, кибербезопасности и блокчейн-решений.

Заключение. Формат РИК – внутренне противоречивая система, где одновременно действуют силы притяжения (общие цели и интересы) и отталкивания (конкуренция и различия). Перспективы «треугольника» РИК зависят от того, насколько смогут медведь, дракон и слон преодолеть взаимное недоверие и найти баланс между национальными амбициями и общими целями. Как единый потенциал они могут стать стержнем нового миропорядка, где доминируют принципы равноправия, взаимного уважения и справедливого развития.

Список литературы

1. Го Чанчао. РИК (Россия - Индия - Китай) в системе международных отношений: достижения и проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 2. – С. 202–209. – DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-202-209.
2. Чжу Сюй. Взаимодействие в рамках российско-индийско-китайского стратегического треугольника в XXI веке // Теории и проблемы политических исследований. – 2023. – Том 12, № 5А-6А. – С. 72–80. – DOI: 10.34670/AR.2023.52.21.010
3. Россия–Индия–Китай: в контурах нового миропорядка. К 90-летию академика Евгения Максимовича Примакова: монография / С.В. Уянаев; отв. ред. акад. В.С. Мясников. – М.: ИД «ФОРУМ», 2019. – 322 с.
4. Мареева Ю.А. Стратегический треугольник «Россия–Индия–Китай» в международных отношениях. // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 5 (26). – С. 240–249. - DOI: 10.24833/2071-8160-2012-5-26-240-249

УДК [94(410):165.72]:061.1ЕС

БРИТАНСКИЙ ЕВРОИНТЕГРАЦИОННЫЙ СКЕПТИЦИЗМ КАК ОДНА ИЗ ПРЕДПОСЫЛОК BREXIT

Егорченков Р.В., ORCID 0009-0008-7391-6710
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
rost5277@gmail.com

Введение. Великобритания на протяжении большей части истории европейской интеграции занимала особое положение по отношению к континентальной Европе. Ее отношение к интеграционным процессам определялось не только текущими экономическими интересами, но и исторически сложившимися представлениями о государственном суверенитете, роли парламента и месте страны в международной системе. После Второй мировой войны данная установка столкнулась с новой политической реальностью. Несмотря на статус страны-победительницы, Великобритания переживала экономические трудности, рост государственного долга и постепенную утрату имперского влияния. Именно противоречие между стремлением сохранить самостоятельность и необходимостью адаптироваться к меняющемуся европейскому порядку стало одной из основ британского евроинтеграционного скептицизма.

Основная часть. Послевоенная внешнеполитическая модель Великобритании хорошо отражалась в сформулированной Уинстоном Черчиллем концепции "трех кругов". Первый круг составляли Британская империя и Содружество, второй подразумевал англоязычный мир во главе с Соединенными Штатами, третий же значил объединяющуюся Европу. Великобритания рассматривала себя как государство, способное одновременно присутствовать во всех трех пространствах и сохранять свободу действий между ними.

Такое представление существенно отличалось от логики европейской интеграции. Для ряда континентальных государств создание общих институтов после Второй мировой войны являлось способом преодоления прежнего соперничества и укрепления политической стабильности. Великобритания же не пережила разрушения собственной политической системы и сохраняла высокую степень институциональной преемственности. Поэтому европейская интеграция воспринималась британскими элитами не как необходимый механизм стабилизации государства, а прежде всего как один из возможных инструментов международного сотрудничества.

Особое значение имела британская традиция парламентского суверенитета. Передача полномочий наднациональным европейским институтам затрагивала фундаментальное представление о том, что

именно парламент обладает высшей законодательной властью. По этой причине Лондон значительно спокойнее относился к межправительственным организациям, в которых государства сохраняли контроль над принятием решений. Великобритания активно участвовала в НАТО и Совете Европы, но осторожно относилась к Европейскому объединению угля и стали, а затем к Европейскому экономическому сообществу, поскольку их развитие предполагало создание институтов, способных принимать обязательные для государств решения.

В первые послевоенные десятилетия альтернативой глубокой европейской интеграции оставалось Содружество [4]. Оно позволяло Великобритании сохранять политические, экономические и военные связи с бывшими колониями и поддерживать представление о себе как о глобальной державе. Однако постепенно возможности этой системы сокращались. Бывшие доминионы и новые независимые государства проводили все более самостоятельную внешнюю политику, экономическая роль прежних имперских связей снижалась, а зависимость Великобритании от Соединенных Штатов усиливалась.

Важным рубежом стал Суэцкий кризис 1956 года, продемонстрировавший ограниченность способности Лондона самостоятельно проводить глобальную политику. Одновременно Европейское экономическое сообщество развивалось быстрее, чем первоначально предполагало британское руководство. В этих условиях европейское направление стало приобретать большее экономическое и политическое значение. В 1961 году правительство Гарольда Макмиллана подало заявку на вступление в ЕЭС. Заявки Великобритании 1961–1963 и 1967 годов столкнулись с противодействием Франции, и только в 1973 году страна стала членом Европейского экономического сообщества [6].

Однако вступление не означало исчезновения прежних противоречий. Великобритания продолжала преимущественно рассматривать европейское объединение как экономический проект, сохраняя осторожность в отношении политического углубления интеграции. В дальнейшем страна не присоединилась к единой европейской валюте и Шенгенскому пространству и добивалась для себя особых условий участия в ряде направлений европейской политики. Такая позиция демонстрировала постоянное стремление получать экономические преимущества членства, сохраняя при этом максимально возможную автономию национальных институтов.

Новый этап противоречий был связан с углублением европейской интеграции после Маастрихтского договора. Расширение компетенций общеевропейских институтов усиливало дискуссии о пределах национального суверенитета. Для британских евроскептиков европейская интеграция все чаще становилась не просто вопросом экономического

сотрудничества, а проблемой контроля над законодательством, финансами, границами и внутренней политикой.

В 2000-е годы эти исторически существовавшие противоречия соединились с новыми социально-экономическими факторами. Расширение Европейского союза в 2004 и 2007 годах и рост трудовой миграции усилили общественную дискуссию о свободе передвижения, нагрузке на социальную инфраструктуру и способности государства самостоятельно контролировать миграционную политику. После финансового кризиса 2008 года эти вопросы оказались тесно связаны с недовольством экономическим положением, региональными диспропорциями и снижением доверия к политическим институтам. Одновременно усилились евроскептические настроения внутри Консервативной партии и поддержка Партии независимости Соединенного Королевства.

Таким образом, к середине 2010-х годов европейский вопрос объединил сразу несколько давно существовавших проблем: защиту парламентского суверенитета, миграционный контроль, экономическую самостоятельность и представление о Великобритании как о государстве с собственной глобальной ролью. На референдуме 23 июня 2016 года 51,9% проголосовавших поддержали выход Великобритании из Европейского союза. При этом голосование выявило серьезные внутренние различия: в Шотландии и Северной Ирландии большинство поддержало сохранение членства, тогда как в Англии и Уэльсе большинство высказалось за выход.

Поэтому Brexit трудно объяснить исключительно событиями непосредственно перед референдумом. Кампания 2016 года стала моментом, когда накопившийся десятилетиями скепсис получил конкретную политическую форму. Идеи восстановления контроля над законодательством, границами и внутренней политикой оказались созвучны гораздо более старому представлению о необходимости сохранения британской автономии по отношению к континентальной Европе [1].

После формального выхода из ЕС Великобритания столкнулась с необходимостью выстраивать новую модель отношений с европейскими партнерами. Появились дополнительные торговые и регуляторные барьеры, изменилась миграционная политика, а Европейский союз из внутренней институциональной системы превратился для страны во внешнего партнера и одновременно крупный регулирующий центр. Вместе с тем полного разрыва не произошло: взаимозависимость Великобритании и ЕС сохранилась в торговле, научном сотрудничестве, безопасности и ряде других направлений. В 2022–2025 годах отношения постепенно смещались от острой фазы политического разрыва к более прагматичному и секторальному взаимодействию.

Заключение. Таким образом, британский евроинтеграционный скептицизм нельзя рассматривать исключительно как политическое явление, возникшее накануне референдума 2016 года. Его истоки сформировались значительно раньше и были связаны с особенностями исторического развития Великобритании, опытом мировой империи, традицией парламентского суверенитета и стремлением сохранить самостоятельную глобальную роль.

На протяжении всего периода европейской интеграции Великобритания фактически пыталась решить одно и то же противоречие: использовать преимущества сотрудничества с Европой, не отказываясь при этом от максимальной свободы национального принятия решений. Именно поэтому страна первоначально дистанцировалась от первых наднациональных объединений, позднее вступила в ЕЭС, но продолжала добиваться исключений из отдельных интеграционных механизмов и сохраняла национальную валюту, собственный пограничный режим и особое отношение к европейским институтам.

Brexit стал кульминацией этого длительного противоречия, но не его случайным возникновением. Экономические трудности, миграционный вопрос и внутриполитическая борьба в 2000–2010-е годы не создали британский евроскептицизм с нуля, а сделали политически значимыми установки, существовавшие десятилетиями. Поэтому выход из ЕС можно рассматривать как результат соединения исторически сложившегося стремления к институциональной автономии с конкретными социальными и политическими проблемами начала XXI века.

При этом Brexit не уничтожил само противоречие между автономией и взаимозависимостью. Получив возможность самостоятельно регулировать ряд сфер внутренней политики, Великобритания одновременно сохранила объективную экономическую, политическую и стратегическую связь с Европейским союзом. В результате прежний спор о месте страны внутри европейской интеграции трансформировался в новый вопрос: каким образом сохранить максимальную самостоятельность, не утратив преимущества тесного сотрудничества с крупнейшим региональным объединением. Именно эта дилемма, сформировавшаяся еще в послевоенный период, остается центральной для понимания британской политики в отношении Европы и после Brexit.

Список литературы

1. Васильева К.С. Выход Великобритании из Европейского союза как фактор геополитической трансформации единой Европы // Центр стратегических оценок и прогнозов – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/500/vyhod-velikobritanii-iz-evropejskogo-soyuza-kak-faktor geopoliticheskoj-transformaczii-edinoj-evropy-7180
2. Волков А.С. Влияние Европейского Союза на современную правовую систему Великобритании // Право и политика. – М.: 2018. – С. 52–61.

3. Егорченков Р.В., Кузнецова Е.В. Проблемы взаимоотношений Великобритании и стран ЕС после Brexit // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – Том 7: Исторические и политические науки. Часть 2 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. – С. 156–159.
4. Егорченков Р.В. Содружество наций как инструмент внешней политики Великобритании // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2022. – Т. 2. – № 14-1. – С. 81–85.
5. Егорченков Р.В. Ключевые аспекты взаимоотношений Великобритании и ЕС. // Вестник СНО ДонГУ, 2024. – Вып. 16, том 2: социально-гуманитарные науки. – С. 84-87.
6. Кавешников Н.Ю. Великобритания и ЕС. Долгая история развода: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 41.03.05. - М., 2018. - 12 с.
7. Major J. The referendum on Europe: opportunity or threat? : speech. – Chatham House. London, 2013. – 11 p.

УДК 327.7

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Жиманов Я.Р., ORCID 0009-0008-8310-1099
ФГБО ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» г. Москва, РФ
zhimanovy@bk.ru

Введение. Союзное государство России и Беларуси – одно из наиболее тесно интегрированных международных объединений на геополитическом пространстве. После подписания в 1999 г. Президентами А.Г. Лукашенко и Б.Н. Ельциным договора «О создании Союзного государства» Минск и Москва перешли от этапа стратегического партнерства к союзному строительству, что напрямую отражало запросы населения - на референдуме 14 мая 1995 года 83,3% белорусов проголосовали за экономическую интеграцию с Россией и равный государственный статус русского и белорусского языков.

Цель исследования – проанализировать особенности и перспективы развития политических институтов Союзного государства России и Беларусии.

Основная часть. В рамках принятого Договора Союзное государство получило уникальную институциональную структуру, в которой представлены следующие наднациональные органы власти: Высший Государственный Совет, Парламент, Совет Министров, Суд и Счетная палата [1].

Созданными и действующими из указанных политических институтов являются только Высший Государственный Совет и Совет Министров. Функции законодательного органа временно делегированы Парламентскому собранию Союза России и Беларуси, в то время как полноценный союзный Парламент, Суд и Счётная палата находятся в процессе институционального формирования.

Несмотря на тесное взаимодействие белорусских и российских государственных органов, что напрямую отражается на улучшении качества жизни белорусов в России и россиян в Беларуси (единое миграционное пространство, право на ускоренное получение вида на жительство и гражданство, равные возможности поступления в учреждения образования и при устройстве на работу) Беларусь и Россия не достигли достаточной степени интегрированности, чтобы иметь общую исполненную, судебную и законодательную власть.

Анализируя структуру союзного управления специалист ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова Д.В. Малышев отнёс к ключевым недостаткам системы наднациональных органов Союзного государства отсутствие должности единого главы государства (Президента). По мнению исследователя, Парламентское собрание функционирует преимущественно как институт межпарламентского взаимодействия, нежели как полноценный единый законодательный орган, а отсутствие унифицированного конституционного акта затрудняет его работу. Совет Министров Союзного государства так и не приобрел значения единого правительства и является органом для сотрудничества и реже – механизма совместного принятия решений органами исполнительной власти России и Беларуси, ключевым вектором деятельности которого на современном этапе выступает разработка и исполнение союзного бюджета [2].

Текущий период 2020-х гг. ознаменовал новый этап эволюции модели Союзного государства после замедления развития интеграции со второй половины 2000-х гг. из-за непринятия Конституционного акта, который должен был стать союзным правовым базисом. В 2021 г. Президенты А.Г. Лукашенко и В.В. Путин подписали стратегические для союзного развития документы – 28 союзных интеграционных программ (дорожных карт) и Военную доктрину. В рамках данных программ Минск и Москва переориентировали интеграционную стратегию с форсированного создания наднациональных институтов на поэтапную экономическую кооперацию [3]. Ключевыми приоритетами стали укрепление экономического и промышленного потенциала с фокусом на импортозамещение в связи с санкционным давлением, расширение гражданских и социальных прав граждан и укрепление юридического сотрудничества.

Современный процесс союзного строительства ориентирован на формирование высокоорганизованной межгосударственной системы,

обладающей признаками гибкой интеграции, продемонстрировавшей свою эффективность в условиях глобальной политической турбулентности. Успешная реализация военно-политического сотрудничества выступает критически важным фактором отражения внешних вызовов и угроз безопасности. Обозначенные аспекты делают российско-белорусский союз уникальной моделью не только для постсоветского пространства, но и для мировой практики в целом. Сочетания принципа сохранения национального суверенитета с глубокой интеграцией подтверждает стратегическую устойчивость союза и способность эффективно реагировать на современные геополитические вызовы.

Страны активизируют усилия по выработке и реализации согласованных подходов к дальнейшему углублению сотрудничества в гуманитарной сфере: образовании, здравоохранении, науке, спорте и культуре. Правительство Российской Федерации и Совет Министров Республики Беларусь нацелены на обеспечение эффективной реализации достигнутых договорённостей в целях дальнейшего углубления союзнических отношений между двумя государствами, содействия их устойчивому развитию и защите интересов на международной арене [4].

Существующим барьером в ходе союзного строительства остаются институциональные различия национальных экономических моделей. Если в России была сформирована либерально-капиталистическая модель экономики, то в Беларуси функционирует социально ориентированная модель капиталистической экономики с элементами государственного регулирования. Среди отдельных проблемных факторов – различия в налогообложении, недостаточная господдержка малого и среднего бизнеса, которая мешает равноправной конкуренции российских и белорусских предпринимателей. Не менее остро стоят вопросы ценообразования на энергоносители, именно они долгое время выступали триггером для поиска альтернативных логистических маршрутов, а также несинхронизированность подходов к формированию единого финансового рынка. В совокупности данные противоречия стали ключевым препятствием для введения единой валюты Союзного государства. Разрешение существующих экономических противоречий позволит перейти к закономерному этапу — развитию политических и наднациональных институтов Союзного государства на бесконфликтной основе.

Заключение. Таким образом, тесное межгосударственное взаимодействие политических и экономических институтов обеспечивает России и Беларуси стратегическую устойчивость как на внутренней, так и на международной арене. Взаимная дипломатическая поддержка и углубление кооперации в условиях внешних санкций подтверждают статус Союзного государства как эффективного геополитического института.

Список литературы

1. Договор о создании Союзного государства: [заключен в г. Москве 08.12.1999]. – URL: https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva (дата обращения: 03.10.2026).
2. Малышев, Д. В. Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь: институционализация и современное состояние / Д. В. Малышев. – Постсоветские исследования. – 2019. – № 8. – С. 1551–1562.
3. Матвеенко, Ю. И. Теории политической модернизации: эволюция и современное содержание / Ю. И. Матвеенко // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 6. – С. 136–149.
4. Шамахов В. А. Политические императивы экономической интеграции России и Беларуси: общая ситуация и специфика первого квартала 2021 г. / В. А. Шамахов, Н. М. Межевич. – Управленческое консультирование. – 2021. – № 4. – С. 10–17.

УДК 327(510:59)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДИАСПОРАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Загородний В.В., ORCID 0009-0004-7834-250X
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»,
г. Донецк, РФ
zagorodniy-valery@ya.ru

Введение. В современной системе международных отношений китайская диаспора (хуацяо-хуажэнь) занимает уникальное положение по общей численности около 50–80 млн человек [1]. При этом более 68% инвестиций в материковый Китай приходится на диаспоральные круги [2]. Юго-Восточная Азия, где сосредоточена наиболее многочисленная и экономически влиятельная часть хуацяо, рассматривается Пекином как приоритетная зона диаспоральной дипломатии. Актуальность темы обусловлена, возрастающей ролью транснациональных негосударственных акторов в международных процессах; спецификой китайской модели взаимодействия с соотечественниками за рубежом, сочетающей элементы патронажа, культурной экспансии и экономической кооптации; необходимостью теоретического осмысления пределов эффективности этой модели в полиэтничных обществах Юго-Восточной Азии.

Целью исследования является системный анализ институциональных механизмов и конкретных стратегий работы КНР с диаспорами в регионе Юго-Восточной Азии, оценка их эффективности и выявление факторов, ограничивающих трансформацию диаспорального потенциала в устойчивое внешнеполитическое влияние.

Основная часть. Диаспора в этом контексте понимается как транснациональный актор, способный к самостоятельной активности, но

при этом выступает, как объект целенаправленного воздействия со стороны государства происхождения. Важнейшей предпосылкой современной диаспоральной политики КНР является историческая специфика положения хуацяо в странах Юго-Восточной Азии. После Второй мировой войны молодые национальные государства региона, столкнувшись с вызовами нациестроительства, приняли экономическую политику, основанную на принципе «приоритета коренного населения», что привело к системному исключению китайской диаспоры. Как отмечает Ларин А.Г., китайцы в странах Юго-Восточной Азии по-прежнему остаются «чужеродным национальным меньшинством», чьё богатство не облегчает интеграцию в местное общество и не гарантирует безопасности [3]. Это создало парадоксальную ситуацию: диаспора, будучи объектом дискриминации, одновременно сохраняла транснациональные связи с исторической родиной, что на определённых этапах интерпретировалось принимающими государствами как потенциальная угроза. Пекин, в свою очередь, долгое время дистанцировался от хуацяо, опасаясь обвинений во вмешательстве во внутренние дела суверенных государств. Китайская приверженность невмешательства во внутренние дела государств остаётся одним из базовых принципов во внешней политике. Принцип закреплён в ключевых документах и концепциях страны, а также подтверждается её практическими действиями на международной арене.

Официальная позиция КНР в отношении соотечественников за рубежом получила нормативное оформление в ряде документов. В 1990 году был принят Закон о защите прав и интересов возвратившихся из эмиграции китайцев и родственников проживающих за границей китайских эмигрантов (с поправками 2000 года). Верховный народный суд КНР и Всекитайская федерация возвратившихся из-за границы китайцев выпустили директиву, направленную на усиление судебной защиты прав и интересов китайских эмигрантов, реэмигрантов и членов их семей. В марте 2026 года глава МИД КНР Ван И подчеркнул необходимость создания глобальной системы обеспечения безопасности всех соотечественников за рубежом.

Институциональный дизайн диаспоральной политики описывается через метафору «пяти мостов» – пяти ключевых государственных структур КНР, отвечающих за взаимодействие с зарубежными соотечественниками. Эти «мосты» охватывают консульско-правовую защиту, экономическое сотрудничество, культурно-образовательные обмены, информационно-пропагандистскую деятельность и партийно-политическую работу.

Китайская стратегия и инструменты диаспоральной дипломатии КНР в Юго-Восточной Азии:

1. Экономическая интеграция и продвижение «Пояса и пути». Наиболее очевидным каналом влияния является использование диаспорального экономического потенциала для продвижения инициативы

«Пояс и путь» (ИПП). Опираясь на мягкую силу, китайская диаспора в Индонезии и Малайзии сыграла ключевую роль в реализации проектов ИПП в 2018–2024 годах. Институты сотрудничества между предприятиями государств ЮВА и КНР повлекли за собой создание диаспоральных бизнес-ассоциаций, сформировали институционализированные механизмы транснационального взаимодействия, облегчающие трансграничные потоки капитала, товаров, людей и информации. В Сингапуре, Малайзии и на Филиппинах этнические китайские предпринимательские структуры выступают в роли «двусторонних мостов», одновременно обслуживая интересы страны происхождения и страны проживания.

2. Культурно-образовательная «мягкая сила». Образовательный трек диаспоральной политики включает, в частности, расширение высшего образования для индонезийских студентов. Культурная дипломатия расширяется в сферах образования, медиа, туризма и культурных обменов, через институты Конфуция придаётся «мягкой силе» моральный авторитет. В Юго-Восточной Азии лидером по их количеству является Таиланд, где функционируют 16 Институтов Конфуция и ещё дополнительно работают в школах. Механизм образования и обучения АСЕАН-Китай. С 2009 г. Китай направил в страны АСЕАН в общей сложности более 1198 учителей китайского языка и 15319 добровольцев, а также предоставил стипендии Института Конфуция 6210 обучающимся. К концу 2015г. Китай открыл 31 класс Конфуция в странах АСЕАН. Кондрацкая Н.В. указывает, что к 2018г. их количество выросло до 38: 16 в Таиланде, 7 в Индонезии, 4 в Малайзии, 4 на Филиппинах, 2 в Камбодже, а также во Вьетнаме и Сингапуре расположено по 1 институту Конфуция [4].

3. Консульско-правовая защита и социальная поддержка. КНР последовательно расширяет правовые и организационные механизмы защиты своих граждан и лиц китайского происхождения за рубежом. В 2023 году были опубликованы положения о консульской защите и помощи, определяющие методы её осуществления и круг обязанностей дипломатических представительств.

Эффективность диаспоральной дипломатии КНР сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, сохраняются сецессионные опасения принимающих государств: этнические китайцы нередко воспринимаются как «пятая колонна» Пекина. Во-вторых, диаспора сталкивается с внутренними вызовами ассимиляции, что трансформирует её идентичность и может снижать лояльность Китаю. В-третьих, рост китайского миграционного потока в регион вызывает обратную реакцию - ужесточение иммиграционного контроля (как показал опыт Индонезии в 2025 году) и усиление общественного недовольства. Хуацяо балансируют между «разговором на двух языках» — поддержанием символов китайского языка, культурной идентичности и политических интересов с

одной стороны, и необходимостью интеграции в принимающее общество – с другой.

В ближайшей перспективе следует ожидать дальнейшей институционализации диаспорального направления внешней политики КНР. Ключевыми трендами могут стать: 1) расширение «цифровой диаспоральной дипломатии» через трансграничные платёжные системы и мессенджеры; 2) углубление взаимодействия с диаспоральными бизнес-ассоциациями как операторами ИПП; 3) усиление культурно-образовательного компонента, включая продвижение конфуцианской этики как универсальной ценностной системы; 4) дифференцированный подход к разным категориям хуацяо в зависимости от глубины их интеграции в принимающие общества.

Список литературы

1. Афонасьева А. В. К вопросу о численности и размещении китайской диаспоры в мире (1949 г. — настоящее время) / А. В. Афонасьева // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 2. – С. 72–92. – URL: https://pdv.jes.su/s013128120025331-5-1/ (дата обращения: 03.05.2026). – DOI 10.31857/S013128120025331-5.
2. Афонасьева А. В. Капитал китайской диаспоры в экономике КНР / А. В. Афонасьева // Вестник МГИМО-Университета. – 2026. – Т. 19, № 2. – С. 110–148. – DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-110-148.
3. Ларин А. Г. Китай и китайская диаспора / А. Г. Ларин // Азия и Африка сегодня. – 2007. – № 10. – С. 22–28.
4. Кондрацкая Н. В. Сотрудничество Китая и стран АСЕАН в сфере образования (2000–2020) / Н. В. Кондрацкая // Россия в глобальном мире. – 2022. – № 23 (46). – С. 82–95. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-kitaya-i-stran-asean-v-sfere-obrazovaniya-2000-2020 (дата обращения: 24.09.2026).

УДК 327(6):341.232(47+57)“1953/1964”

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ РАЗВИВАЮЩИМСЯ ГОСУДАРСТВАМ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ Н.С. ХРУЩЁВА 1953-1964 ГГ.: КЕЙС АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Зыченко А.И., ORCID 0009-0009-5720-557X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
artemzychenko@yandex.ru

Введение. Советская стратегия по оказанию помощи развивающимся государствам претерпевала существенные изменения на протяжении всего периода существования СССР. Основу этой стратегии составлял экспорт идей социализма и коммунизма, дополняемый поставками вооружений для защиты этих идей. Период председательствования Никиты Сергеевича

Хрущёва (1953–1964) стал поворотным моментом в советской политике в отношении «Третьего мира». СССР стал активно взаимодействовать с развивающимися государствами, применяя собственный опыт построения экономики и социального строя общества. Африканские государства – Гана, Гвинея, а затем и Мали – стали первым полигоном для апробации этой модели.

Целью исследования анализ основных особенностей советской модели оказания помощи на примере африканских государств – Ганы, Гвинеи и Мали – в период «хрущёвской оттепели» со второй половины 1950-х – по первую половину 1960-х гг.

Основная часть. Анализ особенностей советской политики по поддержке государств Африки широко представлен в исследовательской литературе как западными представителями, например А. Иандоло [1] или О. А. Вестад [2], так и отечественными – С. В. Мазов [3] или С. С. Размыслов [4]. Интерес к этой проблеме обусловлен тем, что в период председательствования Н. С. Хрущёва, стратегия СССР во внешней политике претерпела изменения. По итогам XX съезда КПСС в 1956 г. была подтверждена решимость следовать ленинскому принципу мирного сосуществования различных систем [5].

В рамках анализа советской политики в странах Третьего мира британский историк Алессандро Иандоло заключил, что Хрущёв стремился изменить условия противостояния с США. Концепция мирного сосуществования означала отказ от идеи военной конфронтации с Западом в пользу соревнования экономических моделей. В этом контексте «Третий мир» должен был сыграть решающую роль в торжестве социализма над капитализмом как образом жизни.

Афро-азиатские страны социалистической ориентации играли важную роль в ходе глобальной «Холодной войны» между СССР и США, становясь объектами противоборства за сферы влияния между соперничавшими «сверхдержавами». Выбор Ганы, Гвинея и Мали основывается на ряде причин: во-первых, они относятся к «первой волне» советского проникновения в Африку, т.е. многие методы советской помощи странам «Третьего мира» ещё не были апробированы; во-вторых, западные и отечественные исследователи выделяют разные причины успеха и неудачи советской политики в этих странах Африки.

Полномасштабная попытка СССР конкурировать с США в недавно освобождённых странах Африки и Азии была предпринята в основном молодым поколением, находившимся у власти. Они видели в достижениях Советского Союза в технологиях и производстве в 1950-х годах ту основу, которая могла привлечь зарубежные элиты. Показательным в этом контексте являются государства Западной Африки.

СССР проявил интерес к Гане сразу после обретения ею независимости в марте 1957 г., которая представляла собой классическую

постколониальную экономику, полностью зависимую от экспорта какао-бобов. В октябре 1960 г. между странами были заключены двустороннее экономическое и торговое соглашения. В обмен на советскую технологическую продукцию Гана поставляла какао-бобы, а СССР предоставил Гане кредиты в размере 160 млн. рублей [6].

В 24 августа 1959 года СССР и Гвинея подписали Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве [7]. Согласно документу, Советский Союз предоставлял африканской стране кредит в размере 140 млн. рублей. Уникальность этого соглашения заключалась в степени вовлеченности советских специалистов в гвинейскую экономику: они должны были составить перечень конкретных проектов и осуществлять надзор за их реализацией. Однако лидер Гвинеи Секу Туре настаивал на финансировании «престижных» проектов, в связи с этим возникли противоречия между политическим элитам стран, что привело к сокращению сотрудничества по нескольким направлениям.

18 марта 1961 г. СССР и Мали заключили Генеральное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве [8]. Советский Союз предоставил кредит в размере 40 млн руб. на строительство учебных заведений, цементного завода и стадиона, а также проведение геологоразведочных работ. Тем не менее, многие проекты так и остались нереализованными. Выделяются следующие причины этого: неготовность стран брать на себя рискованные расходы по геологоразведочным работам, большой объём работ по многим контрактам первой пятилетки, нехватки квалифицированных местных кадров, что стало причиной постоянных поломок дорогостоящего заводского оборудования.

Заключение. Экономическая помощь СССР странам «Третьего мира» предоставлялась в привлекательной форме. Кредиты Москвы имели низкие процентные ставки и могли погашаться в течение длительного времени, обычно после завершения проекта. Кроме того, эти долги можно было погасить в местной валюте или даже с использованием «традиционного экспорта», что было настоящим благом для стран, испытывающих нехватку твёрдой валюты. Наконец, СССР не претендовал на какую-либо долю в капитале или прибыли, ни на участие в управлении проектом, построенным с его помощью. Это стало одним действенных инструментов не только в рамках советской модели по оказанию помощи, но и в противостоянии с США за политическое влияние в «Третьем мире».

Тем не менее, на основе сделанного анализа можно выделить две основные причины неудач СССР в попытках перенести «советскую модель развития» на развивающиеся государства Западной Африки. Во-первых, СССР требовал от беднейших стран скачка к индустриальному социализму, которого не могла обеспечить их экономика. Во-вторых, кризис в Конго в 1960-1961 гг., продемонстрировавший, что Запад был готов применить силу для предотвращения распространения советского влияния, тогда как

СССР не хватало военных и логистических возможностей для ответных действий. Таким образом, уверенность в «социалистической модели развития» как единственном инструменте растущего влияния Москвы в Африке была сильно подорвана. СССР стал сокращать свои проекты по развитию «социалистической модели».

Список литературы

1. Iandolo, A. The rise and fall of the ‘‘Soviet Model of Development’’ in West Africa, 1957–64 / A. Iandolo // Cold War History. – 2012. – Vol. 12, No. 4. – P. 683-704.
2. Westad, O. A. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times / O. A. Westad. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 484 p.
3. Мазов, С. В. Политика СССР в Западной Африке, 1956-1964 гг.: : дис. … д-р. ист. наук. – М., 2002. – 300 с.
4. Размыслов, С. С. Внешнеполитические приоритеты СССР/Российской Федерации в Африке на примере Ганы и Гвинеи (1957 – 2015 гг.): дис. … канд. ист. наук. – М., 2016. – 179 с.
5. Мирное сосуществование // Большая советская энциклопедия. – URL: https://clck.su/lcZps (Дата обращения: 26.06.2026).
6. Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Ганой. 4 августа 1960 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: https://clck.su/aAONS (Дата обращения: 26.06.2026).
7. Соглашение между СССР и Гвинеей об экономическом и техническом сотрудничестве. 24 августа 1959 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: https://clck.su/zeJZw (Дата обращения: 26.06.2026).
8. Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Мали. 18 марта 1961 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: https://clck.su/Ciewo (Дата обращения: 26.06.2026).

УДК 327:339.9:656.02

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ КАК КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Клитная Н.А., ORCID 0009-0006-2948-6499
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г.Донецк, РФ
nataborisama@mail.ru

Введение. Динамичная природа международных отношений и дивергенция целей участников являются факторами, сдерживающими их взаимодействие. Сегодня достижение компромисса между продвижением национальных интересов и стабилизацией ситуации в мире является приоритетной коллективной задачей. На этом фоне во внешних делах неуклонно растет значимость международных транспортных коридоров (МТК) как нового формата взаимодействия государств.

Цель – определить роль МТК как современного инструмента геоэкономического и геополитического влияния на примере ряда транснациональных проектов в транспортной сфере.

Основная часть. С начала XXI-го века наблюдается активизация взаимодействия в сфере транспортных коммуникаций, формирование и деятельность которых имеет свои особенности.

МТК – это транснациональная мультимодальная система транзита, представляющая не просто инженерный проект, но структурообразующую экономическую основу целых регионов. Получение данного статуса является предметом согласий сторон и опирается на международные документы, регламентирующие функционирование системы, подпадая под действие «международного режима». При соблюдении некоторых условий, продуктивность таких инициатив довольно высока, в связи с чем в мире разворачивается настоящая «битва» за доминирование на МТК. Приведем несколько примеров крупных проектов последних десятилетий:

1. В 2000 г. в Санкт-Петербурге Россией, Индией и Ираном было подписано соглашение о создании МТК «Север-Юг» (International North – South Transport Corridor, INSTC), протокол об официальном открытии которого был утвержден в мае 2002 г. Позднее к договору присоединились Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Оман, Сирия, Таджикистан, Туркменистан.

МТК «Север-Юг» – это комбинированный маршрут около 7,2 тысяч км из Санкт-Петербурга в порт Мумбаи, на западном побережье Индии, через территорию Ирана. Данный проект служит альтернативой традиционным направлениям: как из Европы через Суэц и Красное море в Индийский океан, так и через Панамский канал, – в результате чего сроки доставки грузов в точку назначения снижаются в несколько раз. Хотя Турция не входит в число основных участников инициативы, черноморские порты и транспортные связи с Азербайджаном и Ираном также позволяют ей активно участвовать в работе МТК.

На фоне западных экономических ограничений с 2022 г. коридор стал основной транспортной артерией Евразийского пространства.

Предусматривается и развитие Северного морского пути (СМП) через Северный Ледовитый океан, включая строительство железных дорог для связи с портами крупных сибирских рек и Арктики, а также терминалов, используемых для перевозки полезных ископаемых; модернизацию портовой инфраструктуры (в т.ч. Мурманского комплекса); прокладку трансарктического подводного коммуникационного кабеля из Заполярья на Дальний Восток и т.д. [1].

2. 29 ноября 2012 года генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин представил концепцию «китайской мечты», цель которой – осуществить «великое возрождение китайской нации» и преобразовать КНР в модернизированное, гармоничное и цивилизованное государство.

Во время своих визитов в Казахстан и Индонезию осенью 2013 г. Си Цзиньпин выступил с инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП или Belt and Road Initiative – BRI) по строительству экономических коридоров между государствами Евразии, Африки и Латинской Америки, включающей как сухопутный маршрут из Китая в Россию, страны Центральной Азии, Ближнего Востока и Европы (Экономический пояс Шелкового пути), так и морской – охватывающий рейсы в Европу и Африку через Индийский океан, в южную часть Тихого – через Южно-Китайское море (Морской Шелковый путь XXI в.); а также Арктический маршрут из Европы в Азию по СМП (Ледяной Шёлковый путь).

К 2026 г. данный мегапроект объединил более половины населения земного шара из более чем 140 стран, при создании около 500 тыс. рабочих мест в странах-партнерах и привлечении почти 1 трлн. долл. США инвестиций, в основном, из фондов государственных банков КНР. В ходе его реализации обозначилась абсолютно новая глобальная экономическая, транспортная и геополитическая конфигурация, усиливая роль Китая [2].

3. 10 сентября 2023 года в Дели на полях саммита G-20 лидерами ЕС, Германии, Италии, Франции, Индии, ОАЭ, Саудовской Аравии и США был подписан протокол о сотрудничестве по созданию транспортного коридора «Индия – Ближний Восток – Европа» (India – Middle East – Europe Corridor, IMEC). Инициатива включала гармонизацию транспортных систем и снижение административного бремени в целях сокращения сроков доставки грузов и сопутствующих издержек; формирование рынка с охватом свыше 2,25 млрд человек и общим объемом экономики 47 трлн долларов [3]. Инвестирование ожидалось на паритетных началах из фонда государственного и частного секторов. Для ослабления влияния Пекина в регионе, строительство МТК намечалось в обход традиционных китайских партнеров – Ирана и Пакистана. Интересно, что IMEC не предусматривал и участия Турции, вызывая возражения Р.Т.Эрдогана.

4. В 2023 г. правительство Ирака представило «Путь развития» (Development Road, DR) из строящегося глубоководного порта Гранд-Фау (полное обустройство которого запланировано к 2028 г.) к иракско-турецкой границе с прокладкой железной дороги, параллельной автомагистрали, длиной 1200 км, и сопутствующей инфраструктуры. DR включал и строительство подводного тоннеля в Басре (т.н. «Шелковый тоннель»), к 2026 г. завершенного и успешно протестированного. Полное осуществление «Пути развития» намечено на 2050 г.

DR превосходит IMEC по скорости и емкости и, в случае успеха, укрепил бы Ирак и Турцию в статусе ключевых логистических центров Ближнего Востока. Однако, Ормузский кризис 2026 г. перечеркнул все планы, вынудив правительства разных стран диверсифицировать риски, используя проверенные или формируя новые маршруты.

Заключение. Оценивая масштабные концепции, можно заключить, что в наши дни МТК становятся инструментом геополитического влияния. Их специфика заключается в способности выступать как источником конфликтов и нестабильности, так и движущей силой развития транснациональных связей. И как ситуация в мире влияет на существование подобных сетей, также и те влияют на баланс сил в международных отношениях. Очевидно, BRI и IMEC – это не просто различные инфраструктурные проекты, но альтернативные взгляды на устройство мира в XXI в. По многим критериям сегодня лидирует BRI, а IMEC испытывает существенные трудности в реализации из-за проблем безопасности.

Итак, функционирование международных транспортных коридоров способствует не только формированию экономических связей, но и становится новой формой межгосударственного сотрудничества и инструментом геополитического влияния.

Список литературы

1. Определение и правовой статус Северного морского пути (справочно) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. – 24.09.2025. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/aktual_nyye_voprosy_mezhdunarodnogo_prava_pozitsiya_rossii/2048391/ (дата обращения: 20.09.2026)
2. Китайская мечта и мир [Текст] : XVIII Всекитайский съезд КПК / под ред. Хуан Хуагуана и Луань Цзяньчжана. – Пекин : Изд-во литературы на иностранных языках, 2013. - XIII, 427, [4] с. : ил.; 24 см.; ISBN 978-7-119-08650-7
3. Сажин В. Коридор Индия-Ближний Восток-Европа: еще один… // Международная жизнь/The International Affairs. – 28.09.2023. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/42439?ysclid=mv1vm9243a232836329 (дата обращения: 20.08.2026)

УДК 327.82(439.22):172.4

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СЛОВАКИИ: КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Козловский А.Ю. ORCID 0009-0003-6926-0388
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
al.yu.kozlovskiy@mail.ru

Введение. Культурно-гуманитарная составляющая является неотъемлемым элементом современной внешней политики любого государства. Причем не только такого, которое занимает ведущие позиции в мировой политике и экономике, но и такого, чья роль в международном сообществе относительно скромна: она ограничена численным составом

населения, площадью территории, экономическим потенциалом, включая, таким образом, место в системе международного разделения труда, военными ресурсами и т. д.

Однако ограниченность возможностей политического влияния даже на региональные международные процессы компенсируется за счёт политики «национально-культурного брендинга» [1] – придания тем или иным достижениям в сфере культуры, науки, искусства, образования и спорта не только национального, но и международного значения. Немаловажное значение имеет и сложившаяся в таковой стране изначально или же на протяжении определенного периода времени политическая культура.

Цель – рассмотреть базовые культурно-гуманитарные составляющие современной внешней политики Словакии.

Основная часть. Старт международной кампании по популяризации словацких культурных достижений за рубежом, преимущественно в Европе, был дан в 2002 г., будучи связанным со стремлением данной страны интегрироваться в ЕС. Первые итоги таковой кампании стали очевидны к 2006 г. Улучшать международный имидж Словакии посредством её культуры пришлось правительству Микулаша Дзуринды.

Так, очевидным достижением этого достаточно краткого этапа стало нивелирование негативного образа Словакии в Европе как «постсоциалистической страны», составляющими которого были: опыт форсированной приватизации, отсутствие института свободной прессы, социально-экономическая неразвитость преимущественно аграрной страны и т. д. [2].

Да и сама тогдашняя словацкая высшая государственная власть вызывала раздражение на Западе. Пребывание Владимира Мечьяра на посту премьер-министра практически в течение всех 1990-х гг. обусловило очень негативный образ тогдашней Словакии в Европе, в частности из-за его «пророссийской позиции».

По мнению большинства исследователей, «культурная дипломатия» является ключевыми инструментом во внешней политики Словакии. Руководителем этого направления является Правительство Словацкой Республики, а координатором и исполнителем – Министерство культуры и Министерство иностранных и европейских дел (Департамент культурной дипломатии), а также, безусловно, словацкие посольства, консульства, зарубежные организации – «словацкие институты». Этими двумя правительственными ведомствами была сформирована Рабочая группа по координации деятельности в области культурной дипломатии за рубежом [3].

Концептуальная основа и составляющие культурной дипломатии Словакии активно реализовываются в рамках действующей программы «Словакия – страна с потенциалом», направленной, правда,

преимущественно на соседние со Словакией страны Восточной, Центральной и Южной Европы [4].

Итак, базовыми культурно-гуманитарными составляющими современной внешней политики Словакии являются:

1) «Ценности словацкого общества».

Ими являются «уникальность», «разнообразие», «жизнеспособность», «изобретательность». Так, «уникальность и разнообразие» означают способность словацкого общества и властей сохранять межнациональный и межрелигиозный мир в полиэтнической стране, а «жизнеспособность» и «уникальность» – «способность развивать нынешнюю словацкую государственность», учрежденную в результате мирного разделения Чехословакию на Чехию и Словакию в 1993 г. Наименование-слоган «Словакия – страна с потенциалом» трансформировался в 2016 г. в слоган «Хорошо, Словакия» [5]. Эта политика направлена на аудиторию всех европейских стран. Так, например, о «словацких идентитарных ценностях» остальная Европа узнаёт благодаря участию Словакии в Центрально-европейской культурной платформе и Сообществе европейских культурных институтов.

2) «Вышеградская культурная дипломатия».

Как известно, с 1993 г. Словакия является страной-участницей Вышеградской группы – многопрофильного межгосударственного объединения в составе Словакии, Польши, Чехии и Венгрии. Поэтому Международный Вышеградский фонд является площадкой для популяризации словацкой культуры в остальных трех странах Вышеградской группы.

Что же касается сравнительного анализа культурной дипломатии Чехии, Польши и Венгрии, то эти страны, в отличие от Словакии, имеют намного больше финансовых возможностей для продвижения собственных «национально-культурных брендов» за рубежом.

Однако достаточно небезоблачными являются словацко-венгерские отношения. Так, непосредственное и «равнонаправленное» влияние на взаимодействие между двумя странами оказывает положение венгерского национального меньшинства в Словакии и словацкого – в Венгрии. Все 1990-е и 2000-е гг. были временем сложных испытаний для венгерско-словацких отношений, в том числе и в годы первой премьерской каденции Роберта Фицо в Словакии (2006-2010 гг.). Однако тогда при разрешении разногласий в вопросе защиты прав национальных меньшинств обе страны неоднократно апеллировали к Брюсселю [6].

3) Поддержка словацкой диаспоры. Это направление культурной дипломатии Словакии развивается Центром управления для словаков, проживающих за рубежом и Советом Правительства Словакии по вопросам землячества. Так, эти структуры способствуют сохранению

национальной идентичности, прежде всего, конечно, у подрастающего поколения зарубежных словаков – у детей и юношества.

4) Популяризация словацкого языка, как нематериального культурного наследия, в учебных заведениях других стран. Так, например, словацкое Министерство образования, науки, исследований и спорта регулярно, планово, на основе заключенных договоров, направляет учителей средних школ и преподавателей высших учебных заведений в другие страны Европы – с целью обучения словацкому языку.

5) Популяризация объектов материальной культуры Словакии, внесенных в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Ими являются архитектурные объекты, – замки, церкви, – а также исторические центры отдельных городов, деревни, природные объекты – пещеры и леса.

Заключение. Культурно-гуманитарные составляющие современной внешней политики Словакии успешно формируют привлекательный образ данной страны на международной арене в условиях ограниченности её политического и социально-экономического потенциала.

Список литературы

1. Сорочинова Моника София. Публичная дипломатия Словакии: концепция, внешнеполитические цели и механизм // Международные отношения. – 2019. – № 2. – С. 109-118. – DOI: 10.7256/2454-0641.2019.2.29833. – EDN: UWKCIF.
2. Гопта Иво. Культурная дипломатия Словакии в «докризисный период» (1993-2020 гг.) // Вышеградская Европа. – 2024. – № 4. – С. 87–98. EDN: EPDENO. DOI: 10.24412/2686-9756-2024-4-87-98.
3. Там же. С. 89-90.
4. Там же. С. 90.
5. Там же. С. 91.
6. Щербакова Ю.А. Венгерское национальное меньшинство в контексте словацко-венгерских отношений после 1989 г. // Восточная Европа: Межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в.: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч. информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Вост. Европы; Отв. ред. Игрицкий Ю.И., Шаншиева Л.Н. – М., 2016. – С. 129-141. EDN: XVCGRZ.

УДК 327.82:331.77:004.77

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ (НАРОДНОЙ) ДИПЛОМАТИИ

Кузнецова Е.В., канд. полит. наук, доц., ORCID 0000-0002-1456-2456
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.v.kuznetsova23@mail.ru

Введение. Развитие международных отношений затрагивает не только трансформацию мировой политической системы, но и влияет на взаимоотношения на уровне межличностных связей. Такой вид неофициальной дипломатии называют публичной или общественной (народной) дипломатией. Заметную роль при этом играют социальные сети. Широкое распространение цифровых технологий и инноваций предоставляет возможности для коммуникации между населением разных государств и формирования позитивного имиджа стран, даже в условиях недружественного к ним отношения.

Цель – определение роли социальных сетей и цифровых технологий в рамках развития общественной (народной) дипломатии.

Основная часть. Цифровые технологии, и социальные сети, в частности, позволяют вести диалог гражданам разных государств, несмотря на ухудшение взаимоотношений между странами. Диалоговые площадки с использованием современных технологий (ИКТ) расширяют коммуникацию на неофициальном уровне дипломатии. У лиц, несвязанных напрямую с дипломатическими процессами, появляется возможность донести свою позицию по ряду проблем. Это могут быть представители из разных сфер деятельности, деятели культуры и науки, общественные активисты и эксперты и т.д. И, хотя общественная дипломатия не всегда позволяет быстро добиться результата, но создает благоприятные условия для осуществления внешнеполитической деятельности государства.

Среди исследований, связанных с этой тематикой, можно выделить концепцию «мягкой силы» Дж.Ная, включающую публичность дипломатии как механизма доведения государством своих целей до международной общественности [1]. К.Бьол рассматривал цифровую дипломатию, в рамках которой использование социальных сетей может изменить механизмы управления информацией и международных переговоров или даже способа выхода из кризисных ситуаций [2]. Ряд зарубежных и отечественных авторов связывает цифровую дипломатию с теорией социального взаимодействия. При этом они отмечают, что для человека группа в социальных сетях будет значима и влиятельна из-за коллективного мнения, она будет ему близка, если в ней интересуются той

же темой и количество участников значительно [3]. Российский исследователь О. Лебедева добавляет, что социальная сеть выступает как платформа, на которой происходит построение социальных отношений [4]. Н. Бурлинова изучает экосистему публичной дипломатии как сообщество участников (организаций, институтов, территориальных единиц, граждан), взаимодействующих в решении внешнеполитических задач государства [5]. При этом важно не столько присутствовать, а активно создавать экосистему социального взаимодействия. Ключевая особенность общественной (народной) дипломатии в том, что общественность сама влияет на государственную политику, проявляя инициативу, а цифровые технологии усиливают автономность народной дипломатии. Активизируясь в период конфликта, общественная (народная) дипломатия повышает вероятность предотвращения горячей фазы, инициируя гуманитарные и иные мероприятия, что позволит потом искать новые пути разрешения кризисной ситуации уже на официальном уровне [6]. При нарастании геополитической напряженности цифровые технологии стали шире использоваться как государственными, но еще больше негосударственными акторами, при осуществлении гибридных войн и информационных кампаний, создавая конкурирующие нарративы [7].

Посредством социальных сетей коммуникация оперативна, позволяет объединить большое количество людей и привлечь их внимание к важным темам, не учитывая границ и времени. Это может положительно повлиять на принятие решений власти. Обсуждать актуальные вопросы, выслушивать позицию оппонента, находить общее – всё это помогает выстраивать диалог между гражданами разных стран и формировать основу для налаживания связей на официальном уровне. Коммуницирование между представителями власти или профессиональных объединений и отдельными гражданами в публичной плоскости направлено на сглаживание недопонимания и поиск приемлемых решений как внутри страны, так и за ее пределами.

Вовлеченность общества в обсуждение внешнеполитических процессов (комментарии в социальных сетях, оперативное разъяснение специалистов происходящего и т.д.) показывают интерес населения и побуждают к участию. Таким образом, возможна самоорганизация отдельных групп, но важно, на какой результат направлена их деятельность. Можно выделить отрицательные моменты, прежде всего, для конфликтной мобилизации. Например, создается нейтральное, положительное сообщество, а потом в эту в объединенную группу внедряются идеи (например, проводится критика власти) или негативно обсуждаются шаги власти [8]. Этому больше подвержена молодежь, которая устремлена на протест или готова что-то менять, не совсем осознавая, что и как, но менять. Кроме этого, границы ответственности размыты, возможна утечка данных, неравенство доступа к цифровых

технологиям и др. Поэтому усиленное внимание требуется изучению угроз и вызовов, которые несут с собой социальные сети: распространение фейков, мобилизация на антигосударственные акции, хакерские атаки и т.д.). Для более безопасного использования цифровых технологий в общественной (народной) дипломатии, необходимо вырабатывать меры по соблюдению международно-правовых норм и обеспечению прозрачности и уважения всех участников.

Появление цифровых технологий и возможности социальных сетей способствовали прямому участию гражданского общества в межгосударственном диалоге, что дало новый толчок развитию общественной (народной) дипломатии как каналу дипломатического взаимодействия для формирования международного общественного мнения. Помимо социальных сетей и мессенджеров, цифровыми инструментами развития общественной (народной) дипломатии могут стать онлайн-платформы и компании, видеохостинги, подкасты и др.

Заключение. В Российской Федерации цифровая дипломатия развивается, но противостоять зарубежной на данный момент не может. Важным представляется создание собственных инструментов для ее реализации на разных уровнях дипломатии. Для общественной (народной) дипломатии характерно взаимодействие гражданского общества, прежде всего, объединениями разной профессиональной направленности или отдельными лидерами общественного мнения.

Список литературы

1. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 191p.
2. Bjola C., Holmes M. Digital diplomacy: Theory and practice. – 2015. – London: Routledge – 252 p. – DOI 10.4324/9781315730844
3. Кривохиж, С.В., Теленьга, М. П. Трансформация цифровой дипломатии в условиях новых вызовов: взгляд из Вашингтона и Пекина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2024. – Т. 17. Вып. 2. – С. 143-163. – DOI 10.21638/spbu06.2024.203
4. Лебедева, О. Роль социальных сетей в дипломатической практике России / О. Лебедева // Международная жизнь. – 2021. – №3. – С.21-27.
5. Бурлинова, Н.В. Публичная дипломатия России через призму экосистемного подхода: анализ внутреннего сообщества / Н. В. Бурлинова // Общественные науки и современность. – 2026. - №2. – С. 93-105.
6. Габриелян, О.А., Габриелян, Г.О. Народная дипломатия как информационно-коммуникативная технология: потребность, возможности, перспектива // Россия и мир: научный диалог. – 2021. – Том 1. №1. – С. 115-125. – DOI 10.53658/RW2021-1-1-115-125
7. «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад / Е.С. Зиновьева, Н.А. Цветкова, А.Н. Сытник и др.; под ред. Е.С. Зиновьевой – М.: МГИМО, 2024. – 47 с.
8. Манойло, А.В. Убить котенка, или технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях / А. В. Манойло // Мировая политика. – 2015. – № 3. – С. 1-12. – DOI: 10.7256/2409-8671.2015.3.15973

УДК 327.81[(470+571:510)+(479+571:540)]

РОЛЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПОДАРКОВ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Куканова М.А., ORCID 0009-0008-5238-9894
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mkukanova926@gmail.com

Введение. В эпоху глобализации международной среды и увеличения мобильности акторов классическая модель межгосударственного диалога претерпела глубокую трансформацию. Привычные рамки национальной дипломатии перестали быть самодостаточными, породив целый спектр новых направлений внешнеполитической работы. В процесс дипломатического взаимодействия интегрируются не только правительственные структуры, но и неправительственные организации, субъекты частного предпринимательства, средства массовой информации и т.д.

В рамках данной многоакторной среды происходит гибридизация форматов дипломатического присутствия. Одним из специфических направлений выступает протокольная практика обмена подарками, которую можно отнести к структурным элементам концепции «мягкой силы».

Цель исследования – проанализировать специфику использования дипломатических подарков как инструмента публичной дипломатии на примере российско-китайского взаимодействия.

Основная часть. Исследованием вопроса занимались Е.Л. Рябова, Л.О. «Эволюция дипломатического подарка как индикатор изменений в международных отношениях» [1] и А. Асанбаева «Искусство дипломатии и политический символизм: из истории подарков первым лицам государства» [3], которые рассматривают в своих работах трансформацию института дарения от традиционного жеста личной лояльности до инструмента «мягкой силы» и прагматичной государственной политики.

Учебное пособие В.П. Егоров «Дипломатический протокол и этикет» [6] и монография «Протокол и этикет в дипломатической деятельности зарубежных стран» [7] помогли систематизировать комплексную теоретическую базу для исследования влияния церемониала на формирование имиджа государства.

Подарок — органичная часть ритуала общения. Понимание значимости дара выступало как регулятором социальных связей, так и способствовало установлению протогеополитических отношений [1].

Начиная с XX века традиция вручения подарков и взаимного обмена подарками становится также одним из инструментов культурной или

публичной дипломатии, являясь альтернативной формой решения государством внешнеполитических задач и оказания им влияния на зарубежную аудиторию [3].

Выбор подарка на межгосударственном уровне – это тонкая работа с кодом чужой цивилизации. Необходимо необходимо понимать особенности государства, его традиций и культуры, ментальности народа. Любая такая подарок зачастую представляет собой некое многослойное символическое сообщение, адресат которого не всегда угадывается мгновенно.

На протяжении весьма длительного времени в международных отношениях сохранилась почти такая же номенклатура подарков, какой она была еще в Средние века. Сам факт готовности преподнести подарок обычно указывал на две вещи: стремление к долгосрочному развитию политических отношений и наличие глубокого взаимного понимания между политическими элитами государств. Вложенный в подарок символический код транслировал пожелания долголетия, благополучия и процветания. С помощью подарков важно было раскрыть уникальность свой страны, заинтересовать во взаимодействии с ней, постараться убедить в эффективности такого сотрудничества.

Символический язык подарков остается важным инструментов современной дипломатии, что наглядно демонстрирует история личных контактов российского президента Владимира Путина и председателя КНР Си Цзиньпина.

Для истории взаимоотношений современных России и Китая качество отношений их лидеров – принципиальный момент, от которого зависит не только политическое и экономическое взаимодействие, но близость между двумя странами и их народами. Российский президент Владимир Путин и председатель КНР Си Цзиньпин впервые встретились в 2010 году. Си Цзиньпин в статусе председателя КНР побывал в России около 10 раз. Владимир Путин в Китае – около 20. Ни один иностранный лидер не приезжал столько раз в КНР. Каждый из визитов не обходился без подарков.

Среди подарков, которые председатель КНР Си Цзиньпин дарил российскому президенту можно выделить следующие: народный музыкальный инструмент чжучжэнский гуцинь, традиционную глиняную фигурку с лицом российского президента тяньцзиньский ничжэньчжан, двух панд (самца Жуи и самку Диндин), копию статуэтки «Легендарный скакун на Великом шелковом пути», набор столового серебра из пекинской гостиницы «Дружба». В знак глубокого уважения российский президент был награжден высшей китайской госнаградой для иностранцев – орденом Дружбы КНР, причем первым из глав государств [2].

В свою очередь российский президент Владимир Путин дарил председателю КНР такие памятные подарки, как: ящик российского

мороженого, русскую баню из 200-летнего кедра с Алтая, орехи, мед и чай из Сибири, плакат 1956 года «Российско-китайское сотрудничество» авторства Исаака Гринштейна, картину из янтаря, на которой изображен парусник в бушующем море, настольный светильник из нефрита. За выдающийся вклад в дело укрепления дружбы и сотрудничества между народами двух стран лидер КНР был награжден высшим орденом России – Святого апостола Андрея Первозванного с девизом «За веру и верность».

Интересно, что после вручения картины с янтарным парусником, Си Цзиньпин сказал: «Надеюсь, обе наши страны будут продвигаться вперед, чтобы корабль наших двусторонних отношений шел в большое плавание на полных парусах» [4].

Также стоит отметить и недавний официальный визит российского президента в Китай 19-20 мая, во время которого Владимиру Путину был подарен чайный сервиз из лилинского фарфора. Город Лилин в китайской провинции Хунань – одна из фарфоровых столиц Поднебесной. Этот фарфор получил всемирную известность благодаря уникальной технике подглазурной многоцветной росписи, которая была изобретена в начале прошлого века. Данный подарок несет в себе несколько уровней символического и практического значения, что особенно важно в контексте дипломатического этикета: признак высокого уважения и почтения, символ престижа и статуса, демонстрация культурного наследия и знак дружбы и добрых намерений [5].

Заключение. В современную эпоху дипломатический подарок сохраняет свои свойства универсального средства коммуникации. На примере российско-китайского взаимодействия можно выделить несколько ключевых функций, которые исполняет дипломатический подарок: символическая, культурно-идентификационная и политико-стратегическая. Грамотно подобранный подарок становится эффективным каналом невербальной коммуникации, который укрепляет личные связи глав государств, легитимизирует их политический курс внутри государства, а также способствует формированию устойчивого позитивного образа государства за рубежом.

Список литературы

1. Рябова, Е. Л. Эволюция дипломатического подарка как индикатор изменений в международных отношениях / Е. Л. Рябова, Л. О. Терновая // Этносоциум и межнациональная культура, 2021. – № 6 (156). – С. 45 – 54. – EDN NSTNDH
2. Владимир Путин и Си Цзиньпин: что их связывает, помимо политики // Федералпресс, 2024. – URL: https://fedpress.ru/article/3222947 (дата обращения: 17.09.2026)
3. Асанбаева, А. Искусство дипломатии и политический символизм: из истории подарков первым лицам государства / А. Асанбаева // Казахстан-Спектр, 2024. – № 100 (2). – С. 51 – 63. – DOI 10.52536/2415-8216.2024-2.04.

4. Два повара: неизвестные детали отношений Путина и Си // Сетевое издание «Царьград», 2023. – URL: https://tsargrad.tv/articles/dva-povara-neizvestnye-detali-otnoshenij-putina-i-si_746498 (дата обращения: 17.09.2026)
5. Путину в Китае подарили чайный сервиз. Что еще есть в коллекции президента // Интернет-портал «Российская газета», 2026. – URL: https://rg.ru/2026/05/20/putinu-v-kitae-podarili-chajnyj-serviz-chto-eshche-est-v-kollekcii-prezidenta.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 17.09.2026)
6. Егоров, В. П. Дипломатический протокол и этикет: учебное пособие для вузов / В. П. Егоров, А. В. Слинькова. – 5-е издание., стер. – Санкт-Петербург: Лань, 2026. – 208 с.
7. Протокол и этикет в дипломатической деятельности зарубежных стран: монография / Под ред. А. В. Торкунова, А. Н. Панова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 280 с.

УДК 327

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кухтин М.М., канд. полит. наук, доц., ORCID 0009-0008-2929-642X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mikhail-kukhtin@yandex.ru

Введение. Любая научная дисциплина может вполне реализовать свой потенциал только в контексте философии науки. В системе гуманитарного знания данная связь выступает особенно ярко, поскольку социальные, политические и культурные процессы входят в предмет философии непосредственно, а не просто требуют для своего понимания ее гносеологического и методологического сопровождения. Соответственно, достижения мировой общественно-политической мысли, заложившие фундамент теории международных отношений, нередко отсылают к глобальным мировоззренческим вопросам, значение которых далеко выходит за пределы стратегии и дипломатии в их устоявшемся понимании. Античные философские и социальные теории сыграли ключевую роль в становлении современной цивилизации, прямо или косвенно повлияв на все аспекты ее существования, включая развитие специальных наук в новоевропейский период. Теория международных отношений также может быть рассмотрена в данной перспективе.

Основная часть. Античность освоила большинство значимых трактовок «вечных» философских проблем (дихотомия материализма и идеализма, познаваемость мира, природа человека, сущность культуры, типология общественных укладов). Гесиод и позже Вергилий осмыслили идею циклического повторения истории (сюда же относится и концепция

«платонова года»). Такие философы, как Фалес, Анаксимандр, Анаксимен и другие в том же духе, выступив творцами науки как таковой, одновременно стояли у истоков греческой демократии: общим знаменателем данных двух понятий являются неприятие иррациональных авторитетов и необходимость доказывать выдвинутые положения, убеждать оппонентов. Платон и Аристотель поставили вопросы о движущих силах истории и типологии политических режимов, Фукидид и Зенон из Кития сформулировали два альтернативных взгляда на сущность международных отношений, помещаемую в контекст человеческой природы. Позднеантичные христианские авторы, наподобие Аврелия Августина, создали линейную схему всемирной истории, закономерно идущей от дня творения до наступления Страшного суда. Уже предложенный краткий обзор позволяет выделить ряд узловых моментов.

Проблема времени всегда занимала философов, историзм, наряду с системностью и объективностью, является одним из общенаучных принципов, а для большинства гуманитарных дисциплин хронология является одной из структурных основ любой теории. Античная культура предложила интересные модели организации темпоральностей, сохраняющие актуальность и сегодня. Например, из созданных ею концепций легко синтезировать иерархию вложенных циклов, не исключающую поступательное развитие. Ее верхний уровень занимают космические явления, наподобие вечно пульсирующего мирового огня у Гераклита. Одной ступенью ниже разворачиваются наиболее масштабные общественные процессы, такие как смена веков у Гесиода. Замыкают данную схему закономерные чередования политических режимов, которые у Платона грозят обществу дурной бесконечностью исторических потрясений, но могут быть прекращены путем создания «идеального государства». Похожие модели встречаются и в современной науке. Российский исследователь М. А. Андрущенко отмечает: «Появляются работы междисциплинарного характера, которые существенно повлияли на развитие как политической науки в целом, так и хронополитических знаний в частности. «Пионерами» таких исследований были Ф. Бродель и И. Валлерстайн. Эти ученые поставили на повестку дня современной политической науки проблему темпоральности политической реальности в контексте мир-системной теории» [1, с. 149]. Гуманитарное знание уже давно поставило вопрос о внутреннем устройстве исторического времени. Оно не является однородной, сугубо количественной длительностью, как в классической механике: история может ускорять и замедлять свой темп, более того, любое событие представляет собой результат интерференции разноуровневых социальных процессов с разными характерными скоростями. Можно заключить, что многомерное восприятие общественного развития, характерное для лучших достижений современной науки, уже было до известной степени подготовлено античностью.

Другая важная проблема касается природы человека и, соответственно, общественных отношений, включая международные. Фукидид уже вполне понимает роль эгоистических импульсов в политических процессах. Его вывод о неизбывно конфликтном характере международных отношений основан не только на наблюдениях за их реальным развитием, но и на определенной философской антропологии. Другие греческие мыслители, напротив, доказывали преходящий характер государства, искусственность политических границ и братство всех людей, ссылаясь на врожденное стремление человека к добродетели. Здесь допустима прямая аналогия с первым «большим спором». В классических версиях идеализма и реализма международные отношения также моделируются на основе тех или иных представлений о неизменной в своих принципиальных чертах человеческой природе. Такая установка неоднократно критиковалась социальными мыслителями XIX-XX вв., включая Г. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса, выступавшими за конкретно-исторический подход к человеческому сознанию, отношениям между индивидом и обществом. В итоге данный концептуальный поворот повлиял и на международные исследования. Так, основатель неореализма К. Уолц отказался строить рациональную теорию международной политики на базе антропологических и психологических соображений, по сути, сведя ее исходную матрицу к чистому анализу социальных структур.

Впрочем, путь, пройденный теорией международных отношений за минувшее столетие, вовсе не свидетельствует о том, что их философское содержание постепенно редуцировалось, становясь в превращенном виде исключительным достоянием тех или иных специально-научных подходов. Напротив, недавние научные дискуссии позволяют предположить, что основной вопрос философии вновь оказался в центре исследований мировой политики. Идеализм и материализм, уже вполне артикулированные в античной культуре, продолжают конкурировать за влияние на методологию науки. Конструктивизм открыто заявил о своей идеалистической онтологии, тем самым противопоставив себя неореализму и неомарксизму. Сегодня в международных исследованиях господствует иная тенденция. «Как реакция на распространившиеся три десятилетия назад концепции социального конструирования, дискурса и деконструкции появляются новые, более материалистически ориентированные теории, опирающиеся на свежие философские и научные разработки или давно известные, но неоправданно забытые» [2, с. 50].

Заключение. Сделанный обзор позволяет констатировать выдающуюся роль философии в генезисе теории международных отношений. Данное влияние можно проследить не только на уровне логической формы и познавательного инструментария, но и в самом содержании соответствующих исследований. Таким образом, для понимания современной мировой политики полезно обращаться к истории

философской мысли, даже в ее наиболее труднодоступных и «непрактичных» аспектах.

Список литературы

1. Андрущенко, М. А. Бродель vs Валлерстайн: к вопросу о темпоральном измерении политики (обзор) / М. А. Андрущенко // Политическая наука. – 2012. – № 4. – С. 148–161. – EDN: PJSBWT.
2. Полулях, Д. С. Перспективы материализма в теории международных отношений / Д. С. Полулях // Вестник Московского университета. – Серия 12. Политические науки. – 2023. – Т. 1, № 3. – С. 49–76. – EDN: VUKOWO; DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-3-49-76.

УДК 327.57(47+57)-021.68:351.746:007

СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО РЕГИОНА

Медовкина Л.Ю., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0003-3262-2317
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
medovkina.l@mail.ru

Введение. Информационная безопасность постсоветских государств продолжает формироваться под влиянием политических, технологических и социальных трансформаций, которые определяют характер современного медиапространства региона. После распада СССР новые независимые государства столкнулись с отсутствием целостной нормативной базы, регулирующей информационную сферу, а также с необходимостью адаптации к принципиально новым условиям глобальной конкуренции.

Цель исследования – проанализировать стратегии обеспечения информационной безопасности постсоветского пространства.

Основная часть. В условиях стремительного распространения цифровых технологий и роста политической турбулентности информационное пространство стало одной из ключевых арен межгосударственного соперничества, где акторы стремятся не только контролировать собственные медиасистемы, но и оказывать влияние на соседние регионы. Так одним из важных направлений стала институционализация национальных систем информационной безопасности. В России формирование концептуальной базы было связано с принятием Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утверждённой в 2000 году и обновлённой в 2016 году [1]. Этот документ определил широкий спектр угроз, включая воздействие на массовое сознание, распространение дезинформации, попытки вмешательства в деятельность органов государственной власти и подрыв

исторической памяти. Для государств постсоветского пространства подобная стратегическая рамка стала ориентиром при разработке собственных концепций цифровой безопасности.

В других странах региона развитие информационной политики шло собственным путём. Беларусь и Казахстан сделали ставку на жёсткое централизованное регулирование медиасреды, что выразилось в доминировании государственных СМИ, контроле за цифровыми платформами и ограничении деятельности оппозиционных медийных проектов. Беларусь сформировала наиболее централизованный и административно управляемый режим регулирования: независимые редакции столкнулись с ужесточением правил аккредитации, расширением полномочий органов безопасности и увеличением числа оснований для признания материалов «экстремистскими». Эта модель характеризуется высокой степенью концентрации регуляторных полномочий в руках государства, что делает Беларусь примером наиболее жёсткой нормативной системы в регионе [2]. Центральноазиатские государства продемонстрировали развитие гибридных моделей, в которых формально либеральные нормы сочетаются с усилением государственного контроля. Казахстан, опираясь на Закон «О СМИ» 1999 года, постепенно модернизирует законодательство, уделяя повышенное внимание вопросам регулирования социальных сетей, цифровой идентификации пользователей и защите национальной инфраструктуры [3;4]. В Грузии и Молдове, напротив, сохранились элементы плюралистической медиа модели, где ключевую роль играют частные медиагруппы и международные доноры. Украина после 2014 года трансформировала медиасферу, ограничив вещание ряда российских каналов, усилив контроль над цифровыми платформами и запустив программы развития собственных информационных ресурсов [5]. Эти шаги были обусловлены необходимостью нейтрализации внешнего влияния и укрепления национального медиа суверенитета.

Наряду с внутренними политическими и институциональными особенностями важную роль в развитии стратегий информационной безопасности играют внешние акторы. Международные организации – ОБСЕ, Совет Европы, Европейский союз – регулярно фиксируют рост числа информационных угроз в регионе, подчёркивая интенсивность конкуренции между национальными и транснациональными медиаструктурами.

Эволюция информационного пространства постсоветского региона тесно связана с повышением роли социальных сетей и цифровых платформ как основных каналов коммуникации. Эта динамика свидетельствует о том, что цифровые коммуникации приобрели глобальный и практически всеобъемлющий характер, что создаёт для государств новые вызовы при обеспечении устойчивости информационного пространства.

Государства региона вынуждены реагировать на широкий спектр угроз – от распространения дезинформации и манипулятивных сетевых кампаний до скоординированных кибератак, направленных на нарушение работы критически важной инфраструктуры. За последние годы многие постсоветские страны прошли через масштабные цифровые кризисы, что потребовало новых подходов к мониторингу и нейтрализации угроз.

В целях повышения устойчивости медиапространства страны формируют специализированные структуры, занимающиеся мониторингом информационных угроз и стратегическими коммуникациями. В странах Балтии действуют центры стратегических коммуникаций, ориентированные на анализ дезинформационных кампаний [6]. В России функции мониторинга распределены между государственными структурами и экспертными центрами. В Казахстане и Кыргызстане формируются смешанные модели, где контроль государства сочетается с элементами международного сотрудничества.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что стратегии обеспечения информационной безопасности в постсоветском регионе формируются не в изолированных политических условиях, а в контексте системных процессов, которые радикально изменили характер международной и внутригосударственной коммуникации. Информационное пространство постсоветских государств после 1991 года оказалось одновременно уязвимым и стратегически значимым: уязвимым – из-за незавершённости институционального строительства, политической конкуренции и влияния внешних акторов, и значимым – поскольку именно через медийную среду происходило конструирование идентичности новых государств, формирование политической легитимности и закрепление внешнеполитических ориентиров.

Современные же стратегии информационной безопасности формируются как многоуровневые и комплексные системы, включающие правовое регулирование, киберзащиту, мониторинг медиапространства, развитие национальных медиаплатформ и взаимодействие с глобальными партнёрами. Региональная специфика заключается в том, что информационные угрозы здесь тесно переплетены с проблемами государственности, политическими кризисами и конкуренцией за влияние. Вместе с тем стратегии государств региона свидетельствуют о постепенном переходе от реактивных мер к системному управлению информационной сферой.

Список литературы

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Российская газета. – URL: https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezopasnosti-dok.html (дата обращения: 11.09.2026).

2. Закон Республики Беларусь от 17.07.2008 № 427-З «О средствах массовой информации» // Pravo.by. – URL: https://pravo.by (дата обращения: 11.09.2026).
3. Закон Республики Казахстан «О средствах массовой информации» от 23.07.1999 № 451-I // Адилет. – URL: https://adilet.zan.kz (дата обращения: 11.09.2026).
4. Программа «Киберщит Казахстана». Министерство цифрового развития Республики Казахстан. // Адилет. 2017. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407 (дата обращения: 11.09.2026).
5. Annual Report 2020. // National Television and Radio Council of Ukraine. Kyiv, 2021. URL: https://web.archive.org/web/20220309090341/https://www.nrada.gov.ua/en/about/ (Дата обращения: 11.09.2026).
6. Annual Report 2020. Organization for Security and Co-operation in Europe. Safety of Journalists and Media Freedom in Eastern Europe. OSCE, Vienna, 2021. // OSCE. URL: https://www.osce.org (дата обращения: 11.09.2026).

УДК 327.2+911.3

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ И ОСТРОВНОЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОПЫТ: ПРОБЛЕМА «ПОГРАНИЧНОГО ИНСТИНКТА» В ГЕОПОЛИТИКЕ КАРЛА ХАУСХОФЕРА

Москвитина Я.В., ORCID 0009-0009-3050-9055,
Дибас О.А., канд. истор. наук, доц., ORCID 0009-0007-0221-8811
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
oksana-dibasa@rambler.ru, mosquitinajane@yandex.ru

Введение. В классической геополитике Карла Хаусхофера граница выступает не только юридической линией, разделяющей территории государств, но и особой формой политического пространства. Она воспринимается как зона напряжения, контакта и потенциального конфликта, требующая постоянного внимания со стороны государства и общества. Для обозначения способности политического сообщества воспринимать и защищать собственные пространственные рубежи Хаусхофер использует понятие «пограничного инстинкта» (Grenzinstinkt).

Актуальность работы обусловлена необходимостью восполнения пробелов в изучении теории границ К. Хаусхофера. Анализ категории «пограничного инстинкта» позволяет глубже понять, как природные условия через исторический опыт формируют у народа особое отношение к своим границам и задают вектор внешнеполитическую стратегию государства.

Целью исследования является реконструкция и теоретический анализ малоизученной категории «пограничный инстинкт» (Grenzinstinkt) в геополитической системе Карла Хаусхофера.

Основная часть. Историография проблемы границ в геополитике Карла Хаусхофера представлена рядом исследований, в которых его учение о границах рассматривается либо как ядро его геополитической системы, либо как важный элемент немецкой геополитической традиции. Среди работ, специально анализирующих теорию границ в труде Хаусхофера, следует выделить исследования H. H. Herwig, канадского профессора истории в Университете Калгари, («Geopolitik: Haushofer, Hitler and Lebensraum», 1999; The Demon of Geopolitics, 2016) [5], [6], который показывает, что главный теоретический вклад Хаусхофера заключается в переосмыслении границы как «живого», динамичного феномена, а не юридической линии, что напрямую связано с его концептом «пограничного сознания». P. Eberhardt, польский географ, профессор Польской академии наук, в монографии Koncepcje geopolityczne Karla Haushofera (IGiPZ PAN) [4] систематизирует геополитические концепции Хаусхофера, включая его учение о границах и работу 1927 г. K. J. Rankin и R. N. Schofield, исследователи границ из Дублина и Лондона, в статье «The Troubled Historiography of Classical Boundary Terminology» [7] помещают Хаусхофера в историю понятий «граница/фронтир», отмечая его роль в переходе от юридической линии к переживаемому, «телесному» рубежу.

Ведущие российские специалисты по политической географии и геополитике В. А. Колосов и Н. С. Мироненко в учебнике «Геополитика и политическая география» [1] дают систематический анализ концепции Хаусхофера о границах. Они отмечают, что для Хаусхофера граница – это не статичный юридический факт, а динамическая зона напряжения, которая требует постоянного «пограничного сознания» со стороны государства и общества. Именно это сознание, по их интерпретации, Хаусхофер называет «пограничным инстинктом». Отдельно стоит отметить работу D. Bruns, профессора исторической антропологии и гендерных исследований в Институте культурологии Гумбольдтского университета в Берлине, «Die Grenze des Volkskörpers» (2015) [3], где анализируется, как Хаусхофер превращает границу в «трехмерное, динамичное» пространство внешнего органа «народного тела» и формулирует проект воспитания «антропогеографического пограничного чувства».

При этом во всех перечисленных работах внимание сосредоточено преимущественно на категориях «пограничное сознание», «чувство границы», «периферический орган», «типология границ». Термин «пограничный инстинкт» в позднейшей литературе либо упоминается эпизодически, либо остается на периферии анализа.

В работе «Границы в их географическом и политическом значении» Хаусхофер выстраивает последовательность, в которой пространственное восприятие переходит в политическое действие. Исходным элементом

является «картина границы», на следующем этапе возникает «пограничный инстинкт», то есть «единое стремление к жизненной форме, к реализации своей культурной силы и хозяйственных возможностей, своей личности в растущем жизненном пространстве» [2, с. 36]. Наконец, этот инстинкт превращается в устойчивое «пограничное сознание», связанное с пониманием границ собственного жизненного пространства.

Хаусхофер определяет границу как своеобразный «периферический орган» государства, сравнимый с кожей живого организма. Такая метафора подчеркивает одновременно защитную и чувствительную функцию границы. В этом смысле отсутствие пограничного инстинкта означает не просто слабость обороны, а недостаточную способность политического сообщества воспринимать собственное пространственное положение.

Хаусхофер выстраивает фундаментальное противопоставление германского и японского пространственного опыта, двух геополитических архетипов: теллурократии (власти суши) и талассократии (власти моря).

Как отмечает в своей работе немецкий геополитик, сухопутные границы Германии протяженны, проницаемы и исторически изменчивы, легко поддаются военному прорыву, требуют постоянной защиты на множестве направлений и создают ситуацию хронической уязвимости. Однако, по Хаусхоферу, именно эта ситуация не способствовала формированию устойчивого пограничного инстинкта.

Япония, будучи государством–архипелагом, имеет границы преимущественно морского характера, и именно этот географический фактор стал ключевым условием формирования у японцев мощного пограничного инстинкта. Море для японской нации служило одновременно абсолютным защитным барьером, оберегающим культурную и политическую целостность от континентального влияния, и естественным мостом, обеспечивающим контролируемые связи с внешним миром.

Заключение. Таким образом, проблема пограничного инстинкта в геополитике Карла Хаусхофера неразрывно связана с формированием пограничного сознания, политическим освоением жизненного пространства и превращением географического опыта, связанного с границами, в коллективную волю к их осмыслению, охране и защите.

Список литературы

1. Колосов В. А. Геополитика и политическая география : учеб. для студентов вузов, обучающихся по геогр. специальностям / В. А. Колосов, Н. С. Мироненко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2005. – 479 с. – ISBN 5-7567-0143-5.
2. Хаусхофер К. О геополитике : работы разных лет / К. Хаусхофер ; пер. с нем. И. Г. Усачева. – Москва : АСТ, 2024. – 416 с. – (Мировой порядок). – ISBN 978-5-17-165659-1.

3. Bruns C. Die Grenzen des »Volkskörpers«: Interrelationen zwischen »Rasse«, Raum und Geschlecht in NS-Geopolitik und Kunst / C. Bruns // Feministische Studien. – 2015. – Bd. 33, H. 2. – S. 177–196.
4. Eberhardt P. Koncepcje geopolityczne Karla Haushofera / P. Eberhardt // Przegląd Geograficzny. – 2009. – T. 81, nr 4. – S. 527–549.
5. Herwig H. H. Geopolitik: Haushofer, Hitler and Lebensraum / H. H. Herwig // Journal of Strategic Studies. – 1999. – Vol. 22, Issue 2-3. – P. 218–241.
6. Herwig H. H. The Demon of Geopolitics: How Karl Haushofer «Educated» Hitler and Hess / H. H. Herwig. – Lanham, MD : Rowman & Littlefield, 2016. – XVII, 273 p.
7. Rankin K. J., Schofield, R. N. The Troubled Historiography of Classical Boundary Terminology / K. J. Rankin, R. N. Schofield // IBIS Working Papers. – 2004. – No. 41. – Dublin : Institute for British-Irish Studies, University College Dublin.

УДК 327.82

ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЬЕТНАМСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ: НА ПРИМЕРЕ ГУМАНИТАРНЫХ МИССИЙ В ДОНБАСС

Нгуен Н.В.А., ORCID 0009-0008-8294-4991,
Фам Т.Т.Ч., ORCID 0009-0006-1761-9098
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы»,
г. Москва, РФ
ngnvietanh3012@gmail.com, 1032249263@rudn.ru

Введение. В современных международных отношениях взаимодействие между государствами осуществляется не только посредством официальных дипломатических каналов, но и через общественные организации, объединения соотечественников, индивидуальные инициативы граждан и другие формы. Российско-вьетнамские отношения обладают значительным историческим опытом общественного и гуманитарного сотрудничества. Важную роль в этих отношений между двумя народами играют Общество российско-вьетнамской дружбы и Общество вьетнамо-российской дружбы. В исследовании Т.И. Поньки, А.С. Юнюшкиной и И.Р. Дубровского [1] гуманитарное измерение двусторонних отношений рассматривается через культурные, образовательные и другие формы взаимодействия. Дополнительным участником двусторонних связей выступает вьетнамская диаспора в России. Её деятельность включает не только экономические контакты, но и взаимодействие с общественными организациями и поддержание связей между обществами двух стран. На этом фоне представляет интерес гуманитарная деятельность отдельных представителей вьетнамской общины в России, направленная на сбор и

доставку помощи в Донбасс и другие территории. Ее изучение и стало **целью** данного исследования.

Основная часть. В рамках исследования народная дипломатия понимается как совокупность общественных инициатив, посредством которых граждане, общественные организации и другие неправительственные участники поддерживают связи между обществами разных стран. При этом государственные органы могут создавать условия для общественного взаимодействия, но участие государственного учреждения в конкретном проекте не означает автоматически, что этот проект является народной дипломатией. В российско-вьетнамском контексте исторической основой общественных связей выступают деятельность обществ дружбы и многолетние гуманитарные контакты. Гуманитарная деятельность, в свою очередь, представляет собой более широкую категорию. Она может включать сбор предметов первой необходимости, передачу одежды и оборудования, поддержку социальных учреждений и другие формы.

Вьетнамская диаспора в Российской Федерации – неоднородное сообщество, включающее предпринимателей, работников различных отраслей, выпускников российских и советских учебных заведений, общественных деятелей и представителей организаций соотечественников. Поэтому её роль в двусторонних отношениях следует рассматривать не как деятельность единого центра, а как совокупность инициатив различных участников. Исследование Рязанцева и соавторов [2] создаёт научную основу для рассмотрения гуманитарных миссий как одного из возможных направлений общественной активности диаспоры. Особое значение имеет участие представителей вьетнамской общины, обладающих опытом общественной деятельности в России. Их связи с российскими организациями, волонтёрами и местными сообществами могут облегчать организацию сбора и доставки помощи.

Одним из примеров гуманитарной деятельности представителей вьетнамской диаспоры являются поездки Дык Хай Фама в Донбасс и территории, затронутые вооружённым конфликтом. В публикации газеты «Вечерняя Москва» [3] от 28 ноября 2024 сообщалось о подготовке очередной поездки Дык Хай Фама в Донецк и Луганск. К тому моменту состоялось 20 гуманитарных конвоев. В статье также описывались доставка предметов первой необходимости, медикаментов, оборудования и других товаров для военнослужащих и медицинских учреждений. Другая публикация [4] от 06 ноября 2025 содержит рассказ об очередной поездке делегации, которую охарактеризовали как 30-й гуманитарный конвой. Согласно публикации, в миссии участвовали работающие в Москве вьетнамцы, представители других сообществ и волонтёры. Сообщалось о доставке четырёх грузовиков с гуманитарными грузами, посещении детских учреждений и передаче вещей военнослужащим.

Важный аспект рассматриваемых миссий связан с исторической памятью о советско-вьетнамских отношениях. Дык Хай Фам объясняет свою деятельность воспоминаниями о помощи Советского Союза Вьетнаму в период войны с США. По его словам, этот исторический опыт стал одним из мотивов оказания помощи российским военнослужащим и территориям. Данное свидетельство представляет интерес для изучения того, как индивидуальная биография и коллективная историческая память используются для объяснения общественной деятельности. Особенность этих инициатив заключается в том, что они объединяют гуманитарную помощь и общественное взаимодействие. Вместе с тем гуманитарная помощь и народная дипломатия не являются тождественными понятиями. Передача необходимых вещей сама по себе ещё не означает развития дипломатических связей. Однако если подобная деятельность способствует установлению контактов между общественными организациями, волонтёрами и представителями разных сообществ, её можно рассматривать как возможную форму народной дипломатии.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении гуманитарных миссий вьетнамской диаспоры в России не только как благотворительной деятельности, но и как инструмента развития общественных связей между Россией и Вьетнамом. В отличие от общего анализа роли диаспоры в двусторонних отношениях, внимание сосредоточено на конкретном механизме общественного взаимодействия – организации гуманитарных поездок. При этом вопрос о том, насколько данный формат является новым, требует дальнейшего изучения. Таким образом, гуманитарные миссии могут рассматриваться как перспективное направление исследования народной дипломатии. Их значение определяется не только оказанием материальной помощи, но и возможностью развития устойчивых общественных контактов. При этом такие инициативы не следует автоматически отождествлять с официальной внешней политикой Вьетнама.

Заключение. Проведённое исследование позволяет рассматривать гуманитарные миссии вьетнамской диаспоры в России как одно из направлений общественной активности, способствующих развитию контактов между двумя народами. При этом гуманитарную деятельность диаспоры не следует автоматически отождествлять с официальной политикой Вьетнама или народной дипломатией. Её дипломатическое значение зависит от того, способствует ли она развитию устойчивых общественных связей и взаимопонимания. Поэтому гуманитарные миссии целесообразно рассматривать как возможный формат народной дипломатии, требующий дальнейшего изучения. Перспективы дальнейшего исследования связаны с уточнением состава участников, роли общественных организаций, характера взаимодействия подобных инициатив. Такой подход позволит точнее определить место гуманитарной

деятельности вьетнамской диаспоры в системе российско-вьетнамских общественных связей и оценить её потенциал как одного из инструментов народной дипломатии.

Список литературы

1. Понька Т.И., Юнюшкина А.С., Дубровский И.Р. Гуманитарный аспект стратегического партнерства Вьетнама и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2021. – Т. 13. – №1. – С. 56–76. DOI 10.22363/2312-8127-2021-13-1-56-76
2. Рязанцев С.В., Ле Дык А., Фунг Хай Х., Моисеева Е.М. Вьетнамская диаспора в России и ее вклад в развитие двусторонних отношений // Вьетнамские исследования. – 2022. – Т. 6. – №3. – С. 34–45. DOI 10.54631/VS.2022.63-106318
3. Объедков А. Вьетнамцы отправляются в юбилейный конвой // Вечерняя Москва. 28 ноября 2024. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vm.ru/society/1186685-vetnamcy-otpravlyayutsya-v-yubilejnyj-konvoj (дата обращения: 29.09.2026)
4. Объедков А. Вьетнамцы отвезли вещи для военнослужащих // Вечерняя Москва. 06 ноября 2025. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vm.ru/society/1276016-vetnamcy-otvezli-veshi-dlya-voennosluzhashih (дата обращения: 29.09.2026)

УДК 94 (575.3)

К ВОПРОСУ О РОЛИ РОССИЙСКИХ СИЛ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Ордынский А.А., ORCID 0009-0003-9933-7892,
Ипатов А.М., канд. ист. наук, ORCID 0000-0002-5320-140X
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
ordynscky.alexandr@mail.ru, molot.tora@mail.ru

Введение. Обретение статуса независимости бывшими советскими республиками лишь на словах являлось торжеством свободы и спокойствия. Перед новоявленными суверенными государствами остро встали вопросы экономической и политической независимости, а возможные проблемы, тянущиеся с советской эпохи, еще больше усугубляли внутреннюю нестабильность. Более 60 лет власть в Таджикистане занимал ленинабадский клан, действовавший исходя из интересов развития центра и полного нежелания правящего режима допускать к власти «чужаков» [4, с. 98]. Когда подспорье в виде власти центра – Москвы – исчезло, начался процесс национального подъема, который, вопреки ожиданиям привел к разрушительным последствиям.

Помимо клановых конфликтов существенно на положение дел влияли: демографический взрыв, спровоцировавший колоссальную нагрузку на экономику страны; запредельное использование пахотных и пастбищных земель, а также водных ресурсов, что приводило к истощению почвы и недостатку воды; индустриализация, сопровождаемая обильным переселением русскоязычного населения, что обеспечивало работу производств, но вызывало недовольство у настроенного традиционалистски населения [6, с. 27]. Группировка бывших советских войск в лице 201-й мотострелковой дивизии, пянджского, московского, хорогского, ишкашимского и мургабского пограничных отрядов, оставаясь в неопределенном правовом положении, продолжала нести службу и состояла в основном из русских, а также украинцев и белорусов.

Цель исследования – анализ перипетий Гражданской войны в Таджикистане и роли представленных выше формирований в ее событиях.

Основная часть. Статус пребывания советских пограничников не был определен вплоть до 24 августа 1992 г, когда появился указ Б.Н. Ельцина об их переходе под юрисдикцию РФ. Правовая неопределенность вызвала серьезные проблемы со снабжением, непонимание дальнейшей деятельности войск и массовый отток кадров по «национальным квартирам» в республиках. Все это перемежалось порой пафосными заявлениями, как например, у начальника московского отряда подполковника В.В. Голинко, заявившего: «Я последний покину территорию отряда, обернувшись знаменем части!» [2, с. 60]. И уехавшего той же ночью. Относительно неопределенности офицер Московского отряда С. Степичев заявлял: «Что делать – никто не знал. Имеем мы право охранять границу или нет – также было непонятно» [2, с. 55].

Но войска продолжали выполнять поставленные им ранее задачи в соответствии с присягой. Весной-летом 1992 г. в Таджикистане первоначальный незначительный конфликт перерастает в гражданскую войну. Вооруженная исламистская оппозиция видела в пограничниках либо потенциальную угрозу, либо способ наживы вооружением и техникой. Каждая из сторон конфликта стремилась перетянуть войска на свою сторону материальным вознаграждением, что наталкивало на мысль о спонсировании оппозиции внешними силами (это, как и сам факт начала конфликта, подтверждает совместная программа США, Великобритании и ряда исламских государств «Ислам против коммунизма», разработанная еще в 1974–1975 гг.) В июле того же года, в ходе столкновения с боевиками, погибает первый военнослужащий Руслан Чудный, что заметно накаляет обстановку и ставит нейтралитет пограничников в очень шаткое положение.

23 сентября 1992 г. была сформирована цельная группа пограничных войск РФ в Таджикистане, что организовало пограничные войска и утвердило их правовой статус, в т.ч. право официальной охраны границы и

противостояния моджахедам и контрабандистам [7, с. 478]. Однако пограничники планировались в качестве «щита», в то время как «мечом» выступала 15 бригада ГРУ в Узбекистане под командованием В. Квачкова, располагавшая квалифицированными кадрами, собственной авиацией и тяжелым вооружением. За счет разведуправления и содействия Узбекистана в Таджикистане был сформирован «Народный фронт» во главе с С. Сафаровым. Он оказывал поддержку таджикскому правительству, а ГРУ обучало ополченцев и поддерживало их своими диверсионными отрядами. Благодаря этому, исламисты были выбиты из равнинных районов Таджикистана и Душанбе, оказавшись зажаты на приграничье силами российских войск, что положило начало заключительному этапу войны.

25 мая 1993 г. были подписаны «Договор о дружбе и взаимопомощи» [1], а также «Соглашения о правовом статусе погранвойск РФ на территории РТ» [5], что привело к полноценному включению РФ и стран СНГ в войну. Впрочем, моджахеды с таджикскими исламистами и арабскими наемниками предприняли попытки массированных прорывов к утраченным территориям. Ключевые бои начались с 13 июля 1993 г. с атаки на заставу «Саригоры» Московского погранотряда. 48 пограничников дали отпор свыше 250 боевикам, в ходе чего погибло 22 пограничника и 3 военных 201-й дивизии. Этот бой стал тревожным звонком, означающим начало серьезного противостояния. В августе 1994 г. произошел бой за высоту Тург. Солдаты под командованием лейтенантов Токарева и Хмелева в полном окружении вызвали огонь артиллерии на себя. Токарев погиб, Хмелев выжил и стал Героем России. Осенью 1994 г. был произведен ответный удар, уничтожено до 150 боевиков и захвачены склады с оружием. В апреле 1995 г. произошла трагедия в Пшихарвском ущелье. Колонна Казахстанского батальона попадает в засаду, из-за чего погибают 17 казахских и 5 российских военнослужащих. Загнанные в угол боевики для устрашения казнят пленных через обезглавливание. А уже в 1996 г. предпринимается решительная операция по ликвидации «Шуроабадского фронта». Впервые в боевых условиях применили системы GPS для бомбометания вслепую из-за облаков. Командир экипажа Ми-8 С. Липовой получает звание Героя РФ, еще двое членов – посмертно.

Заключение. Продолжая нести службу после распада СССР, пограничники после официальной передачи под юрисдикцию РФ совместно с ГРУ уничтожили Объединенную Таджикскую Оппозицию, воспрепятствовав созданию опасного для границ Содружества исламского государства. Правовые неопределенности и непрямые тактики ведения войны определили скрытный характер боевых действий. Общий ущерб для Таджикистана от гражданской войны составляет примерно 7 млрд долларов [3, с. 82]. Людские потери колеблются от 100 до 150 тыс. человек, а уровень безработицы, по данным Всемирного банка в 2000 г. составил

30%. Официально, конфликт была окончен в 1997 г., однако миротворческая деятельность СНГ продолжалась до 2005 г.

Список литературы

1. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан (Москва, 25 мая 1993 г.) // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 3. – С. 9–18.
2. Мусалов А.Н. Война на забытой границе / А.Н. Мусалов. – Москва : Яуза, 2022. – 704 с.
3. Назаршоева, С. Ф. Гражданская война в республике Таджикистан и ее влияние на миграционные процессы / С.Ф. Назаршоева // Известия АЛТгу. Исторические науки и археология. – 2019. – № 6. – С. 81–86. – EDN PNKAOD.
4. Саибназаров, Х. Б. Таджикистан: гражданская война или гражданский мир? / Х. Б. Саибназаров // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 9. – С. 97–103. – DOI: 10.20542/0131-2227-2000-9-97-103.
5. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о правовом статусе воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Таджикистан (Москва, 25 мая 1993 г.). – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=16&nd=203003832&collection=1 (дата обращения: 03.10.2026)
6. Солоник, Н. В. Страницы эпохи распада СССР: гражданская война в Таджикистане / Н. В. Солоник // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2011. – № 11. – С. 25–41. – EDN: OFYFXN.
7. Шорохов, В. А. Российские войска в Горно-Бадахшанской автономной области в 1992–1997 годах / В. А. Шорохов, А. А. Андреев // Научный диалог. – 2019. – № 11. – С. 471–491. – DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-471-491.

УДК 327.51(438-622)

ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В РАМКАХ ЧЛЕНСТВА НАТО: МЕЖДУ АТЛАНТИЗМОМ, РЕГИОНАЛЬНЫМ ЛИДЕРСТВОМ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНОЙ

Павина Е.А., ORCID 0009-0000-4518-5932,
Медовкина Л.Ю., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0003-3262-2317
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
elizavetapavina04@mail.ru, medovkina.l@mail.ru

Введение. Членство Республики Польша в Организации Североатлантического договора (НАТО) с 1999 г. является краеугольным камнем её политики безопасности. За более чем четверть века Варшава трансформировалась из бенефициара коллективной обороны в одного из ключевых акторов восточного фланга Альянса. Современная политика

Польши в НАТО формируется на пересечении трёх взаимосвязанных векторов: атлантизма (стратегического партнёрства с США), регионального лидерства в Центральной и Восточной Европе и приоритета национальной обороны.

Цель исследования – анализ политики Польши в рамках членства в НАТО как баланса трёх ключевых векторов – атлантизма, регионального лидерства и приоритета национальной обороны – в условиях обострения военно-политической обстановки после 2022 года.

Основная часть. Проблематика политики Польши в НАТО анализировалась А.В. Барынкиным, Н.М. Межевичем, М. Заборовским, К. Лонгхерст, А. Мруз-Ягелло, Л.Н. Шишелиной и другими. А.В. Барынкин рассматривал военную составляющую и союзническую лояльность, Н.М. Межевич – геополитические вызовы и расширение на восток, А. Мруз-Ягелло – исторические нарративы и лидерские амбиции, Л.Н. Шишелина – региональную интеграцию и влияние НАТО на внешнюю политику. М. Заборовский и К. Лонгхерст дополняют картину анализом трансформации оборонной политики Польши. Для Польши же трансатлантические связи сохраняют приоритетное значение. Вашингтон рассматривается как главный гарант безопасности. Польша активно поддерживает постоянное военное присутствие США, развивает инфраструктуру Enhanced Forward Presence и стремится к углублению сотрудничества в рамках Enhanced Defense Cooperation Agreement. Значительная часть закупок вооружений (Abrams, F-35, HIMARS, Patriot) осуществляется у американских производителей. Российские аналитики отмечают, что польский атлантизм, формировавший международную идентичность Варшавы на протяжении десятилетий, проходит в настоящее время «испытание на прочность» в условиях геополитической неопределённости, при этом Варшава продолжает рассматривать США как незаменимого партнёра [1; 2; 3].

Параллельно с атлантическим курсом и в тесной связи с ним Польша активно развивает региональные форматы сотрудничества. Ключевыми инструментами выступают Бухарестская девятка (B9), инициатива «Трёх морей» (Three Seas Initiative) и Люблинский треугольник. Эти платформы позволяют координировать позиции государств восточного фланга внутри НАТО, продвигать совместные инфраструктурные, энергетические и оборонные проекты, а также усиливать голос региона в трансатлантическом диалоге. В рамках B9 Польша играет ведущую роль в выработке консолидированных оценок угроз и рекомендаций для Совета НАТО и саммитов Альянса. Инициатива «Трёх морей» рассматривается как инструмент укрепления северо-южной связанности Центральной Европы. Особое значение после 2022 г. приобрела поддержка Украины: Польша стала одним из крупнейших логистических хабов военной помощи, одновременно продвигая политику «открытых дверей» Альянса.

«Бухарестская девятка» же характеризуется как важный элемент консолидации восточного крыла НАТО и инструмент лоббирования интересов региона [4; 5].

На фоне этих процессов после событий 2022 г. в Украине Польша кардинально пересмотрела параметры национальной обороны, рассматривая её как необходимое условие как собственного выживания, так и укрепления своей роли в Альянсе. Оборонные расходы выросли до рекордных для НАТО уровней: в 2025 г. они составили около 4,3–4,5 % ВВП, а в последующие годы планируются на уровне, близком к 5 %. Численность Вооружённых сил превысила 220 тыс. военнослужащих с перспективой дальнейшего расширения до 300 тыс. активных и 200 тыс. резервистов. Реализуется масштабная программа модернизации, включающая закупку танков K2, самоходных гаубиц K9, систем HIMARS, Patriot и «Нарев», а также развитие беспилотных комплексов. Центральное место занимает проект «Восточный щит» (Tarcza Wschód / East Shield) стоимостью около 10 млрд евро — система инженерных сооружений, противотанковых заграждений, средств обнаружения, связи и гражданской защиты вдоль границы с Белоруссией и Калининградской областью протяжённостью более 700 км. Российские источники фиксируют ускоренное строительство бетонных рубежей, минных полей и противодроновых систем на восточном фланге, оценивая эти меры как подготовку к возможному конфликту высокой интенсивности [6; 7].

В целом политика Польши в НАТО представляет собой динамический баланс. Атлантизм обеспечивает стратегические гарантии и доступ к передовым технологиям, региональное лидерство усиливает влияние Варшавы и консолидирует восточный фланг, а национальная оборона создаёт материально-техническую базу для выполнения союзнических обязательств и собственного выживания. Эти направления не противоречат, а взаимно дополняют друг друга: сильная национальная армия повышает ценность Польши как союзника, региональные инициативы укрепляют коллективную оборону, а трансатлантические связи остаются страховкой от изоляции. В то же время сохраняются определённые напряжения — между стремлением к европейской стратегической автономии и приоритетом США, между региональными амбициями и необходимостью учитывать интересы более крупных союзников.

Заключение. Политика Польши в рамках членства в НАТО характеризуется устойчивым сочетанием атлантизма, регионального лидерства и приоритета национальной обороны. Данный синтез позволяет Варшаве одновременно укреплять собственную безопасность, повышать роль в Альянсе и способствовать консолидации восточного фланга. Дальнейшая эволюция политики будет зависеть от динамики трансатлантических отношений, развития европейских оборонных

инициатив и способности Польши поддерживать высокие темпы модернизации Вооружённых сил.

Список литературы

1. Испытание на прочность: польский атлантизм перед лицом геополитической неопределенности // Современная Европа. – 2025. – № 4. – URL: http://www.sov-europe.ru/2025-4/ispytanie-na-prochnost-polskij-atlantizm-pered-litsom-geopoliticheskoj-neopredelennosti.html (дата обращения: 23.09.2026).
2. Poland's New National Security Strategy: The Potential for Regional Leadership… // Royal United Services Institute. – 2026. – URL: https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/polands-new-national-security-strategy-potential-regional-leadership-cooperation-and-cohesion-natos (дата обращения: 23.09.2026).
3. Poland Is Hedging Its Bets on the US // American Enterprise Institute. – 2026. – URL: https://www.aei.org/commentary/poland-is-hedging-its-bets-on-the-us/ (дата обращения: 23.09.2026).
4. «Бухарестская девятка» — зона «сдерживания» России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2025. – № 1 (43). – С. 69–80.
5. Polska fundamentem NATO w regionie // Kancelaria Prezesa Rady Ministrów. – 2024. – URL: https://www.gov.pl/web/premier/polska-fundamentem-nato-w-regionie (дата обращения: 23.09.2026).
6. НАТО готовится: восточный фланг альянса строит бетонные рубежи // Московский комсомолец. – 2026. – 5 июля. – URL: https://www.mk.ru/politics/2026/07/05/nato-gotovitsya-vostochnyy-flang-alyansa-stroit-betonnye-rubezhi.html (дата обращения: 23.09.2026).
7. Poland records highest Nato defence spending share in 2025 // bne IntelliNews. – 2026. – URL: https://www.intellinews.com/poland-records-highest-nato-defence-spending-share-in-2025-434138/ (дата обращения: 23.09.2026).

УДК 94:327.82(410:73)"1937/1939"

АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ В 1937–1939 гг.: ОФИЦИАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ КАНАЛЫ

Посредникова Т.Г., ORCID: 0009-0000-8391-2635
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
posrednikova72@mail.ru

Введение. В историографии доминирует тезис о том, что начало англо-американских «особых отношений» неразрывно связано с деятельностью У.Черчилля и Ф. Рузвельта в период после мая 1940 года. Данная позиция оставляет за скобками критически важный этап генезиса альянса. Период 1937–1939 гг. рассматривается лишь как прелюдия к коалиции, хотя именно тогда в условиях британского «умиротворения» и американского изоляционизма начала формироваться многоуровневая система взаимодействия.

Историография англо-американского сближения 1937–1939 гг. эволюционировала от анализа действий официальной дипломатии к изучению неформальных связей. Концептуальной рамкой данного вопроса остается работа Д. Рейнольдса [5], который определил взаимодействие Лондона и Вашингтона как «конкурентное сотрудничество». Новое исследование Т. Маккаллоха [4] описывает становление англо-американских отношений до письменного обращения У. Черчилля к Ф. Рузвельту.

Цель: выявить, как в условиях британского «умиротворения» и американского изоляционизма, конкурирующих позиций по вопросам безопасности формировалась система взаимодействия Лондона и Вашингтона, трансформировавшаяся далее в «особые отношения».

Основная часть. В 1937 г. администрация президента Ф. Рузвельта искала формы воздействия на международную обстановку, совместимые с жесткими ограничениями, диктуемыми Актами о нейтралитете. По данным Т. Маккаллоха, весной–летом 1937 г. обсуждалась возможность визита Н. Чемберлена в Вашингтон. Здесь показательна сама постановка вопроса: Вашингтон и Лондон искали формы взаимодействия, позволявшие расширять консультации, не создавая впечатления формирования альянса [4].

Осенью 1937 г. «карантинная» речь Рузвельта продемонстрировала готовность к более активной роли, но одновременно выявила пределы этой политики: изоляционистские настроения исключали возможность для США брать на себя обязательства защищать европейские демократии. Показательно, что когда в феврале 1938 г. сенатор У. Бора публично обвинил администрацию в формировании фактического «тайного союза» с Великобританией, сам факт обвинения свидетельствовал о высокой политической чувствительности вопроса о развитии любых англо-американских контактов [4].

В январе 1938 г. через заместителя госсекретаря С. Уэллеса было передано конфиденциальное предложение о параллельных действиях по сохранению мира. Президент понимал, что общественное мнение США не позволит ему действовать открыто, как действует британское правительство. В этом проявилась главная особенность периода: стремление к сотрудничеству парадоксально сочеталось со стремлением скрыть или минимизировать его политическую демонстрацию во избежание электоральных потерь [4].

Британская сторона также не имела единой линии поведения. Н. Чемберлен стремился предотвратить войну, сохранить возможность соглашения с Германией и при этом не допустить чрезмерного американского вмешательства, которое могло бы лишить Лондон свободы маневра: американская мощь виделась полезным фактором сдерживания Берлина, однако активность Рузвельта могла ограничить свободу

британских переговоров. В 1938 году Чемберлен даже отверг конфиденциальный обмен мнениями по ключевым вопросам, что превратило американское направление во внутренний дискурс Великобритании [5].

Необходимо отметить, что в исследуемый период британский правящий класс включал несколько групп: прагматиков, считавших соглашение с Германией способом предотвращения войны; сторонников более тесного англо-германского взаимодействия; консервативные антикоммунистические круги; и собственно германофильские или пронацистские элементы. Англо-германское общество, существовавшее в 1935–1939 гг., выступало за улучшение взаимопонимания между двумя странами, однако в апреле 1939 г. в Палате общин обсуждался вопрос: не может ли эта деятельность быть использована как канал нацистской пропаганды [3]. Это доказывает неправомерность отождествления политики умиротворения с пронацистскими симпатиями; мотивы элит включали страх перед повторением бойни 1914–1918 гг.

Внутренняя неоднородность британской политики определила возвышение веса неофициальных каналов. Они не заменили деятельность посольства, но обеспечили передачу информации там, где официальная дипломатия действовала осторожно. Речь идет о многоуровневой системе коммуникаций, включавшей государственную дипломатию, специальных посланников, парламентские связи и доверительную переписку.

Особую миссию в сближении двух держав выполнял британский посол в Вашингтоне лорд Лотиан (Филип Х. Керр): он должен был работать не только с администрацией, но и с американским общественным мнением. Документы Госдепартамента показывают, что уже в сентябре 1939 г. Лотиан участвовал в согласовании вопросов морской торговли и контроля перевозок [2].

Дж. Кеннеди, с 1938 г. посол США в Лондоне, не был проводником курса Рузвельта. Его взгляды склонялись к изоляционизму и умиротворению, а публичная поддержка Чемберлена вызывала недовольство интервенционистской части истеблишмента [6]. Это корректирует схему линейного сближения: внутри американской политики существовали полярные оценки британского курса.

Столь же осторожно следует оценивать роль Черчилля в сближении. До сентября 1939 г. он не руководил внешней политикой; он критиковал «умиротворение» и говорил о США как факторе равновесия. После начала войны Рузвельт предложил ему личную переписку. Черчилль запросил разрешение у Чемберлена и получил его. Следовательно, персональный канал возник еще до назначения Черчилля премьер-министром [1].

К концу 1938 — началу 1939 гг. пространство для надежд на соглашение с Гитлером сократилось. Британское руководство осознало значение американской поддержки. Вашингтон увидел в европейском

кризисе угрозу своим интересам. В этих обстоятельствах образовалась почва для партнерства; начало войны в сентябре 1939 г. лишь ускорило этот процесс. Внутри британского руководства решили активнее координировать политику, прежде всего, в вопросах вооружения. Открыто пропагандировать помощь Великобритании в США считалось делом рискованным. Послу Лотиану отводилась задача: разъяснить американцам общность интересов [5].

Заключение. Таким образом, в англо-американских отношениях возникла система коммуникаций из государственной дипломатии и личных контактов. Факт их становления в 1937–1939 гг. объясняет быстроту перехода к стратегическому сотрудничеству в 1941 г., опережает принятую в науке дату (1940–1941 гг.). Сближение следует понимать не как движение к союзу, а как формирование условий для последующего сотрудничества, парадокс которого заключался в обоюдной сдержанности: Великобритания нуждалась в США, но опасалась американского вмешательства; Рузвельт стремился поддерживать Великобританию, но должен был учитывать американский изоляционизм. Поэтому дипломатия дополнилась неформальными каналами. В этом смысле У.Черчилль с нуля англо-американское сближение не создавал. Он унаследовал формировавшийся до него механизм, но придал ему новое содержание.

Список литературы

1. Churchill, W. L. S. Letter to U.S. President F. D. Roosevelt regarding arms supplies. Manuscript. December 14, 1940 // The Churchill Archive: [сайт]. — URL: https://www.churchillarchive.com/document/ (дата обращения: 20.09.2026).
2. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1939. General / U.S. Department of State. — Washington: U.S. Government Printing Office, 1956. — Vol. I. — 945 p.
3. Hansard. House of Commons Debates. — London, 1939. — Vol. 346. // Портал парламентских архивов Великобритании: [сайт]. — URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/ (дата обращения: 20.09.2026).
4. McCulloch, T. Tacit Alliance: Franklin Roosevelt and the Anglo-American “Special Relationship” before Churchill, 1933–1940. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022. — 312 p. DOI: 10.3366/j.ctv27zdjn3**.**
5. Reynolds D. The Creation of the Anglo-American Alliance, 1937–1941: A Study in Competitive Co-operation. London: Europa Publications, 1981. – 397 p. ISBN 0-905118-68-5.
6. Viet, J. K. Tempting All the Gods: Joseph P. Kennedy, Ambassador to Great Britain, 1938–1940. — East Lansing: Michigan State University Press, 2021.—344 p. DOI: 10.14321/j.ctv1qwwhzp.

УДК 327.57

«ПОЛЯРНЫЙ ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ» В СТРАТЕГИИ КНР

Починков И.О., ORCID 0009-0008-4340-1556,
Дибас О.А., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0007-0221-8811
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
oksana-dibasa@rambler.ru, diper226@bk.ru

Введение. В последние несколько десятков лет Арктика стала интересовать не только арктические, но и внерегиональных государства. Перемены в климатической среде и значительное уменьшение ледового покрова дают новые возможности для судоходства в регионе. Китайская Народная Республика, не имея выхода к Северному Ледовитому океану, последовательно расширяет своё присутствие в Арктике.

Важным этапом в формировании арктической политики Китая стала концепция «Полярного шёлкового пути». В китайских документах она обозначается как 冰上丝绸之路 в переводе на русский «Ледовый шёлковый путь», а в официальной английской версии используется название «Polar Silk Road». КНР рассматривает Северный морской путь (СМП) как продолжение своей знаменитой инициативы «Один пояс, один путь» в арктическом направлении [5]. Концепция закреплена в ряде официальных документов: Белой книге «Арктическая политика Китая» [3], «Концепции морского сотрудничества в рамках строительства „Пояса и пути“» [7], а также в материалах российско-китайских переговоров [6].

Для России данная концепция представляет особый интерес, так как ключевой частью маршрута является СМП, проходящий вдоль российского арктического побережья. Именно поэтому для понимания перспектив сотрудничества между Россией и Китаем в Арктике необходимо изучить то, как формировался и закреплялся в стратегии КНР «Полярный шёлковый путь»

Изучением политики КНР в Арктике занимался ряд исследователей. Так, М. Чжан и А. Г. Нестеров в статье «Северный морской путь и „Ледовый Шелковый путь“: сопряжение в контексте инициативы „Один пояс – один путь“ (2015–2025)» рассматривают стыковку китайской инициативы и российской стратегии развития СМП. Авторы приходят к выводу, что совместные проекты подтвердили стратегическую ценность маршрута, а его дальнейшее развитие зависит от углубления сотрудничества в модернизации инфраструктуры и в сфере технологий [2]. Из зарубежных публикаций важна работа К. С. Лима «Арктическая политика Китая и концепция „Полярного шёлкового пути“». Автор отмечает, что Китай, не обладая территориальным суверенитетом в

Арктике, может реализовать свои планы только через сотрудничество и согласование интересов с арктическими государствами [4].

Источниковая база исследования представлена официальными документами КНР – Белой книгой «Арктическая политика Китая» [3] и «Концепцией морского сотрудничества в рамках строительства „Пояса и пути“» [7], материалами Министерства иностранных дел КНР [6], публикациями издания «Жэньминь луньтань» [5], а также сообщениями госкорпорации «Росатом» [1].

Основная часть. Предпосылки появления концепции прослеживаются в документах российско-китайского сотрудничества ещё до официального выдвижения самого термина. В 2015 и 2016 годах, по итогам регулярных встреч между Россией и Китаем были достигнуты соглашения об укреплении сотрудничества в освоении и использовании СМП [5]. Российская сторона во многом проявляла инициативу. Так, на пекинском форуме «Один пояс, один путь» в мае 2017 года Президент России В. В. Путин выразил надежду, что Китай сможет использовать Северный морской путь и соединить его с инициативой «Пояс и путь» [5]. Государственный комитет по делам развития и реформ КНР совместно с Государственным океанографическим управлением КНР 20 июня 2017 года опубликовали документ под названием «Концепцию морского сотрудничества в рамках строительства „Пояса и пути“», в котором было предложено создание трёх «голубых экономических коридоров».

Впервые на высшем уровне понятие прозвучало 4 июля 2017 года. Во время государственного визита в Россию Председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с Председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым заявил о необходимом развитии сотрудничества и реализации проектов касающихся арктических морских путей [6]. Уже в ноябре 2017 года во время визита Д.А. Медведева в Пекин, Си Цзиньпин, так же выразил необходимость в сопряжении «Пояса и пути» с Евразийским экономическим союзом. КНР назвала проект «Ямал СПГ» 8 декабря 2017 года первым шагом совместного с строительства «Ледового шёлкового пути» [5]. 26 января 2018 года Пресс-канцелярия Госсовета КНР публикует Белую книгу «Арктическая политика Китая», в которой окончательно закрепляется концепция «Ледового шёлкового пути». В самом документе выражается максимальная заинтересованность в Арктике и готовность к совместной работе ради построения «Полярного шёлкового пути» [3].

Россия и Китай в мае 2024 года объявили о создании Подкомиссии по развитию Северного морского пути в рамках Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств. Со стороны России механизм возглавил генеральный директор госкорпорации «Росатом» А. Е. Лихачёв, в то время как с китайской стороны – министр транспорта КНР Лю Вэй [1].

Заключение. Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Концепция «Полярного шёлкового пути» сформировалась в 2015–2018 годах. Впервые термин был официально озвучен Си Цзиньпином 4 июля 2017 года, а в январе 2018 года закреплён в Белой книге «Арктическая политика Китая». В стратегии КНР «Полярный шёлковый путь» рассматривается как продолжение инициативы «Один пояс, один путь» в Арктике. С 2024 года сотрудничество по СМП ведётся в рамках специальной Подкомиссии, где китайскую сторону представляет Министерство транспорта КНР. К положительным сторонам для России можно отнести рост транзитных перевозок и совместную работу над инфраструктурными проектами.

Список литературы

1. Россия и Китай создадут подкомиссию по развитию Северного морского пути. – Текст : электронный // Страна Росатом. – 2024. – 21 мая. – URL: https://strana-rosatom.ru/2024/05/21/rossiya-i-kitaj-sozdadut-podkomissiju-p/ (дата обращения: 29.09.2026).
2. Чжан, М. Северный морской путь и «Ледовый Шелковый путь»: сопряжение в контексте инициативы «Один пояс – один путь» (2015–2025) / М. Чжан, А. Г. Нестеров. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2026. – Т. 15, № 7. – С. 529–548. – DOI 10.24224/2227-1295-2026-15-7-529-548. – URL: https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/7491 (дата обращения: 29.09.2026).
3. China’s Arctic Policy : White Paper / The State Council Information Office of the People’s Republic of China. – Текст : электронный // The State Council of the People’s Republic of China : official website. – 2018. – 26 Jan. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 30.09.2026).
4. Lim, K. S. China’s Arctic Policy and the Polar Silk Road Vision / K. S. Lim. – Текст : электронный // Arctic Yearbook. – 2018. – URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2018/Scholarly_Papers/24_AY2018_Kong.pdf (дата обращения: 30.09.2026).
5. “冰上丝绸之路” : “一带一路”的新延伸 [«Ледовый шёлковый путь»: новое продолжение «Пояса и пути»]. – Текст : электронный // 人民论坛 [Жэньминь луньтань]. – 2018. – 20 марта. – URL: http://paper.people.com.cn/rmlt/html/2018-03/20/content_1887713.htm (дата обращения: 30.09.2026).
6. 习近平会见俄罗斯总理梅德韦杰夫 [Си Цзиньпин встретился с Председателем Правительства России Д. А. Медведевым]. – Текст : электронный // 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел КНР] : официальный сайт. – 2017. – 4 июля. – URL: https://www.mfa.gov.cn/tpxw/201707/t20170704_266310.shtml (дата обращения: 30.09.2026).
7. “一带一路”建设海上合作设想 [Концепция морского сотрудничества в рамках строительства «Пояса и пути»] / 国家发展和改革委员会, 国家海洋局 [Государственный комитет по делам развития и реформ КНР, Государственное океанографическое управление КНР]. – 2017. – 20 июня. – Текст : электронный. – URL: https://www.cnfin.com/upload-xh08/2019/1028/1572226424482.pdf (дата обращения: 30.09.2026).

УДК 327

ПАРАДИПЛОМАТИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

***Пустошинская О.С.*[1],** канд. полит. наук, доц., ORCID 0000-0002-5844-8233,
***Васильева Е.Г.*[2],** ORCID 0009-0006-6773-5927
[1] ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, РФ
[2] ФГБО ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Москва, РФ,
o.s.pustoshinskaya@utmn.ru, liza.vasileva.04@inbox.ru

Введение. На фоне продолжающихся глобальных трансформаций формируется качественно новая конфигурация международных отношений, характеризующаяся постепенным переходом к многополярной модели. Происходит размывание грани между внутренней и внешней политикой под влиянием транснациональных вызовов, а также перераспределение экономической и военной мощи в пользу альтернативных центров влияния. В числе последних приоритетное значение имеют Россия и Китай, выступающие за создание сбалансированного миропорядка: «...Вместе с китайскими друзьями отстаиваем культурно-цивилизационное многообразие и уважение суверенного развития государств, стремимся к построению более справедливого, демократического мироустройства» [3].

Цель исследования – проанализировать парадипломатию как фактор развития российско-китайских отношений.

Основная часть. В сложившихся условиях российско-китайское партнерство развивается по экспоненте, демонстрируя тренд на углубление, что выражается в сопряжении национальных стратегий, системной экономической интеграции, а также учреждении постоянно действующих двусторонних институтов, благодаря чему решаются задачи по многоплановому межгосударственному сближению.

Весомое место в обозначенных процессах отводится субнациональному уровню: парадипломатия приобретает статус постоянно действующего фактора устойчивости и динамичности сотрудничества. Регионы, провинции и города становятся носителями повседневной и адаптивной дипломатической активности, способной оперативно реагировать на изменения внешней среды. Расширение и интенсификация торгово-экономических, научно-образовательных, культурных и гуманитарных связей посредством каналов межрегиональной и межмуниципальной коммуникации способствует наращиванию потенциала российско-китайского партнерства, придавая ему взаимодополняющий и длительный характер.

Отсюда актуализация соответствующей исследовательской повестки, часть вопросов которой остается по-прежнему на периферии научного внимания. Так, в литературе и экспертных отчетах наблюдается перекос в сторону макроэкономического, геополитического и культурологического анализов, когда парадипломатические усилия рассматриваются с точки зрения достижения сторонами взаимных преимуществ. В ряде работ проблематизируется возникновение рисков от санкционного режима. Однако в них не дается ключ к объяснению того, как субнациональные акторы выстраивают стабильные каналы взаимодействия в крайне неблагоприятных обстоятельствах. Кроме того, зачастую анализ ограничивается описанием отдельных кейсов: в фокусе внимания находятся либо приграничные области (дальневосточные регионы России – северо-восточные провинции Китая), либо некоторые, наиболее успешные примеры кооперации «глубинных» национальных территорий (формат «Волга – Янцзы»). Практически неизученным остается вопрос о том, как внешние риски трансформируют логику развития российско-китайского сотрудничества на субнациональном уровне.

Цель данного исследования – выявить закономерности, маркирующие развертывание российско-китайских парадипломатических связей под влиянием факторов внешней среды. В качестве теоретической рамки выбрана концепция стрессоустойчивости городской дипломатии, предложенная О.С. Пустошинской, А.Г. Арутюновым, А.К. Сковиковым [2] и успешно адаптированная под региональный уровень анализа. Данная концепция, изначально апробированная на кейсах Казани и Тюмени, описывает динамичную модель стрессоустойчивости, формируемой посредством прохождения субгосударственными акторами трех этапов, включая принятие санкций, адаптацию к новой реальности и эволюцию. Фактологическую основу работы составила база данных [1], разработанная коллективом автором Тюменского государственного университета в рамках проекта «Парадипломатия и устойчивое развитие», реализованного под эгидой ЮНЕСКО в 2026 г. [1]. В обеспечение всестороннего разбора ситуации задействован SWOT-анализ.

Заключение. Результаты проведенного исследования позволяют говорить о наличии структурных, пространственных и временных зависимостей в развитии субнационального уровня двустороннего сотрудничества, которые подтверждают гипотезу о стрессоустойчивой природе последнего.

Во-первых, несмотря на то, что плотность парадипломатических связей убывает по мере удаления от российско-китайской границы, наблюдается развитие очагов партнерства в промышленно развитых зонах европейской части России и на территории Поволжья. С российской

[1] Дополнена авторами данной статьи сведениями за 2006 г.

стороны лидерами по развертыванию контактов являются Поволжский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Наименьшее их число приходится на Южный федеральный округ. Таким образом, полученные данные служат аргументацией в пользу тезиса о том, что стрессоустойчивые типы отношений формируются не только и не столько в приграничье, сколько на территориях с высоким экономическим, научным и образовательным потенциалом.

Во-вторых, в 2024–2026 гг. наблюдается переход от меморандумов и протоколов о намерениях к дорожным картам и программам сотрудничества. Создаются постоянно действующие площадки для обмена опытом, знаниями, ведения диалога, детализируются формы и направления сотрудничества. Это указывает на вступление отношений в фазу эволюции.

В-третьих, наблюдается расширение круга подписантов принимаемых соглашений. Помимо губернаторов и мэров к процессу подключаются представители местных администраций / народных правительств, региональных / городских законодательных органов, собраний народных представителей и консультативных советов, деловых ассоциаций. Расширение состава подписантов свидетельствует об институционализации парадипломатических связей, их конвертации в укореняющуюся практику, не зависящую от политических циклов.

В-четвертых, динамика заключения соглашений демонстрирует устойчивую реакцию субнациональных акторов с обеих сторон на шоковые факторы: первый пик активности приходится на 2019 г., последующие – на 2022 и 2024 гг., что совпадает с общей взаимной ориентацией стран на сближение на фоне геополитических реалий. Подобная траектория («падение – адаптация – восстановление») соответствует трехэтапной модели стрессоустойчивости и подтверждает способность субъектов парадипломатии сохранять и интенсифицировать свою активность в ситуации внешнего давления.

Список литературы

1. Патент № 2026620631. База данных правовых документов «Парадипломатический атлас: Россия – Китай»: заявл. 05.02.2026: опубл. 12.02.2026 / Пустошинская О.С., Суфиянова Г.Р., Ракитина Н.В., Аскарова О.С., Васильева Е.Г. [и др.]. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89120675 (дата обращения: 08.10.2026).
2. Пустошинская О.С., Арутюнов А.Г., Золотарев Ф.Е. [и др.]. Негосударственные акторы в переходной фазе мирового порядка: монография / О.С. Пустошинская, А.Г. Арутюнов, Ф.Е. Золотарев, Н.В. Лаврушина, В.В. Никуленков, Г. Саймонс, А.К. Сковиков, Е.А. Шлапеко; под науч. ред. О.С. Пустошинской. – Москва: ООО ИНФРА-М, 2005. – 274 с.
3. Россия и Китай стремятся к более справедливому мироустройству, заявил Путин // РИА Новости. – 2026. – 20 мая. – URL: https://ria.ru/20260520/rossija-2093453047.html?ysclid=muzk9l1bd510990674 (дата обращения: 08.10.2026).

УДК 327

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ С ПОЗИЦИЙ КОНЦЕПЦИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТЬЮ

Сальников В.И., канд. истор. наук, доц., ORCID 0000-0003-1748-6476
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный университет», г. Скадовск, РФ
vyachs@yandex.ru

Введение. Характеризуя мирополитическую систему после падения Берлинской стены, американский политолог Джеймс Розенау отмечал, что она испытывает высокую напряжённость вследствие кардинальных перемен, из-за которых структуры и процессы, поддерживающие мировую политику, становятся неустойчивыми, и в них происходит переустройство. Привычные колебания системы сменяются аномалиями, устоявшиеся структуры расшатываются, развёртываются новые процессы, результаты которых оказываются недолговечными, а система вступает в период длительного неравновесия. Возникает неустойчивость (турбулентность), проявляющаяся в технологических новациях, кризисах власти, нарушениях согласия, конфликтах на разных уровнях, революционных переворотах и других процессах и явлениях, изменяющих человеческую жизнь [1].

Причем, турбулентность совсем не обязательно ведет к выходу на новый уровень стабильности. Возможно и погружение в состояние перманентной турбулентности, описываемое такими концепциями, как концепции «проблемной государственности», «управляемого хаоса», «вечной войны», «дикого поля» и др.

Цель исследования – проанализировать современную международную ситуацию с позиции концепций, связанных с политической турбулентностью.

Основная часть. Начнем с концепции *«проблемной государственности»*, разработчики и адепты, которой (Е. Берг, Н.А. Добронравин, П. Кингстон, В.А. Колосов, П. Колспе, С.М. Маркедонов, Д.Г. Николаев, В.И. Сальников, А.В. Себенцов, Н.С. Спирз, Р. Тоомле и др.), акцентируют внимание на проблемах внешнего и внутреннего суверенитета. Причиной расширения «зоны проблемной государственности», является распад государств, утративших «реальный суверенитет» (способность обеспечить свою независимость) – чем стремятся воспользоваться не только народы, стремящиеся осуществить свое право на самоопределение, государства и т.н. «акторы вне суверенитета» (племена, кланы, преступные группы, вооруженные отряды и т.п.), которым выгодно существовать в условиях «серой зоны» политики и экономики.

Стоит отметить, что в результате крушения биполярной модели мироустройства после поражения СССР и его союзников в «холодной войне» «зона проблемной государственности» только расширилась.

Что касается концепции *«управляемого хаоса»*, то она как ни одна другая рассматривает влияние субъективного фактора на процессы политической турбулентности. Один из её создателей Т. Манн, веря в самоорганизацию людей и порядков при погружении в хаос, считает возможным использовать технологии управляемого хаоса для обеспечения большей устойчивости миропорядка за счет его демократизации через стимулирование активности населения «недемократических государств» и управление ею в соответствии со стратегией военно-политического доминирования США. В качестве «ударного инструмента» в реализации этих целей использовались т.н. «бархатные» и «цветные» революции, в результате которых происходила «смена недемократических режимов» через организованные в том числе и извне массовые протесты при использовании т.н. «оранжевых технологий». Они приходятся на третью и четвертую волны демократизации и «т.н. «арабскую весну». Если власти страны решатся на подавление протестов – против них со стороны «коллективного Запада» организовывается «гуманитарная интервенция» (Югославия 1999, Ирак 2003, Ливия 2011) – военная операция с целью «свержения режима, попирающего права человека». Если же режим «недемократической страны» не свергнуть ни через «цветные революции», ни через «гуманитарную интервенцию» – «коллективный Запад» в своем стремлении сохранить свое колониальное господство в мире переходит к гибридным войнам, представляющим собой синтез войны и «управляемого хаоса».

При этом гибридные войны могут вестись, как в традиционной форме (предполагающей наличие линии фронта, тылов различной глубины и действия регулярной армии), так и в сетецентрической, где линия фронта отсутствует в принципе. Первой такой гибридной войной была холодная война, носящая глобальный характер. После поражения СССР и его союзников она продолжилась со стороны Запада против его геополитических соперников (России, Китая, Ирана и др.).

После крушения колониальных империй во второй половине XX в. на территориях бывших колоний стали возникать квази-государства типа Катанги и «неконтролируемые территории», вышедшие из-под юрисдикции государств, сбросивших колониальное иго, уводя свою территориальную экономику в «серые зоны», где хозяйничали транснациональные корпорации, не платя налоги в казну освободившихся государств, племена и криминальные структуры. Так как холодная война охватывала и страны Третьего мира, то там возникла такая разновидность гибридных войн, как *«гибридная война в серых зонах»*. Что породило возрастание количества «конфликтов малой интенсивности», нередко

перерастающих в затяжные войны (Сомали, ДРК и др.), и особый аспект экономики войны, присущий «серой зоне».

Государства, ведущие гибридную войну в «серой зоне», по мнению А.А. Бартоша, рассматривают такой вид конфликта «как менее дорогостоящую альтернативу традиционной войне, как податливое пространство между войной и преступностью на пересечении нетрадиционных средств, незаконных методов и международных норм, порядка и анархии» [2]. Попав в «серую зону», они теряют субъектность и погружаются в затяжные войны с присущей им «экономикой войны», самостоятельно выйти из которых они, как правило, не в состоянии. Если эти государства не восстановят контроль над своей территорией, то их ждет сползание в состояние *«дикого поля»*, которое Д.Е. Евстафьев характеризует как «пространство политической и экономической неупорядоченности, где отсутствуют гарантии устойчивой экономической и геоэкономической деятельности, развивающееся по модели «набеговой экономики»» [3].

Заключение. Выход из «серых зон» и «дикого поля» возможен через ослабление мирополитической турбулентности. Во многом это зависит от субъектов гибридной войны в виде великих/мировых держав и их союзников – от их желания ее завершить. В нашем случае – это Россия и «коллективный Запад», которые вступили в острую фазу столкновения цивилизаций», а восточно-европейские лимитрофы (Украина, Беларусь, Молдова, государства Прибалтики и Кавказа) становятся ареной этой борьбы.

Наша стратегия противодействия этой гибридной войне осуществляется в форме Специальной военной операции, целью которой является установление мира на территории бывшей УССР через денацификацию и демилитаризацию Украины и защиту народа Донбасса. Однако противостояние со стороны коллективного Запада, ориентированного на *«вечную войну»,* приносящую огромные прибыли ВПК и готового воевать с нами «до последнего украинца», препятствует этому.

Список литературы

1. Евстафьев, Д. «Серые зоны» и «дикое поле» как геополитические феномены периода кризиса глобализации / Дмитрий Евстафьев // Международная жизнь. – 2025. – 16 апр. – URL: https://interaffairs.ru/news/printable/51183 (дата обращения: 07.10.2026).
2. Rosenau J.N. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity / J.N. Rosenau. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – 480 p. – ISBN 0-691-02308-5
3. Бартош, А.А. «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны / А.А. Бартош // Военная Мысль. – 2021. – № 3. – С. 27. – EDN ECQDYY

УДК 323.2

ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, ИМИДЖЕВОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СО СТРАНАМИ АТР

Самойленко П.Ю., канд. полит. наук, доц., ORCID 0009-0007-0479-9541
ФГБОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток, РФ
samoylenko.pyu@dvfu.ru

Введение. Проблемы фальсификации истории становятся все более острыми как в международных отношениях, так и в вопросах идеологии и деятельности медиа. Одной из наиболее острых тем сегодня являются исторические итоги Второй мировой войны и роль великих держав в победе над фашизмом и «Странами Оси» в 1945 году. Немаловажную роль играет современная оценка и значение победы над милитаристской Японией на Тихом океане 2 сентября 1945 года.

Основная часть. Исторически на российском Дальнем Востоке широкого отмечается как 9 мая – День Победы, так и 2 сентября – «Дни мира на Тихом океане", приуроченные к капитуляции императорской Японии в 1945 году. При этом сама по себе эта историческая дата в современных условиях начинает играть все большее значение в тех процессах, которые происходят в большой мировой политике в настоящее время [1].

Современный мир явно обозначает тренд на движение в сторону многополярности, что, соответственно, вызывает противодействие коллективного Запада. Такие форматы международного партнерства как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) показывают растущее влияние таких стран как Россия и Китай на происходящие в мире события.

Окончание Второй мировой войны на Тихом океане в сентябре 1945 года в существенной степени связано с успешными военными действиями СССР в Северо-Восточной Азии – освобождение южного Сахалина и Курильских островов, а также Кореи и Северо-Востока Китая – Манчжурии. Эти действия имели далеко идущие исторические последствия для всего Азиатско-тихоокеанского региона – они напрямую способствовали появлению Республики Корея и Корейской народно-демократической республики на политической карте мира, формированию Китайской народной республики. Чуть позже, на волне ослабления влияния на страны региона, уже в конце 40-х - 50-ые годы XX века пошел активный процесс деколонизации уже в странах и Юго-Восточной Азии, в таких регионах как Индокитай.

Роль и значение данных событий трудно переоценить и сегодня, когда мир стремительно меняется, возникают новые угрозы, и приходит

время вспомнить исторические уроки Второй мировой войны [2]. Ярким примером тут является Китай, где в последние годы существенно активизировались процессы осознания роли своей страны в победе над азиатским фашизмом в тот период.

В прошлом году 80 лет Великой Победы активно отметили в Китае, а вообще 3 сентября стал общенациональным праздником и выходным этот день стал одиннадцать лет назад. Усиливая свое влияние на мировой арене, Китай также уделяет существенное внимание и вопросам сохранения исторической памяти. При этом Вторая мировая война является периодом, в котором страна понесла беспрецедентные потери населения. Официально в Китае потери считаются на уровне 35 миллионов человек, при этом 2 33 миллиона – это потери мирного населения в ходе так называемого периода «Японского фашизма». Таким образом, Катай и Россия как правопреемница СССР являются странами, понесшими наибольшие потери во время Второй мировой войны и обе пострадали от фашистских проявлений войск стран «Оси». В рамках понимания данного факта формируемый в настоящее время в КНР акцент на трактовке данных событий с подчеркиванием собственной роли является показателем того, насколько важна историческая память сегодня, и проблема эта актуальна не только для отношений России с коллективным Западом.

Рассуждая о важности сохранения исторической памяти о событиях Второй Мировой войны на Тихом океане, необходимо отметить и перспективы для наших дней [3]. В настоящее время Россия реализует политику так называемого «Восточного вектора» / «Разворота на Восток», в рамках которой диверсифицирует отношения с Западом и развивает партнерство с ведущими экономиками Тихоокеанской Азии – Китаем, Вьетнамом, КНДР, Лаосом и рядом других стран. И в любых таких двусторонних отношениях важнейшую роль играют и вопросы исторической памяти, которые восходят к событиям Второй мировой войны и последующих вооруженных конфликтов на Тихом океане – Корейской войны, Вьетнамской войны и так далее. Сохранение и увековечение памяти о тех событиях – важнейший ресурс международного диалога и сегодня [4].

В этом отношении очень показательны такие шаги нашей страны как посещение главой нашего государства празднования 80 лет Великой Победы в Китае 3 сентября 2025 года, а также возложение венков к монументу советским летчикам, перегонявшим самолеты по трассе «Алсиб – Аляска-Сибирь» в годы Второй мировой войны во время переговоров на Аляске в августе прошлого года. Увековечение исторической памяти сегодня открывает и широкие перспективы для Дальнего Востока – от совместных с азиатскими партнерами мероприятий до развития бренда территории, куда можно вписывать соответствующие имиджевые черты [5].

Заключение. Перспективным представляется более активное использование патриотической семантики более ранних вооруженных конфликтов на Дальнем Востоке с участием нашей страны – военных операций на озере Хасан (1938 год) и на Халхин-голе (1939 год), когда СССР защищал от японских милитаристов не только свои рубежи, но и интересы своих союзников в регионе – Монголии и Китая. Обе страны сегодня являются стабильными партнерами России в АТР, поэтому использование данной тематики представляется сверхактуальным для укрепления сотрудничества.

Список литературы

1. Васильева, Л. А. Дискредитация исторической памяти как вызов современному российскому обществу / Л. А. Васильева, П. Ю. Самойленко // История отечественных СМИ. 2022-2024, – М.: Фак. журн. МГУ, 2024. – № 1(7). – С. 5–15.
2. Лубский, А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме / А. В. Лубский // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Том 8. № 2. – С. 47–66.
3. Терёшкина, Д. Ю. Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне как необходимое условие противостоянию современной информационной войны / Д. Ю. Терёшкина, М. А. Кожевникова // Противодействие фундаментальным угрозам в новых геополитических реалиях. Материалы VIII межвузовской научно-практической конференции на иностранных языках. – М., 2023. – С. 106–114.
4. Чередняков, А. М. Историческая память и политика памяти в системе формирования исторического сознания и идентичности нации в России / А. М. Чередняков // Экономика и право - 2024. сборник статей II Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2024. – С. 98–102.
5. Самойленко, П. Ю. Историческое архитектурное наследие и современная застройка Владивостока как ресурс интеграции в АТР и формирования бренда территории в рамках политики «Разворота на Восток»: тренды и проблемы / П. Ю. Самойленко // «Известия Восточного института». – 2024. – № 3. – С. 162–173.

УДК 327(470+571):(450):327.5 «1991/2022»

РОССИЙСКО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С 1991 Г. ДО 24 ФЕВРАЛЯ 2022 Г.: РАЗВИТИЕ ПАРТНЁРСТВА И ПРЕДЕЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СБЛИЖЕНИЯ

Сбролли М., ORCID 0009-0001-2624-6936,
Кравец Ю. А., канд. ист. наук., доц., ORCID 0009-0006-5939-0738,
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
e-mai yuriykravetch1975@mail.ru, agostino.sbrolli.1975@gmail.com

Введение. Российско-итальянские отношения имели огромное значение с 1991 г. по 23 февраля 2022 г. для обеих стран, системно развивались при тесных хозяйственных связях и периодических политических разногласиях. Целью доклада является установление: какие механизмы поддерживали сотрудничество! Обосновывается предположение, что межправительственные консультации и совместные проекты позволяли сохранять отдельные направления сотрудничества при политических разногласиях.

Цель исследования – проанализировать российско-итальянские отношения с 1991 г. до 24 февраля 2022 г.

Основная часть. Исследование опирается на официальные документы: договор 1994 г., соглашение 1998 г. и регламент ЕС [1; 2; 3]. Научная литература представлена разделами Зоновой Т. В. и Масловой Е. А. о двусторонних отношениях [4]. В научных статьях Волковой А. И. и Дорохина А. Г., Овакимян М. С. и Игнатян Д. А., Щёкина А. С. Обосновывается анализ торговли и политических кризисов, а также сопоставляются договорные механизмы и конкретные формы их реализации. [5; 6; 7].

Договор о дружбе и сотрудничестве от 14 октября 1994 г. вступил в силу 22 мая 1997 г. Статья 7 предусматривала, как правило, ежегодные встречи на высшем уровне и встречи министров иностранных дел не менее двух раз в год. Статья 13 закрепляла создание Совета по экономическому, промышленному и валютно-финансовому сотрудничеству и работу Комитета предпринимателей под его эгидой [1, ст. 7, 13]. Тем самым обсуждение хозяйственных вопросов получило постоянный межправительственный механизм.

Соглашение о сотрудничестве в области культуры и образования от 10 февраля 1998 г. связывало обмены с укреплением взаимопонимания между народами [2]. Практическим примером расширения таких связей стал перекрёстный год культуры и языка 2011 г. Зонова Т. В.

рассматривает его наряду с университетскими и музейными контактами [4, с. 55-56].

Косовский кризис 1999 г. показал ограниченность политического сближения: разногласия с Россией не изменили принадлежности Италии к НАТО [7]. При правительствах Берлускони С. и Проди Р. сохранялась заинтересованность в развитии хозяйственных связей. Зонова Т. В. отмечает поддержку Италией углубления отношений России с европейскими институтами и сдержанную реакцию Рима на российско-грузинский конфликт 2008 г. [4, с. 43-45]. Маслова Е. А. рассматривает посредничество между Россией и Западом как способ укрепления международной роли Италии [4, с. 57-58].

В торговле Россия выступала преимущественно поставщиком энергоресурсов и сырья, Италия - машин, оборудования и потребительских товаров. По данным Волковой А. И. и Дорохина А. Г., товарооборот составлял 53,8 млрд долл. в 2013 г. и около 25,24 млрд долл. в 2019 г. [5]. К концу десятилетия стоимостный объём обмена оставался значительно ниже уровня 2013 г. На его динамику влияли одновременно санкционные ограничения, энергетические цены и спрос.

После украинского кризиса 2014 г. Италия участвовала в санкционной политике ЕС. Регламент № 833/2014 ограничил экспорт определённых товаров и технологий, а также доступ ряда российских организаций к рынку капитала [3]. Поскольку эти нормы действовали непосредственно в государствах ЕС, продолжение двусторонних проектов зависело от их отрасли, участников и условий поставок. Оценивать возможности сотрудничества только по заявлениям политиков было недостаточно.

Один из способов сохранения производственных связей заключался в локализации. Овакимян М. С. и Игнатян Д. А. описывают подход «Made with Italy», предполагавший совместное производство в России [6, с. 90]. Для итальянских предприятий это означало участие в выпуске продукции на российском рынке, а для российских партнёров - доступ к оборудованию и производственному опыту. Энергетика сохраняла существенное значение: в 2019 г. поставки «Газпрома» в Италию составили 22,1 млрд куб. м [6, с. 92].

Волкова А. И. и Дорохин А. Г. показывают разнообразие итальянского присутствия на примере Москвы. Компания Tecnimont участвовала в поставках оборудования и организации строительства комплекса «Евро+» Московского нефтеперерабатывающего завода, открытого в июле 2020 г. Другие проекты относились к городской инфраструктуре: Codest выступила генеральным подрядчиком реконструкции стадиона «Динамо», а General Invest участвовал в развитии сервиса «Делимобиль» с 2015 г. [5].

Во время пандемии сохранился механизм межправительственных консультаций. 14 октября 2020 г. в Сколково состоялось 17-е заседание российско-итальянского Совета по экономическому, промышленному и валютно-финансовому сотрудничеству [6, с. 93]. Продолжались и отдельные промышленные проекты: летом 2020 г. компании Termomeccanica Pompe и Sanco получили заказы для «Арктик СПГ-2» [6, с. 94].

Заключение. Таким образом, к 23 февраля 2022 г. стороны располагали договорной базой и действующими механизмами хозяйственного сотрудничества. Их значение подтверждается работой межправительственного Совета и участием предприятий в совместных проектах. Вместе с тем сокращение товарооборота по сравнению с 2013 г. и действие санкций свидетельствуют о пределах устойчивости партнёрства. Российско-итальянские связи позволяли сохранять переговоры и отдельные направления обмена, однако их развитие зависело от общей политики ЕС и НАТО и структуры двусторонней торговли.

Список литературы

1. Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Итальянской Республикой: подписан в Москве 14 октября 1994 г. // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 9. – С. 16–23.
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве в области культуры и образования: подписано в Москве 10 февраля 1998 г. // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 1. – С. 75–78.
3. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia’s actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. – 2014. – L 229. – P. 1–11.
4. Италия: от Второй Республики к Третьей?: сборник статей / под редакцией Е. А. Масловой. – Москва: Институт Европы РАН, 2015. – 128 с. – (Доклады Института Европы РАН; № 316). – ISBN 978-5-98163-056-9. – URL: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/316.pdf (дата обращения: 21.09.2026). – Текст: электронный.
5. Волкова, А. И. Торгово-экономическое сотрудничество России и Италии и особая роль Москвы / А. И. Волкова, А. Г. Дорохин // Россия и современный мир. – 2021. – № 3 (112). – С. 132–144. – DOI 10.31249/rsm/2021.03.08.
6. Овакимян, М. С. Развитие торгово-экономических отношений России и Италии в условиях пандемии / М. С. Овакимян, Д. А. Игнатян // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 4. – С. 88–100. – DOI 10.24411/2072-8042-2021-4-88-100. – URL: https://journal.vavt.ru/rfej/article/download/356/321/692 (дата обращения: 21.09.2026). – Текст: электронный.
7. Щёкин, А. С. Система координат российско-итальянских отношений в политической сфере / А. С. Щёкин // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2023. – № 1. – С. 45–57. – DOI 10.15211/vestnikieran120234557. – EDN XQXQWK.

УДК 327.3.94

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ МИРОТВОРЧЕСТВА ООН В АФРИКЕ: ОТ «ТРАДИЦИОННЫХ» ОПЕРАЦИЙ ДО МНОГОАСПЕКТНЫХ МИССИЙ

Севрук Б.О., ORCID 0009-0009-7123-2494,
Кузнецова Е.В., канд. полит. наук, доц., ORCID 0000-0002-1456-2456
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
sevrukb7@gmail.com

Введение. Увеличение количества вооруженных конфликтов, вызванных политическими кризисами, актуализирует проблему обеспечения безопасности и согласованности действий разных участников, как международных, так и региональных, и национальных. Это касается миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций (ООН) в контексте стабилизации ситуации в Африке.

Цель – выявление изменения подходов ООН к разрешению конфликтных ситуаций в ряде африканских государств с учетом адаптации в современных условиях.

Основная часть. Начало эпохи миротворчества ООН в Африке тесно связано «традиционностью» таких операций, где основным элементом была договорённость сторон и нейтральность посредника, а применение силы считалось допустимым только в рамках самообороны или защиты мандата, без активного вмешательства в ход конфликта. Примером служит миссия ООН в Конго, начавшаяся 14 июля 1960 года (представитель Раджешвар Даял), когда Организация Объединённых Наций пыталась стабилизировать кризисы в условиях деколонизации и Холодной войны. Операция в Конго в период кризиса 1960-х стала одной из первых крупных миротворческих операций, где присутствовала значительная военная составляющая, но мандат сохранял формальную привязанность к принципам нейтралитета [1].

Однако африканские кризисы демонстрировали и пределы такого подхода. В ряде ситуаций миротворцы не могли обеспечить надлежащую защиту граждан, прекратить насилие или создать устойчивую политическую платформу для переходного периода. Примером здесь служат трагические события в Бурунди и Руанде в конце 1980-х и начале 1990-х годов, а также геноцид в Руанде 1994 года, который стал ярким сигналом о том, что существующие принципы нейтралитета и минимального вовлечения не способны гарантировать безопасность граждан в условиях масштабного конфликта и массовых нарушений прав человека. Эти события привели к переоценке концепции миротворчества и

к появлению более активной роли политической дипломатии, а затем и переходу к более амбициозным и комплексным миссиям.

Влияние на африканские операции оказал и доклад Сайруса Венса, представителя Генерального секретаря, «План мира» 1992 года. Этот документ стал отправной точкой для перехода от чисто мониторинговых функций к более активной роли ООН в миростроительстве. В нём подчёркивалась необходимость не только прекращения боевых действий, но и подготовки к мирному пребыванию после конфликта: политический процесс, безопасность граждан, восстановление экономики, правовая система, выборы и институты, гарантирующие долгосрочную устойчивость.

Ключевым этапом в переосмыслении мировых подходов к миротворчеству стала работа по реформе миротворческих операций после многочисленных кризисов конца XX века. В 1990-е годы началась практика создания на африканском континенте многогранной миссии, в рамках которой одновременно осуществлялись задачи по охране населения, поддержке гуманитарного доступа, политической дипломатии и подготовке местных институтов к устойчивому управлению. В 2000-е годы произошёл глубинный качественный сдвиг в трактовке «многоаспектности» миротворчества. Концепция многоаспектное поддержание мира, поддержанная докладом Брами́ми и последующими руководящими документами ООН, подчёркивала важность интеграции военных операций с политическими, гуманитарными и социально-экономическими мерами.

Пример присутствие ООН, под руководством Берханемескеля Неги в Сьерра- Леоне 1999–2005 гг. стал одним из наиболее ярких проявлений этой трансформации. Миротворческая миссия в Сьерра-Леоне включала не только контроль над прекращением огня, но и разоружение вооружённых формирований, демобилизацию, реинтеграцию бойцов в гражданскую жизнь, реформу гражданской службы, создание условий для проведения свободных выборов и надёжную поддержку населения [2, с. 15-18].

В 2005 году в Сьерра Леоне, было достигнуто прекращение огня, разоружение и демобилизация, реформа полиции и судебной системы, а также подготовка страны к свободным выборам и демократическому управлению. Этот кейс стал образцом того, как сверхзадача миротворчества может стать основой для долгосрочной, которая способна удерживать мир не только за счёт прекращения активной фазы противостояния, но и через создание базовых государственных институтов, возможностей граждан участвовать в политическом процессе и восстанавливаться экономически.

В контексте африканского региона особую роль сыграли случаи ДРК и Сахеля, где в течение последних двух десятилетий миссии ООН приобрели многосоставной характер и стали инструментами не только

восстановления мира, но и поддержки политического процесса, реформы безопасности, борьбы с терроризмом и содействия развитию. Миссия в Конго, существующая уже более двух десятилетий, демонстрирует, как крупномасштабная, многоцелевая миссия может сочетать защиту граждан, поддержку населения в условиях гуманитарной и политической нестабильности, содействие урегулированию конфликта и реформе государственного сектора. Особенно роль Миссии ООН в ДРК (МООНДРК, с 2010 г. МООНСДРК) усиливается в период выборов [3, с. 37]. При этом ряд авторов придерживаются мнения, что Миссии ООН необходимо осуществлять давление на лидеров стран региона, которые должны брать ответственность за развитие ситуации, так как зачастую соседние государства прямо или косвенно поддерживают незаконные вооруженные формирования [4, с. 49]. Многие проблемы, существующие не только в ДРК, но и других африканских государствах, вызваны стремлением третьих (западных) стран получить в свое распоряжение ресурсы этого континента [5, с. 55]. ООН, адаптируясь к быстро меняющимся африканским конфликтогенным ситуациям, переходит к сотрудничеству с региональными организациями (например, АС и ЭКОВАС) при проведении операций по поддержанию мира [6, с. 449; 7, с. 226].

Заключение. Однако эволюция миротворчества в Африке сопровождалась и серьёзными вызовами. Прежде всего, это сложности правовых и политических оснований вмешательства: вопрос суверенитета государства остаётся ключевым препятствием для реализации соглашений и мандатов, особенно в контекстах слабого правопорядка и слабых институтов. В некоторых случаях согласие государственных властей на присутствие международных сил бывало ограниченным или временным, что снижало эффективность мандата и давало возможности конфликтующим сторонам обходить международное давление.

Список литературы

1. Alan P. Merriam. CONGO: Background of Conflict. Northwestern University Press. – 368 p.
2. Азаров В.А. Записки миротворца. Воспоминания начальника службы безопасности миссии ООН в Сьерра-Леоне. – М.: Палея-М : Рос. писатель, 2002. – 319 с.
3. Сидорова Г.М. Вооружённые конфликты в Африке на примере Демократической Республике Конго. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2013. – 399 с.
4. Точигин М.Ю. О внутриполитической ситуации в Демократической Республике Конго и перспективах миссии ООН (МООНСДРК) // Ученые записки Института Африки РАН. – 2021. – № 1 (54). – С. 46-51. – DOI: 10.31132/2412-5717-2021-54-1-46-51
5. Бокерия С.В. Махапа М. Эволюция миротворчества ООН в Африке: на примере Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго (МООНСДРК) и ее Бригады силового вмешательства (БСВ) //

Вестник международных организаций. – 2025. – Том 20, № 4. – С. 51-67. – DOI: 10.17323/1996-7845-2025-04-04
6. Бокерия С.А., Худайкулова А. В. Миротворчество ООН в Африке: характер, масштабы и развитие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 435-450. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-435-450
7. Ютяева И.Р. Миротворческая деятельность ООН в Африке : проблемы и перспективы : диссертация ... кандидата политических наук : 5.5.4. – М.: МГИМО (университет) МИД РФ, 2024. – 366 с.

УДК 341.44

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ЭКСТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Солодовников А.Г., канд. юрид. наук, доц. ORCID 0009-0009-1010-1554,
Хмеленко А.А., ORCID 0009-0007-6702-5033
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
agsolodovnikov@mail.ru, lina.mills08@yandex.ru

Введение. Современная система международных отношений переживает глубокий кризис, характеризующийся отказом от многосторонних форматов в пользу блокового мышления. В этих условиях традиционные механизмы правовой помощи подвергаются эрозии, а институт экстрадиции все чаще становится заложником политической конъюнктуры.

Цель статьи – проанализировать влияние геополитической напряженности на институт экстрадиции и оценить последствия его политизации для международного правопорядка.

Основная часть. Исторически институт экстрадиции развивался как баланс между суверенным правом государства не выдавать своих граждан и обязанностью мирового сообщества сообща противостоять преступности. Классическая доктрина, закрепленная в Типовом договоре ООН о выдаче и Европейской конвенции 1957 г., предполагает, что выдача осуществляется за общеуголовные преступления при наличии «двойной криминальности» и процессуальных гарантий. Вместе с тем почти все соглашения содержат императивное или диспозитивное исключение для политических преступлений, а также оговорку о возможности отказа, если запрос носит характер преследования по расовым, религиозным или политическим мотивам. Долгое время эти нормы оставались сравнительно стабильными, а отказы по политическим основаниям были весьма редким явлением. Однако после 2014 года, с введением секторальных санкций и обострением отношений по линии Россия–Запад, а также на фоне торговой войны США

с Китаем и глобального кризиса доверия, экстрадиция перешла в разряд высокополитизированных процедур. Суды государств запрашиваемой стороны все чаще оценивают не только правовую составляющую запроса, но и общее состояние политического режима запрашивающей страны, что размывает грань между защитой прав человека и прямым межгосударственным противостоянием [3, с. 145].

В ряде многосторонних договоров экстрадиционное сотрудничество дополняется формулой «aut dedere aut judicare» (либо выдай, либо суди). Однако, согласно ст. 3 Европейской конвенции о выдаче 1957 г., выдача не осуществляется, если запрашиваемая сторона имеет серьезные основания полагать, что запрос направлен на преследование лица по политическим мотивам. Аналогичные положения содержит Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. В доктрине традиционно разделяли «чисто политические» и «относительно политические» преступления [4, с. 97], но в условиях геополитического противостояния подобные критерии разграничения существенно размываются. Государство, не желающее выдавать фигуранта, может интерпретировать любое преступление как политически мотивированное. Обоснование такого решение может носить формальный характер и сводиться, например, к обнаруженным злоупотреблениям в работе судебной системы запрашивающего государства, что может гипотетически нарушить права выдаваемого человека. Фактически, геополитический разлом создал среду, в которой экстрадиционные решения принимаются не столько министерствами юстиции, сколько дипломатическими ведомствами.

Условно можно выделить несколько моделей политизации [3, с. 14-16]. Первая модель – экстрадиция как инструмент сдерживания: государство отказывает в выдаче лица, обвиняемого в тяжких преступлениях, сознательно сохраняя его в своей юрисдикции для последующего обмена или получения рычагов влияния. Вторая модель – расширительное применение оговорки о негуманном обращении. Европейский суд по правам человека неоднократно указывал, что экстрадиция запрещена, если лицу угрожают пытки или бесчеловечное обращение (ст. 3 ЕКПЧ). В кризисных условиях оценка пенитенциарной системы запрашивающего государства становится избыточно жесткой: после 2022 года подавляющее большинство стран ЕС отказывают Российской Федерации в выдаче даже по общеуголовным составам, аргументируя это системными проблемами российского правосудия. Третья модель – односторонний разрыв договорной базы. После прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы практическое взаимодействие в сфере выдачи существенно осложнилось вследствие снижения доверия и введения рядом государств фактических ограничений. Вместе с тем Россия не денонсировала Европейскую

конвенцию о выдаче 1957 г., которая формально сохраняет договорное значение [5, с. 54-56]. Экстрадиция стала возможной лишь на основе двусторонних договоров (сохранившихся с единичными странами) либо принципа взаимности, который в условиях отсутствия доверия практически не работает. Данный шаг ознаменовал институционализацию геополитического разлома в экстрадиционной сфере.

В таких условиях экстрадиция трансформируется из правового механизма международного сотрудничества в инструмент внешней политики. Примеры дел В. Бута и А. Винника, Ф. Гюлена и Дж. Ассанджа показывают, что конкурирующие запросы, союзнические и межгосударственные интересы влияют на исход процедуры и подтверждают смещение акцента с уголовно-процессуальных критериев на дипломатический торг. Эти примеры демонстрируют избирательное применение политической оговорки и дипломатических гарантий. В таких случаях юридические аргументы нередко легитимируют решения, обусловленные государственными интересами [3, с. 17; 4, с. 88].

Заключение. Подобная политизация экстрадиции влечет системные риски. Без восстановления минимального уровня взаимного доверия экстрадиционный механизм рискует окончательно превратиться в инструмент легитимации селективного правосудия, что подорвет не только борьбу с трансграничной преступностью, но и основы международного правопорядка в целом. В качестве возможных направлений оптимизации института экстрадиции можно выделить унификацию критериев политического преступления, что исключит возможность расширенного толкования в интересах какой-либо из сторон. Индивидуальную оценку риска нарушения прав человека с предоставлением развёрнутой обоснованной мотивации решения об отказе в выдаче. Мониторинг гарантий соблюдения прав человека после выдачи. При отсутствии общего договорного режима необходимы двусторонние соглашения и нейтральное посредничество. Обмен осужденными должен оставаться исключительным дипломатическим средством, не подменяющим экстрадицию. Устойчивость института зависит не от полного устранения политического фактора, а от его ограничения прозрачными процедурами, едиными стандартами доказывания и защитой прав личности.

Список литературы

1. Европейская конвенция о выдаче: заключена в г. Париже 13 декабря 1957 года // СЗ РФ. – 2000. – № 23. – Ст. 2348.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // СЗ РФ. – 2004. – № 40. – Ст. 3882.
3. Маркова, Т. Ю. Проблемы проведения экстрадиционной проверки в Российской Федерации / Т. Ю. Маркова, М. А. Юркевич // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3, № 4. – С. 144-148. – EDN XQYQHR.

4. Быкова, Е. В. Политическая мотивированность решений об отказе в выдаче как противодействие международному сотрудничеству в борьбе с преступностью / Е. В. Быкова, В. С. Выскуб // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 8. – С. 94-98. – EDN PBIBFJ.
5. Амиров, Д. Р. Механизм оказания правовой помощи по уголовным делам после выхода России из Совета Европы / Д. Р. Амиров // Уголовный процесс. – 2023. – № 6 (222). – С. 72-77. – EDN SIZGFW.

УДК 94:339.924(6)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АФРИКЕ

Студинец А. А., ORCID 0009-0000-0022-6171
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» г. Донецк, РФ
s.stydineu77@mail.ru

Введение. Процесс экономической интеграции в Африке характеризуется общим движением к построению единого экономического пространства в форме Африканского экономического сообщества. В этом процессе можно наблюдать успехи, такие как создание в 2019 году Африканской континентальной зоны свободной торговли. Однако в этом процессе существует ряд особенностей, которые могут замедлять процесс формирования единого экономического пространства.

Отдельные моменты указанной темы были исследованы в работах зарубежных исследователей, таких как А. Хирш, а также коллективных работах Экономической комиссии ООН по Африке. Среда отечественных исследователей вопрос особенностей экономической интеграции в Африке был исследован Е. В. Дробот на материале деятельности АфКЗСТ.

Цель исследования – анализ особенностей процесса экономической интеграции в Африке, которые могут замедлять формирование Африканского экономического сообщества.

Основная часть. Особенности процесса экономической интеграции в Африке обусловлены комплексом объективных условий общественного развития стран континента, а также основанной на них особенностях деятельности региональных и субрегиональных международных организаций.

В общем виде можно выделить три особенности африканского процесса экономической интеграции, которые могут отрицательно сказываться на достижении цели интеграции стран континента. К числу таких следует отнести:

1) опора на внешние источники финансирования развития;
2) процесс ратификации региональных инициатив;

3) отсутствие согласованности между проектами в рамках «Повестки дня 2063».

Опора на внешние источники финансирования для Африканского союза является устоявшейся практикой, которая берет свое начало с принятия «Нового партнерства для развития Африки» в начале 2000-х гг [1, P. 27]. На момент 2023 года 67% бюджета Африканского союза приходилось на выделенные третьими странами и организациями средства [2]. Данная практика может оказывать замедляющее воздействие на развитие процесса экономической интеграции, поскольку притоки средств со стороны третьих лиц носят нестабильный характер и имеют тенденцию к сокращению при возникновении экономических кризисов, таких как в 2008 и 2019 гг. Исследование ЭКА ООН и Африканского союза указывает, что Африке необходимо доведение вклада самих стран Африки в бюджет Африканского союза до 67%. Достижение этого авторы считают возможным за счет создания ряда африканских финансовых институтов [3, P. 87].

Процесс ратификации в данном исследовании обозначен как проблема, потому что имеющаяся практика Африканского союза выполнения принятых решений не функционирует на должном уровне. Например, в 2014 году был принят Протокол о создании Африканского валютного фонда, целью которого является финансирование проектов развития Африки. Однако, на момент 2026 года не был ни подписан, ни ратифицирован со стороны стран континента. Подобная ситуация наблюдается также с принятым в 2018 году Протокола о миграции, регулирующего на континентальном уровне единые правила перемещения лиц [4].

Африканский союз не является наднациональной организацией, потому и не имеет механизмов принуждения для реализации достигнутых решений. Это приводит к тому, что национальные правительства стран Африки, которые не готовы брать на себя дополнительные финансовые и законодательные обязательства, выбирают не ратифицировать указанные документы, в силу чего континентальные инициативы не получают своего развития.

Отсутствие согласованности между проектами в рамках «Повестки дня 2063». Африканскому союзу необходимо также проделать работу по координации инициатив существующих проектов. Так, перед африканскими лидерами и Африканским союзом стоит задача объединения деятельности Африканской континентальной зоны свободной торговли и сферы деятельности Протокола о свободном перемещении лиц, поскольку на данный момент эти два режима регулирования торговли и миграции соответственно не оказывают взаимного влияния друг на друга [5].

Заключение. Развитие процесса экономической интеграции в Африке происходит благодаря деятельности международных организаций,

как на региональном, так и на субрегиональном уровне. Однако движение к выработке единого экономического пространства замедляется из-за принятого в рамках Африканского союза механизма принятия решений на основе консенсуса, что на практике проявляется в проведении длительного переговорного процесса со странами-членами организации относительно применения проектов региональной интеграции. Также в условиях стихийности процесса общественного развития в мире, стратегия Африканского союза опоры на внешние источники финансирования проектов развития может замедлять осуществление указанных инициатив при обострении глобальных, противоречий мировой системы.

Разрешение указанных противоречий требует, с одной стороны, изменения механизма принятия решений при Африканском союзе, а также создания альтернативных источников финансирования проектов развития. В свою очередь, траектория трансформации в интересах народов Африки, на наш взгляд, лежит в создании африканских финансовых институтов, а также адаптации практики политического продвижения инициатив Африканского союза на высшем уровне, которое до этого уже было использовано Агентством развития Африканскоского союза при возведении инфраструктурных объектов в рамках Президенсткой инициативы по развитию инфраструктуры.

Список литературы

1. Compact for African Recovery: Operationalising the Millennium Partnership for the African Recovery Programme // United Nations Economic Commission for Africa. – 56 pp. – URL: https://share.google/HP2XrLlMW5YUJqG17 (дата обращения: 11.09.2026).
2. Africa: Financial Independence Is Key to Stronger AU Partnerships // Institute for security studies. – 13 February 2023. – URL: https://allafrica.com/stories/202302140003.html (дата обращения: 11.09.2026).
3. 16 infrastructure projects for African integration // The United Nations Economic Commission for Africa. – 2016. – 104 p. – URL: https://archive.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/16-infrastructure-projects_en.pdf (дата обращения: 11.09.2026).
4. List of countries which have signed, ratified/acceded to the Protocol to the Treaty establishing the African Economic Community relating to free movement of persons, right ofresidence and right of establishment // African Union. – 08/08/2023. – URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36403-sl-PROTOCOL_TO_THE_TREATY_ESTABLISHING_THE_AFRICAN_ECONOMIC_COMMUNITY_RELATING_TO_FREE_MOVEMENT_OF_PERSONS-1.pdf (дата обращения: 11.09.2026).
5. Hirsch A. How Africa can promote the continental free movement of people / A. Hirsch // The London School of Economics and Political Science. – January 14th, 2022. – URL: https://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2022/01/14/how-african-union-can-promote-continental-free-movement-of-people-migration-protocol/ (дата обращения: 11.09.2026).

УДК 94:327(73+410+470)(091)"2014/2025":328.184

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛОББИСТСКИХ СТРАТЕГИЙ США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА (2014–2025 ГГ.)

Шабалдас А.И., ORCID 0009-0003-5813-9902
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
anna.shabaldas.00@mail.ru

Введение. Конфликт на Донбассе 2014 года и специальная военная операция 2022 года стали катализатором переформатирования механизмов принятия внешнеполитических решений в США, Великобритании и России. Под влиянием затяжного противостояния произошла глубокая модернизация методов, каналов и нормативных рамок лоббирования, причём векторы трансформации в трёх странах оказались разнонаправленными. В Америке и Великобритании наблюдалась мобилизация и цифровизация традиционных лоббистских структур вокруг антироссийской повестки, тогда как в России сформировалась государственно-центричная модель мобилизационного лоббирования.

Цель исследования – компаративный анализ трансформации институциональных механизмов, приоритетов и инструментов лоббирования в США, Великобритании и России в 2014–2025 годах под влиянием украинского конфликта и СВО, а также выявление закономерностей переформатирования систем политического влияния в условиях международного противостояния.

Основная часть. В российской науке проблематика лоббизма разрабатывается А.Х. Курбановым и В.Е. Наружным в статье «Перспективы реализации программы импортозамещения в интересах оборонно-промышленного комплекса России в современных условиях» [1]. Отдельно следует отметить публикацию ТРК ВС РФ «Звезда» о трёхкратном росте поставок по гособоронзаказу [2].

В зарубежной историографии акцент сделан на трансформации лоббистских стратегий: С. Но (The Washington Post) анализирует их смену в условиях паралича Конгресса [3], El Tiempo Latino раскрывает доходы американских лоббистов от клиентов, связанных с Кремлём [4].

До 2014 года лоббистские системы трёх стран развивались по общей либеральной модели с национальной спецификой. В США действовала наиболее прозрачная система регулирования (LDA 1995, FARA 1938); объём легального лоббистского рынка в 2013 году достигал 3,22 млрд долларов [3]. В Великобритании регулирование носило менее формализованный характер, создавая благоприятную среду для теневого влияния и практик «вращающихся дверей». В России институт лоббизма

оставался законодательно неоформленным, компенсируясь неформальными сетями влияния, встроенными в исполнительную вертикаль.

События 2014 года запустили разнонаправленную реконфигурацию лоббистских полей: в Вашингтоне и Лондоне консолидировалось проукраинское лобби, в Москве — вытеснение прозападных групп и формирование отраслевого патриотического лоббирования (импортозамещение, оборонный заказ).

Американский вектор эволюции прошёл несколько этапов. Первый (2014–2017) был связан с точечными санкциями администрации Обамы; ключевую роль в обосновании санкций играли экспертно-аналитические центры. Расходы на лоббирование украинской и антироссийской проблематики в 2014 году составили около 42 млн долларов, причём более 70% приходилось на сторонников ужесточения санкций [4]. Второй этап (2017–2021) — принятие закона CAATSA, ограничившего полномочия президента в санкционной сфере. После февраля 2022 года лоббистская активность в США резко выросла: расходы на украинскую проблематику превысили 350 млн долларов — десятикратный рост к 2014 году. Главным бенефициаром стал ВПК, потративший более 120 млн долларов на лоббирование военной помощи Украине и получивший рекордные госзаказы.

Великобритания представляет особый случай в силу исторической роли Лондона как центра притяжения российского капитала. В 2014–2021 годах британское лоббистское поле характеризовалось двойственностью: официальный Уайтхолл поддерживал санкции, тогда как Сити и юридические компании непублично противодействовали наиболее жёстким мерам.

После февраля 2022 года в Великобритании стремительно мобилизовалось антироссийское лобби: ведущие позиции заняли разведка, юристы и энерготрейдеры, сформировалась «индустрия санкционного комплаенса». В парламенте сложилось мощное межпартийное лобби с максимально жёсткой линией. Энергокомпании дистанцировались от российских активов и перешли к лоббированию компенсаций, а контр-лоббирование пострадавших секторов ушло в закрытые каналы.

В 2014–2021 годах ослабли группы, интегрированные в глобальные цепочки, и усилились коалиции, заинтересованные в протекционизме и оборонном заказе. Доля секторов, ориентированных на внутренний спрос и импортозамещение, в лоббистских обращениях выросла с 22% в 2013 году до 48% в 2021 году [1].

После февраля 2022 года российское лоббистское поле перешло в состояние мобилизационной консолидации. Ключевым механизмом стал прямой административный торг в рамках Государственного совета, профильных комиссий и межведомственных рабочих групп. Критерием

успеха стала способность доказать «системную значимость» для задач СВО и технологического суверенитета. Сформировались «вертикальные отраслевые коалиции», объединяющие производителей, поставщиков, министерства и силовые структуры. Наиболее яркий пример – сфера БПЛА, где госзаказ вырос с 20 млрд рублей в 2020 году до более 200 млрд в 2023 году [2]. При этом внутри мобилизационной парадигмы сохраняется острая межотраслевая конкуренция, переместившаяся в закрытые бюрократические каналы.

Заключение. Внешнеполитический кризис ускорил цифровизацию лоббирования во всех трёх странах, но с разным содержанием: в США и Великобритании — для мобилизации поддержки и санкционного комплаенса, в России — для государственно-управляемых платформ координации бизнеса и власти. Сформировались новые отраслевые коалиции: в англосаксонских странах — вокруг санкционной ренты, в России — вокруг импортозамещения и оборонного заказа. Плюрализм в США и Великобритании сохраняется в маргинализованном виде, тогда как в России прозападные группы практически полностью маргинализированы. Лоббистские системы трёх стран утратили взаимопроницаемость: транснациональные каналы влияния разорваны.

Список литературы

1. Курбанов А.Х., Наружный В.Е. Перспективы реализации программы импортозамещения в интересах оборонно-промышленного комплекса России в современных условиях. Проблемы современной экономики. 2015. № 3 (55) – с. 72-77. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-realizatsii-programmy-importozamescheniya-v-interesah-oboronno-promyshlennogo-kompleksa-rossii-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 13.09.2026)
2. Путин констатировал трехкратный рост поставок по гособоронзаказу. ТРК ВС РФ «Звезда», 2023. URL: https://tvzvezda.ru/news/202312191341-5OtAh.html (дата обращения: 13.09.2026)
3. Ho C. Lobbyists shift strategy amid gridlocked Congress. The Washington Post, 2013. URL: https://www.washingtonpost.com/business/capitalbusiness/lobbyists-shift-strategy-amid-gridlocked-congress/2013/10/23/31701066-3c0d-11e3-b6a9-da62c264f40e_story.html (дата обращения: 13.09.2026)
4. Los grupos de cabildeo estadounidenses ganaron millones con clientes rusos vinculados al Kremlin. El Tiempo Latino, 2022. URL: https://eltiempolatino.com/2022/03/17/politica-comunidad-latino/los-grupos-de-cabildeo-estadounidenses-ganaron-millones-con-clientes-rusos-vinculados-al-kremlin/ (дата обращения: 13.09.2026)

УДК 327:141.82 (516)

О «СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ» КИТАЯ В ТЕОРЕТИКО-ПРОГНОСТИЧЕСКИХ РАБОТАХ (НА ПРИМЕРЕ С. ХАНТИНГТОНА И З. БЖЕЗИНСКОГО)

Шульга Д.П., д-р ист. наук, ORCID 0000-0001-5820-1743
ФГКВОУ ВО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, РФ
alkaddafa@gmail.com

Введение. «Столкновение цивилизаций» и «Великая шахматная доска» являются, пожалуй, наиболее популярными работами кон. XX в., анализирующими международные отношения. Обе они, в той или иной степени, касаются Китая как заметного «центра силы» в Азии. Однако и З. Бжезинский, и, в меньшей степени, С. Хантингтон, говоря о китайской истории, не избежали стереотипов.

Целью нашей работы становится их разбор, с учётом наработок ориенталистики.

Основная часть. Одна из основных проблем западных мыслителей без востоковедного образования – крайне упрощённое восприятие дихотомии «Срединное государство и варвары». «Китай – Небесная империя – рассматривался как центр Вселенной, за пределами которого жили только варвары» – вот прямая цитата из З. Бжезинского [1, с. 13–14]. О «варварах» пишет и С. Хантингтон, но делает это осторожнее, добавляя, что от инородцев «тем не менее ожидается, что они отдадут должное и признают превосходство Китая» [2, с. 259].

В действительности отношения Поднебесной с соседями были достаточно сложными, и, зачастую, куда менее «ксенофобными». Например, с номадами контакты установились не позднее сер. I тыс. до н.э. Заключались династические браки, складывались связи по принципу «сюзерен-вассал», происходил обмен материальными ценностями. Подобный порядок сложился задолго до образования первой кочевой державы (сюнну). Легко доказать это можно артефактами из могильников Мацзяюань и Чжайтоухэ, в которых, наряду со скотоводческими культурными элементами найдены колесницы, монеты и иные изделия из княжеств хуася (прежде всего, Цинь и Вэй). Уже в период Восточной Чжоу возникали царства, династия которых происходила из «северных иноплеменников» (например, Чжуншань). Зона распространения китайского культурного влияния (пусть и опосредованно) достигала Южной Сибири [3]. Римскую (сначала единую, а затем – Восточную) китайцы именовали 大秦, «Великая Цинь» (т.е. могучее государство на западе, равновеликое Поднебесной). Семантика тут следующая: именно

княжество Цинь[1], располагавшееся на западе чжоуского ареала, создало первую империю.

Очень спорным выглядит и другой пассаж З. Бжезинского: «Монгольские и позднее восточные „варвары" восторжествовали вследствие того, что внутренняя усталость, разложение, гедонизм и утрата способности к созиданию в экономической, а также военной областях подорвали волю Китая, а впоследствии ускорили его крах. Внешние силы воспользовались болезнью Китая». Задолго до Чингисхана кочевые народы (о чём мы упоминали выше) встраивались в китайскую политику. Великая династия Тан[2] (618–907 гг.) была основана потомком китаизированных сяньби[3], Ли Юанем. Государства с земледельческим населением и «внешней» элитой существовали в Китае с древности. Роль «усталости и гедонизма» также не следует преувеличивать – Чингизидам понадобилось более полувека для покорения бассейнов Хуанхэ и Янзцы, и к моменту покорения их государство уже не слишком отличалось от предшественников, вроде Цзинь.

Излишне «цивилизационное» значение придаётся и Великой стене. Интерпретация «строительства Великой Китайской стены в Северном Китае, с тем чтобы оградить внутреннее царство от внешнего варварского мира» вряд ли объективна [1, с. 14–15]. Первые «длинные стены» строили вполне китайские царства эпохи Чжоу для защиты друг от друга. В то же время в позднейшие эпохи их возводили одни государства с заметным «кочевым» элементом против других (например, вал, построенный киданями, часть которого проходит по территории РФ).

Весьма сложной темой является и характеристика «запада» как вечного и активного носителя идей «открытого социума» и «демократии». Любопытно, что на платоновское государство весьма далеко от образцов, превозносимых в ЕС или США. При этом оспаривать влияние данного философа на становление европейской мысли весьма сложно.

Платон строил модель государства по трём частям души: правители-философы – разумное начало, стражи – волевое, производители благ – вожделеющее. В современном мире ближе всего к этой схеме – КНР. В конфуцианском мире армия считалась нужным, но не особо почётным институтом – отсюда поговорка «из хорошего железа не делают гвоздей, хороший человек не идёт в солдаты». При этом полководческое искусство и храбрость уважали, воспевая в трактатах и романах вроде

[1] Будущий центр объединения Китая как раз имел сильные связи с кочевниками, в т.ч. выступая «старшим партнёром» зависимых скотоводческих политий. Более «чистые» в культурном отношении восточные княжества, включая родину Конфуция, Лу, в конкурентной борьбе проиграли.

[2] Одним из самоназваний китайцев до сих пор является «люди Тан» (唐人).

[3] Сяньби, по мнению большинства востоковедов, следует относить к прото-монгольским народам.

«Троецарствия». Военно-феодальные режимы (подобные японским[4] или европейским) в Китае были кратковременными; более заметное влияние армии на политику возникало лишь при не-ханьских династиях. «Эра милитаристов» пер. пол. XX века оставила особенно негативный след, который помнят и поныне. Конфуцианство не возвеличивало и предпринимательство. Несмотря на роль Китая в Шёлковом пути, «командные высоты» оставались у гражданского чиновничества. Усиление «сильных домов» и эксплуатация производителей воспринимались как угроза стабильности. На Дальнем Востоке почти не было «купеческих республик»[5]. Сегодня в КНР верховная власть – у КПК (аналог «философского» центра), армия не стремится к власти, а бизнес ограничивается участием в совещательных структурах (вроде Народного политического консультативного совета). Платоновское обобществление собственности реализовано не было, несмотря на попытки Мао, но идеи перераспределения весьма распространены и сейчас.

Заключение. Сопоставление выше автор делает не ради утверждения, что КПК является клубом платоников. Речь идёт об универсальности в развитии человеческих сообществ. Идеи, провозглашаемые в Элладе классического периода, могут оказаться созвучными при построении «социализма с китайской спецификой». Разумеется, развитие государственности у рисоводов будет отличаться от становления «мореходного полиса». Но излишнее внимание к «экзотике» опасно. Особенно если мыслитель недостаточно владеет информацией о деталях, существенно дополняющих общую картину. Плодом такой деятельности становятся стереотипы, нередко очень шаткие. Весьма спорна и мысль С. Хантингтона: «странам свойственно «примыкать» к странам со схожей культурой и противостоять тем, с кем у них нет культурной общности. Это особенно верно в случае со стержневыми государствами, чья мощь привлекает родственные культурно страны и отталкивает культурно чуждые» [2, с. 238–239]. З. Бжезинский артикулировал подобные мысли менее чётко, но они также прослеживаются. Между тем, БРИКС показывает обратный тренд, и в этом

[4] Именно это различие позволяет признать частичную правоту С. Хантингтона в выделении японской цивилизации, отдельной от остальной Восточной Азии. Культурно Страна Восходящего Солнца была теснейше связана с Китаем, но в политической практике их различия заметны. При этом автор «Столкновения цивилизаций» удревняет сложение специфических черт. Укрепление военно-феодального режима приходится скорее на период Хэйан (X–XII вв.) и позднее, но не на промежуток «между 100 и 400 годами н.э.» [2, с. 55], когда об устройстве государственности Ямато можно говорить лишь с большими допущениями.

[5] Хотя диаспора ханьцев была в Азии традиционно славилась деловой активностью, что отражают и современные показатели [2, с. 260–262]. С. Хантингтон, очевидно, осознавая зыбкость размышлений о прошлом Китая и его соседей, основной упор делает именно на современные процессы (со втор. пол. XX в.).

нет ничего нового [6]. Важным аспектом работы международника и политолога остаётся погружение в исторический контекст. Так можно избежать огульных заявлений и обобщений, свойственных, как мы видим, и известнейшим мыслителям.

Список литературы

1. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. – New York: Basic Books, 1997. – 223 p.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
3. Ван Хуэй. Чжанцзячуань Мацзяюань муди сянгуань вэньти чутань [王輝。張家川馬家塬墓地相關問題初探 // 文物 2009 年第 10 卷] = Предварительное исследование вопросов, связанных с могильником Мацзяюань в Чжанцзячуане // Культурное наследие (Вэнь у). – 2009. – № 10. – С. 70–77.

[6] Военно-политические союзы без оглядки на культурную доминанту существовали и в эпоху греко-персидского противостояния, и в период длительного распада Золотой Орды.

Круглый стол «Становление основ российской идентичности на землях Новороссии в Северном Причерноморье в период с середины XVIII до начала XX вв.»

УДК 94(470)"17"

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА (1783–1796)

Агапов В.Л., д-р ист. наук, доц., ORCID 0009-0004-1115-5240
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
agapov_donetsk@mail.ru

Введение. Понятие «экономическая идентичность» является новым в научной практике. Оно было введено в оборот экономистами Дж. Акерлофом и Р. Крэнтоном, опубликовавшими в 2010 г. монографию «Экономика идентичности» [1]. Сущность самого феномена, особенности его проявлений в современном обществе изучены довольно основательно Э. Эриксоном [2], В. А. Хащенко [3] и другими. Авторы утверждают, что экономическая идентичность формируется на базе экономической ментальности, которая включает в себя устойчивые стереотипы, ценности и модели поведения в хозяйственной сфере, что она «достаточно специфична, поскольку, несмотря на то, что является частью «Я-личности», то есть, продукта экономического осознания себя, она также является и психологической категорией, связанной с соотношением человеком во всей системе экономических отношений. Центральной категорией в таком соотношении валяется отношение человека к его собственности» [4].

Возможность рассмотрения прошлого через призму современного понимания экономической идентичности до сих пор не реализовывалась, хотя исследователи так или иначе выходили на рассмотрение этого феномена при изучении экономической истории России, ее аграрного сектора, ментальности дворянства [5; 6]. Актуальность исследования экономической идентичности поместного дворянства Екатеринославского наместничества обусловлена его принадлежностью к одному из наиболее значимых в то время регионов Российской империи. «Можно ли… изучать Россию XIX века как имперское пространство, не рассматривая особенности Сибири, Дона, Закавказья или Причерноморья?», - задаются вопросом авторы коллективной монографии «Регионы Российской

империи: идентичность, репрезентация, (на) значение» и в силу риторичности самого вопроса на него не отвечают [7, с. 3].

Основная часть. После завершения русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и ликвидации Запорожской сечи фонд государственных земель значительно расширился. Предстояло распределить 16002882 дес. земли. 26 декабря 1777 г. Г. А. Потемкин подписал «ордер» № 2764, которым были установлены правила распределения новых земель в Азовской губернии, которая в 1783 г. войдет в состав Екатеринославского наместничества, с целью «удобнейшего и скорейшего в пустынных местах заведения селений» [8]. Претендентам на получение земли она отдавалась «в вечность». Особыми были правила распределения «задонской земли» Таганрогского уезда в силу ее приграничного с Крымским ханством положения. Казенные земли здесь предписывалось «раздавать для заселения в вечность всякого звания и чина людям, исключая однодворцев, крестьян и прочих помещичьих людей, не только проживающим и при должностях стоящих, но и кто жительство имеет в Великороссии и Малороссии, из-за границы приходящим и на вечное подданство присягу учинившим…» [8].

Выделяемая площадь наделов варьировалась от минимальной 1,5 тыс. дес. до 12 тыс. дес. (кратное от 1,5 тыс. дес.). Во время распределения земли происходило понимание ее владельцами своего места в сословной и социальной иерархии общества. Среди тех, кто получил 12 тыс. дес., были: отставной секунд-майор Неплюев, генерал-поручик Опиридов, генерал-майор Юзютов, генерал-поручик князь Прозоровский. По 3 тыс. дес. Получили: «самарский житель» Непейбрага, бывший запорожский полковник Гараджа, прокурор Рикицкий, коллежский асессор Титов и др. Среди тех, кто получил минимальные 1,5 тыс дес., были: прапорщики Билимов, Галич, Пекезшу, старшина Панов, переводчик обер-полицейской канцелярии Коростовец, провиант-комиссар Кох, архивариус Бурмане и др.

Землевладелец не обладал полной экономической свободой. Даже в случае выполнения предъявлявшихся к нему требований (создание сельских поселений, оплата налога по 5 руб. за десятину в год), он мог продать, заложить землю, отдать в приданное и т.д. участками не менее, как по 1,5 тыс. дес. Нераздробляемый минимум надела делал невозможным распределение земли по наследству. В случае невыполнения обязательства по заселению полученной земли людьми, он был лишен возможности землю продать, заложить, отдать в приданное, но при этом с него взималась плата в размере по 5 руб. за десятину. Оказавшийся в таком положении землевладелец вступал в экономические отношения с беглыми крестьянами, которым отдавал в аренду наделы.

Каждый из получивших землю должен был решить задачу ее заселения, соблюсти объявленное Г. А. Потемкиным соотношение между

получаемой площадью земли и количеством дворов, которые на ней должны располагаться: при участке 1,5 тыс дес. было предписано иметь 13 дворов, при площади 3 тыс. дес. – 25 и т.д., достигая максимального числа дворов 100 при площади владения 12 тыс. дес. Крепостных можно было купить на рынке или по объявлению в газете, но стоили они дорого, молодые мужчины – 300-400 руб. и больше, девушки – 100-200 руб. Состоятельные собственники поместий «старались обзавестись селениями с поспешностью, попустя на то немалые капиталы». Первому поколению землевладельцев пришлось стукнуться с необходимостью организации хозяйственной жизни в зоне критического земледелия. Впечатления о первых годах хозяйствования описаны так: «С начала заселения дворянством Новороссийской губернии диких частию безводных, а вообще безлесных земель, испытали разного рода неблагосостояния через частые недороды хлеба и трав, скотские падежи, упадок скота от жестоких зим и саранчи» [9].

В 1788 г. истекал срок, на протяжении которого лица, получившие землю, обязывались обустроить поместья, после чего имели возможность получить межевые документы и распоряжаться землей. Начавшаяся в 1787 г. русско-турецкая война сместила акценты в хозяйственной деятельности. Тем не менее. в условиях войны велось размежевание земли. Завершение в 1791 г. военных действий позволяло вернуть к подведению итогов льготного периода хозяйствования, провести самооценку результатов сделанного. В сознание многих землевладельцев закрадывалось опасение потерять полученные земли, прежде всего, по причине их недостаточного заселения. Тревога усилилась в связи со смертью в октябре 1791 г. Г. А. Потемкина, которого до сих пор рассматривали в качестве гаранта помещичьего землевладения. Екатеринославское дворянство было свидетелем того, что земли в собственность «розданы и раздаваемы были не по плану Новороссийской губернии, но по резолюциям и особым повелениям». Каждый из получивших землю желал «дабы каждый в собственности своей был уверен», считал необходимым принятие Екатериной II указа Сенату с тем чтобы узаконить «распоряжения покойного князя Григория Александровича Потемкина» и эту милость «дворянство Екатеринославское вечно и незабвенно в памяти сохранило бы» [9]. Успокоение наступило в сентябре 1793 г., когда Екатериной II был издан манифест «О разных дарованных народу милостях», в котором было сказано: «Порожжие земли для населения, размножения, хлебопашества и разных хозяйственных заведений в губернии Екатеринославской … утвердить за теми, кому они розданы, и в чьем бесспорном владении находятся» [9].

Заключение. Таким образом, мы видим, что важнейшим проявлением экономической идентичности дворян Екатеринославского

наместничества в пореформенный период стала их борьба за закрепление прав собственности на землю.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ «Становление основ российской идентичности на землях Новороссии в Северном Причерноморье в период с середины XVIII до начала XX вв.» (грант № 26-18-00133).*

Список литературы

1. Akerlof, G. A. Identity Economics. How our identities shape our work, wages, and well-being / G. A. Akerlof, R. E. Kranton. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2010. – 185 p.
2. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 2006. – 352 с.
3. Хащенко, В. А. Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования / В. А. Хащенко // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25, № 5. – С. 32–49.
4. Донченко, И. А. Идентичность личности и восприятие неравенства доходов / И. А. Донченко // Проблемы современной науки и образования. – 2018. – № 7 (127). – С. 114–119.
5. Баринова, Е. П Менталитет русского поместного дворянства/ Е. П. Баринова // Вестник Самарского государственного университета. – 2001. – № 1. – С. 57–61.
6. Куприянов, А. И. Правовая культура и ментальность дворянства (по материалам выборов 1770-1820-х годов / А. И. Куприянов // Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени.– М.: Институт Российской истории РАН, 2014. – С. 109–127.
7. Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение: коллективная монография / под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 304 с.
8. Материалы для истории б. Запорожья // Киевская старина. – 1882. – № 2. – URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Mat_zaporozie/text1.htm (дата обращения: 11.10.2026). – Текст: электронный.
9. Материалы к истории дворянских собраний южной Украины (последняя четверть XVIII – первая четверть XIX в. – URL: https://drevlit.ru/docs/ukraina/XVIII/1780-1800/Dvorjan_sobranija/text1.php?ysclid=mv0l15z9cw961506807 (дата обращения: 11.10.2026). – Текст: электронный.

УДК 316.3:159.923.2(470)

ГРЕКИ МАРИУПОЛЯ: ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (XVIII–XIX ВВ.)

Белякова И.В.
Филиал ФГБУ «Дом народов России» в Донецкой Народной Республике,
г. Донецк, РФ
belyakova@domnarodov.ru

Введение. Городская идентичность греков Мариуполя не была продуктом стихийной эволюции – она стала результатом целенаправленного имперского стратегического планирования, правовых привилегий, экономического разделения труда и культурного самосознания. В 1778-1780 годах около восемнадцати тысяч крымских христиан под руководством митрополита Игнатия переселились на северное побережье Азовского моря, причём подавляющее большинство из них составляли греки [1]. Они были размещены в устье реки Кальмиус, где основали город Мариуполь и более двадцати окрестных сёл. Уникальность этого переселения заключалась в том, что оно представляло собой не просто перемещение населения, а наследие городской цивилизации: греческие переселенцы из Крыма принесли с собой византийское наследие, православную традицию, ремесленные навыки и торговые сети, которые они внедрили в южные окраины Российской империи.

Основная часть. Понимание городской идентичности мариупольских греков требует ответа на ключевой вопрос: почему в регионе с преимущественно аграрной экономикой грекам удалось сформировать и сохранить отчётливую «городскую» самобытность? Ответ кроется в четырёх взаимосвязанных измерениях: правовые привилегии, создавшие институциональное пространство для автономии; экономическая структура, определившая профессиональную идентичность; религия и язык, поддерживавшие границы общности; и взаимодействие с имперской административной системой, в ходе которого городское самосознание постепенно кристаллизовалось. Рассмотрим отдельно каждое из них.

I. Правовые привилегии и «город в городе»: самоопределение в институциональном пространстве. Городская идентичность мариупольских греков основывалась прежде всего на особом правовом статусе, дарованном империей. В 1780 году греческие переселенцы основали Мариупольский греческий округ – по сути, автономную административную единицу, в которой греки располагали собственным судом, налоговыми льготами и внутренней полицейской юрисдикцией. И уже 28 июня 1780 года свою работу начал Греческий суд, охватывая три

ключевые сферы: административную, полицейскую и судебную [2]. Иными словами, Мариуполь в рамках имперского законодательства был сконструирован как автономная городская единица с греческим населением в качестве основного субъекта. Ключевое значение этой автономии состояло в том, что греки не только территориально концентрировались в Мариуполе и окрестных сёлах, но и юридически определялись как коллектив, обладающий особыми правами. Наличие Греческого суда позволяло грекам решать конфликты и управлять делами внутри собственной общины, не обращаясь напрямую к общеимперской административной и судебной системе.

Наряду с автономией, Мариуполь также обладал статусом «закрытого города». Вплоть до 1859 года имперский указ не разрешал представителям других этносов селиться в Мариуполе. До этого момента город на институциональном уровне был зарезервирован для греков, образуя городское пространство с высокой степенью этнической однородности. Эта «закрытость» оказала двойственное влияние на городскую идентичность. С одной стороны, она обеспечивала доминирование греческого языка, обычаев и религиозной жизни в городском пространстве, превращая само городское пространство в носителя греческой культуры. С другой стороны, она придавала городской идентичности мариупольских греков выраженное «пограничное сознание» – город был не просто местом проживания, но культурной территорией, требующей защиты.

II. Экономическая структура: купцы, ремесленники и «греческое царство» городского уклада. Экономическая структура наполняла идентичность конкретным содержанием. Экономическая деятельность греков в Мариуполе и его окрестностях демонстрировала отчётливую «городскую ориентацию»: торговля, ремёсла и портовые услуги занимали ведущие позиции, тогда как традиционное земледелие, хотя и существовало, никогда не становилось ядром городской идентичности греков. К середине XIX века греческие купцы контролировали практически всю хлебную торговлю Мариупольского порта [3]. Торговая деятельность греческих купцов выходила далеко за пределы одного Мариуполя. Они создали торговые сети, охватывавшие Азовское и Чёрное моря, поддерживая тесные связи с греческими купеческими общинами Таганрога, Одессы, Ростова и других портовых городов.

Примечательно, что внутри греческой общности существовала и сословная дифференциация. Городские богатые купцы и цеховые ремесленники составляли верхний слой, тогда как греки в сельской местности занимались животноводством и ограниченным земледелием. Но даже в деревне экономическая деятельность греков была ближе к «коммерческому животноводству», чем к «натуральному земледелию»: многие греческие мужчины уходили на Дон и Северный Кавказ в наёмные

пастухи, работали там несколько лет, возвращались с сбережениями и небольшими отарами, чтобы затем вести самостоятельное хозяйство. Такая модель «коммерческого мышления в животноводстве» принципиально отличалась от чисто крестьянского образа жизни.

III. Религия, язык и границы общности: культурное измерение городской идентичности. Городская идентичность мариупольских греков проявлялась не только в правовом статусе и экономической деятельности, но и глубоко укоренялась в религиозной жизни и языковой практике. Православная вера и уникальная языковая конфигурация совместно формировали культурные границы греческой городской общности. Значение религиозной автономии для городской идентичности состояло в том, что она возвышала Мариуполь с уровня «места проживания» до уровня «духовного центра». Для греков, рассеянных по окрестным сёлам, Мариуполь был не только административным и торговым центром, но и святым местом, куда они отправлялись для участия в важных религиозных праздниках и получения церковных услуг.

Языковая конфигурация мариупольских греков представляет собой ключевое и сложное измерение их городской идентичности. Переселенцы в Приазовье не были языково единой группой, а делились на две крупные субэтнические общности: румеи и урумы. Румеи говорили на приазовском диалекте греческого языка, урумы же говорили на языке, относящемся к огузской группе тюркских языков [4]. Несмотря на языковые различия, обе группы разделяли идентичность «греков». Это явление «языкового раскола при единстве идентичности» было особенно заметно в городской среде. В самом Мариуполе обе группы жили совместно; в сельской местности они предпочитали селиться раздельно. Исследования показывают, что урумы составляли большинство греческого городского населения Мариуполя, что тесно связано с их историей как горожан ещё в крымский период [5].

IV. Взаимодействие с имперской административной системой: от автономии к интеграции. Городская идентичность мариупольских греков не была статичной – она постоянно корректировалась в ходе непрерывного взаимодействия с российской имперской административной системой. Серия административных реформ середины XIX века коренным образом изменила институциональную основу греческой городской идентичности. На правовом уровне греки лишились институциональных гарантий своего статуса «особых горожан»; на демографическом уровне этнический состав города начал диверсифицироваться; на психологическом уровне грекам пришлось заново определять своё место в имперской городской системе.

Заключение. Городская идентичность мариупольских греков представляет собой уникальный и показательный случай в истории освоения южных окраин Российской империи в XVIII-XIX веках. Её формирование прошло путь от «институциональных привилегий» к «экономической мощи», от «автономной общности» к «культурному

меньшинству». К началу XX века мариупольские греки стали третьей по численности этнической группой Донецкого региона и крупнейшей общиной компактно проживающих греков на всём постсоветском пространстве. Этот факт сам по себе свидетельствует о жизнеспособности городской идентичности мариупольских греков: даже после исчезновения институциональных привилегий греки сумели сохранить свои культурные особенности в городском пространстве через экономические достижения, религиозные традиции и семейные сети. От переселенцев на окраине до носителей городской цивилизации – история мариупольских греков представляет собой классический пример того, как этническая идентичность формируется, поддерживается и трансформируется в городской среде.

Список литературы

1. Дмитриева, В. В. Переселение христианского населения из Крыма в Приазовье в 1778-1780 гг. / В. В. Дмитриева // Национальная ассоциация ученых. – 2020. – № 54-3 (54). – С. 18–21.
2. Гедё, А. В. Мариупольский греческий суд: история создания и деятельность / А. В. Гедё, Н. А. Терентьева, Р. И. Саенко. – Донецк: ДонНУ, 2012. – 480 с.
3. Волониц, В. С. Греческое купечество во внешней торговле Мариуполя XIX в. / В. С. Волониц // Вестник Мариупольского государственного университета. Сер.: История. Политология. – 2015. – № 12. – С. 17–24. – EDN WYRRSY.
4. Баранова, В. В. Язык и этническая идентичность. Урумы и румеи Приазовья / В. В. Баранова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та - ВШЭ, 2010. – 287 с.
5. Баранова, В. В. Тюркоязычные греки Приазовья / В. В. Баранова // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 3. – С. 157–161. – EDN IAJUTD.

УДК 316.3:159.923.2(470)

ПРИРОДНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРИАЗОВЬЕ: СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ И ДИАЛЕКТИКА ЧЕЛОВЕКА И СРЕДЫ

Быстрянцев С.Б. д-р социол. наук, проф., ORCID 0009-0007-0992-4989
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
bystriantsev@yandex.ru

Введение. Феномен идентичности представляет собой одно из наиболее популярных и дискуссионных понятий современных социальных теорий, позволяющее объяснить, каким образом отдельный индивид существует в составе общности, а общность выживает и осваивает окружающую среду. В настоящем материале автором предпринята попытка синтеза двух теоретических перспектив: концепции природной идентичности, формирующейся в специфических условиях Приазовья и

Новороссии XVIII–XIX веков, и социально-конструктивистского подхода Питера Бергера и Томаса Лукмана, изложенного в их фундаментальном труде «Социальное конструирование реальности» [1].

Основная часть. Согласно их теории – идентичность является ключевым элементом субъективной реальности и находится в диалектической взаимосвязи с обществом. Она формируется природными и теперь всё больше социальными процессами. Однажды выкристаллизовавшись, она поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями. Социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной системой и, наоборот, идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной системы, реагируют на данную социальную структуру, поддерживая, модифицируя или даже её переформируя [2].

Понятие идентичности представляет собой комплексное понятие, характеризующее один из основных процессов, позволяющий индивиду осваивать окружающую его природную и социальную реальность путём коллективного действия. Это кумулятивный механизм включения человека в целый ряд общностей: территориальную, этническую, политическую, религиозную, материальную и некоторые другие, производные от отмеченных. В свою очередь, кумулятивность явления идентификации заключается в накоплении, по мере расширения социальных связей, специфических личностных мировоззренческих характеристик, определяющих социальное действие человека в тех или иных ситуациях. По мере освоения социальных позиций, предполагаемых такой включённостью, формируется личность со специфическим набором личностных смыслов. Объективность процесса идентификации, прежде всего, связана с функцией адаптации людей к окружающей природной среде. Природная среда даёт возможность людям выживать, развивая различное материальное производство.

Регион Новороссии включает в себя разнообразные природные зоны. Это предполагает различные хозяйственные занятия людей, различный образ жизни. Новороссия, её идентификационная история даёт возможность наблюдать явление идентичности в большом разнообразии. Попадая в результате добровольного переселения на новые земли, люди начинают процесс адаптации к разнообразной окружающей природной среде.

Диалектика процесса идентификации такова, что организм продолжает воздействовать на каждую фазу социальной деятельности человека по мере конструирования реальности в сознании индивида. Сам организм в свою очередь находится под воздействием этой деятельности. Грубо говоря, человеческая биологическая природа трансформируется в процессе социализации, но не отменяется последним. Эта диалектика

имеет прямое отношение к формированию природной идентичности в Приазовье. Жизнь в условиях суровой и непредсказуемой степи между морем и сушей, где природа сурово непредсказуема, но при этом повторяема, требовала от человека особых форм адаптации. Природные ритмы – сроки навигации, ледостава, миграции рыб, сезонные ветры – структурировали повседневную жизнь и формировали коллективный опыт.

В традиционной культуре XVIII-XIX веков вся система запретов, обрядов и хозяйственных календарей была механизмом поддержания этой идентичности, а не просто суевериями или утилитарными практиками. Кроме поведенческих, личностных ограничений нарушения действий идентификации в XVIII-XIX веках существовали жёсткие традиционные и религиозные формы контроля, которые предотвращали социальное действие такого характера. В общественном сознании присутствовало понимание, что кризисы идентичности отдельного человека могут провоцировать кризис общественного развития и последующего распада общности. Различные формы контроля обеспечивали гармонизацию коллективного действия и индивидуального поведения.

Применительно к природной идентичности Приазовья это означает, что народная метеорология, обряды вызывания или остановки ветра и дождя, персонификация природных сил представляют собой не просто суеверия, а специфические социально-психологические теории, которые легитимируют определённый тип идентичности и обеспечивают его воспроизводство. Феномен «природной идентичности» в Новороссии позволяет пересмотреть классическую оппозицию «культура vs природа». Здесь мы видим не доминирование или подчинение, а символический контракт с метео- и гео-факторами, который столь же конститутивен для личности, как и принадлежность к этносу или общине.

Разрыв этого контракта порождает экзистенциальную дезориентацию – своего рода «климатическую аномию», которую современная экологическая философия описывает как соластальгию. Данный термин означает форму «эмоционального или экзистенциального расстройства, вызванного негативно воспринимаемым изменением окружающей среды» [3]. Это могут быть природные стихийные бедствия, а также техногенные изменения ландшафта в ходе добычи полезных ископаемых, вырубки лесов, строительства плотин и водохранилищ.

Ещё одной особенностью Новороссии, в частности Приазовья, является то, что это – фронтир. Понятие фронтира введено в научный оборот американским историком Ф. Дж. Тёрнером [4], изучавшим освоение западных земель Северной Америки и сделавшим вывод о большом влиянии процесса освоения на всю историю США. Он указал на характерные черты фронтирных территорий. Так, текучесть отражает высокую мобильность населения и размытость социальных структур, когда традиционные иерархии уступали место более гибким формам

организации. Экспансия – это непрерывное движение вперёд с «новыми возможностями», формирующее особый динамизм общества. Простота – «постоянный контакт с простотой примитивного общества» – означала, что на фронтире цивилизация сталкивалась с необходимостью упрощения своих институтов и возвращения к базовым формам социальной организации.

Многие черты североамериканского фронтира совпадают с заселением земель Новороссии. Это позволяет и их характеризовать как фронтирные земли. Однако есть и очень важное отличие. Новороссия представляет собой уникальный исторический феномен – фронтир, принципиально отличный от классической модели Ф. Дж. Тёрнера. Американский Запад был пространством стихийной индивидуалистической экспансии, а Новороссия представляет собой целенаправленный государственный проект, реализованный под руководством имперской администрации. Ключевая характеристика новороссийского фронтира – государственный патернализм. В отличие от американских скваттеров, действовавших автономно, российские переселенцы были включены в вертикальные иерархические структуры.

Заключение. Синтез концепции природной идентичности Приазовья и социально-конструктивистского подхода в русле концепции Бергера-Лукмана, а также инвайронментальной теории Ф. Дж. Тернера позволяет существенно обогатить понимание процессов формирования идентичности. Идентичность представляет собой феномен, который возникает из диалектической взаимосвязи природы, индивида и общества. Типы идентичности суть социальные продукты, относительно стабильные элементы объективной реальности. Изучение природной идентичности Приазовья представляет собой конкретный пример такого социологического исследования, которое связывает воедино историю, философию и социологическое эмпирическое изучение человеческого существования.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ «Становление основ российской идентичности на землях Новороссии в Северном Причерноморье в период с середины XVIII до начала XX вв.» (грант № 26-18-00133)*.

Список литературы

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Бергер, П. Идентичность / П. Бергер, Т. Лукман // Психология самосознания: хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М, 2003. – С. 567–588.
3. Albrecht, G. Solastalgia: A New Concept in Human Health and Identity / G. Albrecht // PAN: Philosophy, Activism, Nature. – 2005. – Vol. 3. – Pp. 44–59.
4. Тёрнер, Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Ф. Дж. Тёрнер / Пер. с англ. А. И. Петренко; отв. ред. В. В. Согрин. – М.: «Весь Мир», 2009. – 304 с.

УДК 323.2/93(470+571)

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПРИГРАНИЧЬЯ ИМПЕРИИ В XVIII – XIX ВЕКАХ

Власкина Т.Ю., ORCID 0000-0003-1371-7628
ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», г. Ростов-на-Дону, РФ
vlaskiny@mail.ru

Введение. Постоянным контекстом интеграции Южного пограничья (Северного Кавказа, Кубани, Дона, Новороссии) в общеимперское пространство в XVIII–XIX веках выступала военная повседневность. Именно в этот период происходило формирование российской идентичности местного населения. В условиях перманентной военной угрозы, чередования набегов, колонизации, длительных и масштабных кампаний (таких как Русско-турецкие и Кавказская), границы между мирным и военным бытом практически стирались. Изучение воздействия военного фактора на население окраин Российского государства представляет собой целое научное направление на стыке исторической антропологии, этнографии, военной истории и регионоведения, актуальность которого связана с изучением механизмов интеграции сложных в этносоциальном и политическом отношении регионов. Новизна состоит в смещении исследовательских приоритетов исторической науки с макро- на микропроцессы. Задача данной работы – оценить значение военной повседневности в формировании самосознания и культурного облика жителей новых российских регионов.

Теоретическую рамку исследования представляют несколько ключевых понятий. Военная повседневность – совокупность рутинных практик, условий быта и уклада жизни людей, вовлеченных в события войны различным образом (профессиональные военные и комбатанты, члены их семей, мирные жители воюющих территорий). Российская идентичность – осознанная принадлежность к единому Российскому государству, предполагающая служение его интересам и общность социокультурного пространства. Южный фронтир или пограничье – подвижная зона, в которой происходили взаимодействия между представителями российской метрополии – княжеств в границах засечной черты и горцами Северного Кавказа, народами степи, Османской Турции, Польши [1].

Основная часть. Преобразование самосознания отдельных личностей и целых сообществ, вовлеченных в орбиту Российского государства, происходило от локального (племенного, областного) к

общероссийскому (имперскому). Военный фактор одновременно затрагивал несколько социальных механизмов.

Прежде всего, он был реализован в сложении переселенческого сообщества, представленного казаками, отставными солдатами, государственными крестьянами. Для южных казачеств – Донского, Кубанского, Терского, Черноморского война являлась основной формой экономической и социальной жизни. С несением службы были увязаны их сословные привилегии – владение землей и освобождение от налогов. Многие аспекты частной жизни казачьих семей были обусловлены службой [2]. В результате возникала идентичность «слуг государевых» и «защитников рубежей Отечества». Повседневность крестьян-переселенцев также включала военные составляющие. Наряду с отставными солдатами государственные крестьяне привлекались к несению дозорной службы и строительству укреплений, в результате чего они перенимали военный уклад. Это касалось не только мужчин, но и женщин, вынужденных растить детей и заниматься хозяйством в условиях постоянной угрозы набегов немирных соседей или возобновления масштабной войны. Таким образом, не только казаки и профессиональные военные, а совокупно все жители фронтира были носителями военно-служилого этоса – особого склада характера и образа жизни. Выживание приграничья было экономически связано с метрополией, это усиливало чувство сопричастности «порубежников» к единому государственному организму.

Одной из характерных черт военно-служилого этоса является обостренное восприятие дихтомии «Свой-Чужой», приобретавшей характер этнических, социальных и конфессиональных противопоставлений. Последнему способствовало близкое соседство и постоянные столкновения с Османской империей, Крымским ханством и горскими народами Кавказа. В условиях вражды с мусульманским миром защита «веры христианской» и защита «Царя и Отечества» в народном сознании сливались воедино, православие становилось маркером верноподданничества. Что не мешало сосуществованию в рамках империи нескольких конфессий, но обостряло границы между ними в условиях фронтира [3].

Вместе с тем, религиозная принадлежность выполняла и объединительную роль. В сложившейся к середине XVIII века в условиях Южного приграничья самой большой восточнославянской группе внешняя угроза нивелировала внутренние различия – этнографические (между малороссами и великороссами) и конфессиональные (между старообрядцами и православными), – сплачивая их перед лицом общего «немирного» соседа и формируя общую гражданско-политическую принадлежность к Российской империи. В XIX веке этнически разнообразные и не слишком многочисленные в составе донского

казачества представители горских народов сплачивались по признаку мусульманского вероисповедания в особую «татарскую» группу [4].

В более широком плане военная повседневность вела к гибридизации идентичностей, что выражалось в процессах культурной диффузии и многочисленных заимствованиях, которые особенно часто отмечаются в связи с кавказским субстратом у северокавказских казачеств и военных регулярных «кавказских» частей. Тюркское и монгольское (калмыцкое) наследие степных военно-соседских отношений XVI-XVII веков нашло отражение в культуре донских казаков – в диалекте, традиционной одежде, кухне, боевых приемах. Эти культурные заимствования отнюдь не были декоративными, в значительной степени они имели непосредственное отношение к природно-хозяйственной адаптации. Выходцы с более влажного и прохладного севера перенимали навыки жизнеобеспечения у местных жителей. В социально-политическом плане обогащение повседневного быта иноэтническими новшествами не ослабляло, а укрепляло российскую идентичность. Формировался уникальный тип «человека русского пограничья», поселенца, способного в экстремальных условиях самостоятельно и прокормить и защитить свою семью, но при этом осознающего себя частью великой империи [5].

Еще одним каналом воздействия военной повседневности на население присоединяемых территорий была инкорпорация местных элит в имперское социальное пространство путем привлечения к военной службе и включения в состав российского дворянства. Представители татарской, чеченской, ногайской, калмыцкой знати через службу приобщались к русской культуре и дворянским ценностям, становились государственниками, носителями российской идентичности.

Заключение. Военная повседневность на южных рубежах в XVIII-XIX вв. действовала как плавильный котел. Она заменяла или дополняла узкорегиональные, сословные и этнические маркеры населения широкой общероссийской (имперской) идентичностью, основанной на идее совместной защиты границ, общей исторической судьбы и служения государству.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках работы по ГЗ ЮНЦ РАН (№ госрегистрации 125011200150-2).*

Список литературы

1. Глазьев, В. Н. Военная повседневность Южного Российского пограничья XVII в. / В. Н. Глазьев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 10 (150). – С. 71–78. – DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-71-78.
2. Власкина, Т. Ю. Женщина военного сословия // Войны и население Юга России в XVIII - начале XXI в.: историко-антропологические очерки. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – С. 239–279 – ISBN 978-5-4358-0203-0.
3. Южный и юго-восточный фронтир России в XVI–XVIII века: очерки истории. Коллективная монография. – Ростов-на-Дону: ООО «Альтаир», 2024. – 864 с.

4. Черницын, С. В. Казаки-мусульмане: этнодемографические процессы (2-я пол. XIX - нач. XX вв.) / С. В. Черницын // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2004 год. Дикаревские чтения: материалы Северокавказской науч. конф., Краснодар, 22-24 сент. 2005г. / сост., науч. ред. М.В.Семенцов. – Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2005. – С. 65–72.
5. Матишов, Г. Г. Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской / Г. Г. Матишов, Т. Ю. Власкина, А. В. Венков, Н. А. Власкина. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 216 с.

УДК 316.6:172.12

ПАТРИОТИЗМ ГЛАЗАМИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ ЮФУ И СКФУ

Внукова Л.Б., канд. полит. наук, ORCID 0000-0001-8994-9615
ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
vnukoval@yandex.ru

Введение. Тезисы посвящены результатам опроса, проведенного в апреле 2026 г. в Южном и Северо-Кавказском федеральных университетах. Были опрошены 464 респондента в ЮФУ и 437 в СКФУ, всего 901 человек. Юношей 41,5%, девушек 58,5% в возрасте 18-20 лет – 71,1%; 21-23 года – 25,3%, остальные старше 24 лет. Распределение по специальностям: общественные и гуманитарные науки (36,2%), естественнонаучные специальности (33,2%), технические и компьютерные специальности (30,6%), предполагалось, что ошибка выборки составит не более 5%.

Основная часть. На прямой вопрос 80,7% ответили, что являются патриотами, «нет» – 3,7%, при условии, что 14,5% затруднились обозначить свою позицию. В Табл. 1 представлено распределение главных характеристик патриота по мнению студентов в порядке предпочтения от самой к наименее популярной характеристике. Первые две позиции и в предшествующих опросах были наиболее выбираемыми [1]. Сторонников третьей позиции «за дружбу между народами» несколько больше, чем тех, кто разделяет пятое убеждение о «сильной России, чтобы боялись и уважали», что свидетельствует о предпочтении дипломатических методов. Характеристики, которые можно было бы определить как отражающие коллективизм и жертвенность (седьмая, восьмая, одиннадцатая и двенадцатая) не являются фаворитами среди студентов, что говорит о сложных взаимосвязях индивидуализма и коллективизма, что также отмечается в ряде других исследований [например: 2; 3].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Кого бы Вы назвали патриотом России? Выберите три главных характеристики патриота по вашему мнению» (доступно три варианта ответа)

Варианты ответа		**Проценты**
1.	Знает и уважает историю России, культуру и традиции населяющих ее народов	54,5 %
2.	Любит природу родной страны и борется за ее сохранение	43 %
3.	Поддерживает дружбу между народами России и других стран	31 %
4.	Патриотом может быть и человек, который желает жить за границей либо уже живет, но продолжает любить свою родину	26 %
5.	Хочет видеть Россию сильной, чтобы политические деятели других стран боялись и уважали Россию	23,4 %
6.	Видит свое будущее только в России: хочет работать, развиваться и жить в России	21,8 %
7.	Защищает страну ценой своей жизни	20,3 %
8.	Трудится на благо страны, не ожидая «достойного» вознаграждения за свой труд	19 %
9.	Критикует «ошибки» политического руководства и указывает на имеющиеся социальные проблемы	15,6 %
10.	Хочет видеть Россию демократической страной с господством либеральных ценностей	14 %
11.	Ставит долг перед государством выше «личного»	11,1 %
12.	Проявляет терпимость по отношению к представителям нетитульных этносов в различных сферах экономической и политической жизни страны	8,1 %

Остановимся подробнее на смысле двух характеристик: «Патриотом может быть и человек, который желает жить за границей либо уже живет, но продолжает любить свою родину», которую выбрали больше четверти опрошенных, и «Видит свое будущее только в России: хочет работать, развиваться и жить в России», которую выбрали немного больше пятой части. Также как и в результатах опроса 2025 г. [1] только около 35% выбрали ответ «Я из России уезжать не собираюсь, буду строить свое будущее и развивать страну вместе с другими патриотами» на вопрос «Как Вы относитесь к перспективе эмигрировать из страны?». Вариант «Я буду смотреть по ситуации, особого желания эмигрировать у меня нет, хотя такую возможность я не исключаю» набрал почти 30%, упомянуть стоит и 4,9% тех, кто при появлении возможности собирается уехать «... на ПМЖ в

другую страну, потому что достойного и безопасного будущего в России не вижу». Получается, что порядка 80% обозначили себя как патриотов, но при выяснении нюансов, смысл патриотизма оказался разный, в том числе, не исключающий эмиграцию.

Что касается уточнения конкретных действий, совершенных из патриотических позиций, то 34% ответили, что участвовали в волонтерском движении и/или добровольческих акциях; 31% помогали собирать гуманитарную помощь пострадавшим и только около пятой части указали, что не совершали подобных действий (Рис. 1).

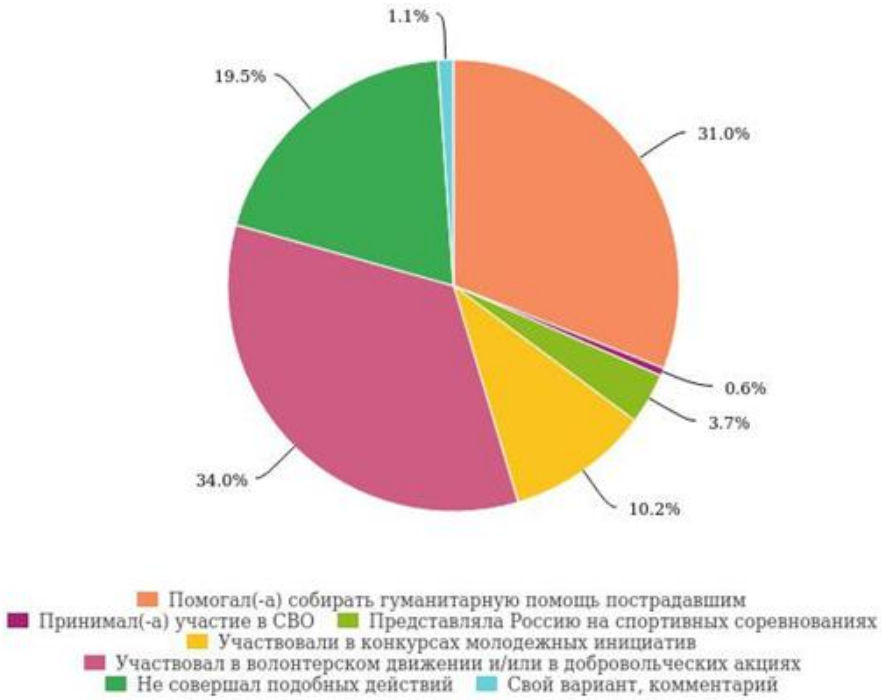

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какие действия вы совершали из патриотических позиций?».

Заключение. На протяжении последних лет, изучая динамику патриотических настроений среди студенческой молодежи, наблюдается устойчивое противоречие между заявляемым уровнем патриотизма и ответами на уточняющие вопросы о его содержании. Результаты исследования будут полезны для корректировки существующих воспитательных программ в вузах и в сфере молодежной политики.

Информация о финансовой поддержке: *Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН (№ госрегистрации 125011200149-6).*

Список литературы

1. Внукова, Л. Б. Патриотические взгляды студенческой молодежи юга России / Л. Б. Внукова // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2026. – № 2 (97). – С. 169–177. – DOI: 10.5281/zenodo.22102564. – EDN: HJTLOU.

2. Селезнева, А. В. «В слове „МЫ“ сто тысяч „Я“»: коллективное и индивидуальное в мировоззрении российской молодежи / А. В. Селезнева, Д. Д. Тулегенова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26. № 2. – С. 341–356. – DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-341-356. – EDN: MPJWST.
3. Пищик, В. И. Тренды коллективизма и индивидуализма в ментальности представителей молодых поколений / В. И. Пищик, Д. С. Жолдасов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т 12. – № 1. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN124.pdf (дата обращения: 30.09.2026). – Текст: электронный.

УДК 94(470)

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У НАСЕЛЕНИЯ НОВОРОССИИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Гончаренко Л.Н.[1], д-р ист. наук, проф.,
Авакова Э.Б.[2], канд. социол. наук, доц., ORCID 0000-0002-5305-5748
[1] ЧОУ ВО «Балтийский гуманитарный институт», г. Санкт-Петербург, РФ
[2] ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», г. Санкт-Петербург, РФ
lngksp@rambler.ru, *elina_avakova@mail.ru*

Введение. Одним из важнейших процессов в истории России является формирование единой российской нации. Истоки его уходят в далекое прошлое. На каждом этапе истории России этот процесс актуализировался, наполнялся новым содержанием, приобретая, в конечном счете, необратимый характер. Важнейшую роль в консолидации народов России играл и играет русский народ, статус которого, как государствообразующего народа, закреплен в Конституции РФ. Именно полиэтнический русский народ составляет ядро российской нации, является гарантом её нерушимости и формирует устойчивую модель объединения народов России. Одной из важнейших проблем процесса формирования единой российской нации является формирование общей российской национальной идентичности. Идентичность – сложное психо-мировоззренческое состояние личности, когда она отождествляет себя с определенными социальными общностями – половыми, профессиональными, возрастными, либо иными группами населения. Важнейшей для возникновения и дальнейшего существования любого государства является формирование национальной, общегосударственной идентичностей населения.

Цель настоящей публикации – проанализировать факторы, оказавшие воздействие на формирование общероссийской идентичности в Новороссии в имперский период Российской истории. Заложенные в тот

период национальные скрепы охватывали все важнейшие аспекты народной жизни, что не только проявилось в последующие периоды Российской истории, но и ярко проявилось после крушения СССР, государственного переворота на Украине в 2013-2014 гг. и в ходе проведения СВО.

Основная часть. *Фактор общей истории.* Территориально Новороссия является одним из крупнейших и важнейших историко-культурных регионов России. К концу XIX в. её территория охватывала территории Северного Причерноморья и Донбасса. Данный обширный регион прорезан нижними течениями таких рек, как Днепр, Днестр и Буг. В основном это были степные пространства, которые на востоке сливались с степями восточной части России, и издавна служившее местом обитания кочевых племен, передвигающихся из Азии на Запад. Не менее важно подчеркнуть, что на Черноморском побережье в древности располагалось значительное количество греческих, позднее римских, византийских, а затем и генуэзских колоний. Большие или меньшие по своим размерам, они, тем не менее, взаимодействовали с местными народами региона и оставили неизгладимый след в их истории. В эпоху средневековья на данной территории происходили регулярные политические контакты и военные противостояния Древнерусского государства с представителями тюркского кочевнического мира. Среди религиозных событий, так или иначе способствовавших формированию общероссийской идентичности, и связанных с рассматриваемым регионом, можно назвать: путешествие апостола Андрея (Первозванного) в славянские земли, процесс христианизации Руси, а также политико-религиозное взаимодействие представителей династии Рюриковичей с государствами-представителями православного мира, осуществлявшееся, в том числе, через данную территорию.

Военно-политический фактор. В эпоху Нового времени территория Новороссии неоднократно становилась центром боевых действий судьбоносного характера. Русско-турецкие войны и, в особенности, Крымская война, навеки вошли в историю как важнейшие этапы становления Российской державы и как события, изобиловавшие множественными примерами невиданного героизма и проявлениями воинского полководческого и военно-морского искусства. На пространстве Новороссии оттачивали свои воинское мастерство А. В. Суворов, М. И. Кутузов, Ф. Ф. Ушаков, Г. А. Потемкин и многие другие великие полководцы и флотоводцы Российской империи. Население региона было не только свидетелем, но и участником многих судьбоносных событий российской истории. Значение заключенных по итогам победоносных войн этого периода договоров велико и имеет непреходящее значение. Они закрепляют международное политико-дипломатическое признание соответствующих территорий Новороссии в составе России. Этот фактор

имел важное значение в отношении прав собственности, а также внутреннего самоощущения подданных империи.

Демографический фактор. Заселение края осуществлялось главным образом за счет переселение людей из регионов Малороссии и центральных областей России. Об этом, в частности, говорят название многих населённых пунктов с приставкой «ново-» и перечнем русских имен. Правительством жаловались земли Новороссии не только царским сановникам, но и лицам «всякого звания». Власть была заинтересована в создании военно-пограничных поселений на новых территориях государства. С этой целью закреплялся и высокий статус казачества как отдельного сословия. Среди населения с самого начала был распространен русский язык и в сельских местностях малороссийский суржик.

Административный фактор. В 1762 г. на территории Новороссии были образованы два округа: Новая Сербия и Славяносербия. Сюда устремилось большое количество крестьян из регионов России с господствующими отношениями крепостного права и правительство, заинтересованное в заселении свободных земель, вынуждено было с этим считаться. Хозяйственное освоение Новороссии нарастало и приобрело весьма интенсивный характер при князе Г. А. Потемкине, успешно управлявшим данным краем вплоть до своей кончины в 1791 г.

Среди переселенцев было немало бывших иностранных подданных. Так в регион широко переселялись иностранцы православного вероисповедания – сербы, греки, болгары, валахи, а также венгры из Габсбургской империи и евреи из Польши. Крымские татары и греки продолжали жить на территории региона. Регион становился пространством взаимодействия народов и в этом своём качестве ничем не отличался от многих других частей Российской империи. Интегрировался в состав Российской империи он административно. Власть показывала, что это не колония и не временно занятая территория, а полноправный регион Российской империи.

Во времена правления Екатерины Великой с 1764 по 1783 гг. существовала Новороссийская губерния, которая затем трансформировалась в Екатеринославское наместничество. Павел Первый в 1796 г. возродил Новороссийскую губернию, которая в 1802 г. была разделена на Николаевскую, Екатеринславскую и Таврическую, а в 1803 г. Николаевская была переименована в Херсонскую. В 1805 г. в Одессе формируется Николаевско-Бессарабское генерал-губернаторство. С 1805 по 1825 г. Одесса являлась административным центром обширного Новороссийского края. В итоге Новороссия вобрала в свой состав Бессарабскую, Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую и Ставропольскую губернии, а также Область Войска Донского.

Во множественном количестве строились на территории региона и новые города. Кроме вышеупомянутой Одессы это были: Екатеринослав,

Николаев, Херсон, Елисаветград, Севастополь, Симферополь, Мариуполь и ряд других городов. Возрастала роль столицы Древнерусского государства – Киева, располагавшегося вблизи Новороссии. Он занимал место одного из центров становления и развития общерусского национального самосознания и третьей столицы Российской империи.

Культурный фактор. Синхронно с Центральной Россией в Новороссии развивалась культура. Прежде всего – это образование: школьное: религиозное, светское, а затем и высшее. Так. в 1865 г. в Одессе был основан Императорский Новороссийский университет. Наука, художественная культура региона развивались в неразрывной связи с общероссийским культурным процессом, обогащая и дополняя его. В имперский период истории на территории Новороссии родились либо же проживали многие выдающиеся деятелей русской культуры – поэты, писатели, художники и ученые.

Экономический фактор. Начиная с 1860-х гг. по территории Новороссии было проложено свыше 10 магистральных железных дорог, которые играли важнейшее значение в экспортных поставках российского зерна на международные рынки через черноморские порты. Промышленное развитие региона было обусловлено открытыми угольных и железнорудных месторождений. Началась разработка Донецкого угольного бассейна, с 1880-х гг. происходила добыча марганца у Никополя и ртути близ Никитовки, Криворожского железорудного месторождения. К 1902 г. в Новороссии насчитывалось уже 20 металлургических заводов, в городах региона был построен ряд крупных машиностроительных заводов, развивалось судостроение. Регион в целом демонстрировал впечатляющие результаты интеграции в общероссийское и международное экономическое пространство.

Заключение. Таким образом, все нами вышеперечисленные факторы являлись той объективной основой, на которой формировалась идентичность местного населения как равноправной части единой Российской национальной общности.

УДК 94:316.7:323.1(430-52:477.7)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОСНОВ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Дмитриченкова Е.А., ORCID 0009-0009-4489-3481
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
eliseeva_rina@inbox.ru

Ведение. Немецкая колонизация южных регионов Российской империи выступает важным предметом для изучения процессов социокультурной интеграции. Столкновение традиционных хозяйственных и конфессиональных практик переселенцев с новыми условиями жизнедеятельности привело к сложным межкультурным взаимодействиям и глубоким ментальным трансформациям.

Основная часть. Начальный этап колонизации юга России характеризовался крайней неоднородностью прибывающего немецкоязычного населения. На земли Северо-Восточного Приазовья переезжали выходцы из множества разрозненных германских государств, которые являлись носителями локальных идентичностей, осознавая себя баварцами, швабами, эльзасцами или гессенцами. Различия в географическом происхождении обуславливали использование разнообразных диалектов, выступавших мощным фактором обособления различных групп колонистов друг от друга. Диалект служил своеобразной культурной границей, жестко отделявшей одну замкнутую общину от другой.

Фундаментальным фактором консолидации и сохранения самобытности колонистов выступала религия [1]. Немцы-переселенцы делились на конфессиональные общности: лютеран, католиков и меннонитов. Религиозные институты строго регулировали семейный быт, начальное образование и управление колоний [2]. Наиболее ярким примером трансформации религиозной группы в этноконфессиональную общность являются меннониты, вероучение которых базировалось на строгом пацифизме и осознанном стремлении к изоляции от светского государства, что надежно препятствовало процессам ассимиляции.

Правовой статус колонистов закреплялся специальными правительственными актами: манифестом Екатерины II 1763 г. и «Правилами для принятия и водворения иностранных колонистов», утвержденными Александром I в 1804 г. Также для меннонитов особую роль играла Жалованная грамота Павла I от 1800 г. Привилегии включали свободу вероисповедания, вечное освобождение от воинской повинности, предоставление крупных земельных наделов и автономное

самоуправление [3]. Выделение колонистов в особую категорию населения дистанцировало их от местного крестьянства. Отношения немецких поселенцев с соседями различных этносов носили прагматичный экономический характер. Состоятельные немцы нанимали крестьян для сельскохозяйственных работ. Браки между представителями немецких общин и славянским населением являлись исключительной редкостью.

Для окружающего населения все эти разнородные группы сливались в единый стереотипный образ иностранца. Местные жители называли всех немецкоязычных переселенцев просто немцами или колонистами [4]. С течением времени и сами поселенцы начали идентифицировать себя через принадлежность к единому колонистскому сословию, основанному на местном территориальном патриотизме. Родной землей для подавляющего большинства выступала не далекая историческая прародина, а конкретная процветающая колония, где тесное переплетение аграрных и ремесленных традиций зачастую приводило к высокому уровню экономического благосостояния общины [5].

Система управления немецкими поселениями претерпела кардинальные изменения во второй половине XIX в. В рамках реформы 1871 г. был ликвидирован особый статус колонистов, автономная система самоуправления иностранных поселений переводилась под юрисдикцию общих губернских органов власти [6]. Все официальное делопроизводство отныне должно было вестись исключительно на государственном – русском языке.

Наиболее болезненным ударом с точки зрения трансформации идентичности немецких поселений стала жесткая политика языковой ассимиляции в сфере образования. Первоначально школы в колониях находились под полным контролем общин, а обучение велось на немецком языке. С 1871 г. имперское правительство ввело обязательное преподавание русского языка и передало надзор за образовательными учреждениями государственным инспекторам [7]. Дополнительным испытанием стало введение всеобщей воинской повинности в 1874 г., что вызвало неприятие среди меннонитов. Отказ от применения оружия составлял незыблемую основу их веры, что спровоцировало эмиграцию наиболее консервативной части меннонитского населения за океан.

Рубеж XIX-XX вв. стал временем сложной интеграции оставшегося немецкого населения в российское общественное пространство. Усиливающееся государственное давление и стремительный рост антигерманских настроений заставляли колонистов искать новые формы социальной самоидентификации. Именно в этот исторический период окончательно оформляется концепт российских немцев, выражающих безусловную лояльность российской короне [4]. Новая идентичность немцев Северо-Восточного Приазовья строилась на совмещении гражданской принадлежности к империи и сохранения этнической

обособленности [2]. Этот глубокий дуализм определял всю специфику их социокультурного облика.

В условиях Первой мировой войны антигерманская политика крайне негативно воздействовала на судьбы российских немцев, что нашло прямое отражение в суровых «ликвидационных законах» 1915 г., направленных на принудительную экспроприацию немецких земель и расселение их жителей в глубь страны [6].

Заключение. Процесс становления идентичности немецких колонистов Северо-Восточного Приазовья был многомерным. Изолированные конфессиональные общины прошли долгий и противоречивый путь от узкого локального сознания к пониманию себя как органичной части большого государства. Закономерным итогом эволюционного развития стало формирование уникального феномена российских немцев, чья идентичность базировалась на синтезе немецкого культурного наследия и гражданской принадлежности к российскому государству.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ «Становление основ российской идентичности на землях Новороссии в Северном Причерноморье в период с середины XVIII до начала XX вв.» (грант № 26-18-00133).*

Список литературы

1. Безносова, О. В. Меннонитская община-церковь в царской России: особенности устройства и взаимоотношений с государством в колонистский период (1786-1874) / О. В. Безносова // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): Материалы XI международной научной конференции. Москва, 1-3 ноября 2006 г. – М. : МСНК-пресс, 2007. – С. 90–100.
2. Захарченко, Т. К. Соціокультурний розвиток німецьких і менонітських колоній Північного Приазов'я (XIX – початок XX століття): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / Т. К. Захарченко. – Дніпропетровськ, 2005. – 216 с.
3. Крылова, А. Н. Молочанские немцы-меннониты и окружающий социум: особенности земельных отношений / А. Н. Крылова // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): Материалы XI международной научной конференции. Москва, 1-3 ноября 2006 г. – М. : МСНК-пресс, 2007. – С. 72–79.
4. Лях, К. С. Німецькомовні колоністи Півдня України в мультинаціональному оточенні: проблема взаємодії культур (XIX – початок XX ст.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / К. С. Лях. – Запоріжжя, 2005. – 265 с.
5. Юзбашева, Н. Л. Колония Ямбург: становление и развитие (по документам Государственного архива Днепропетровской области) / Н. Л. Юзбашева // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): Материалы XI международной научной конференции. Москва, 1-3 ноября 2006 г. – М. : МСНК-пресс, 2007. – С. 80–89.
6. Бобылева, С. И. Система образования немецких колоний начала XX века и «ликвидационные» законы (на материалах южных губерний России) / С И. Бобылева

// Немцы России и СССР, 1901-1941 гг.: Материалы международной научной конференции. Москва, 17-19 сентября 1999 г. – М. : Готика, 2000. – С. 96–110.
7. Черказьянова, И. В. Русификация российских немцев: политика государства, компромиссы и протесты общества / И. В. Черказьянова // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной научной конференции. Москва, 18-20 сентября 2008 г. – М.: «МСНК-пресс», 2009. – С. 37–59.

УДК 325.5:908(470)

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНОСТРАННОЙ КОЛОНИЗАЦИИ НОВОРОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Замуруйцев А.В., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0002-3996-0087
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,
г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
grifon632@rambler.ru

Иностранная колонизация Новороссии оказала заметное влияние на социально-экономическое и культурное развитие этой территорий. Ее проведение, во многом, было связано с особенностями внутреннего развития Российской империи того времени. В условиях существования крепостного строя обычная национальная колонизация была довольно проблематичной из-за отсутствия достаточного количества свободных человеческих ресурсов. Одним из шагов в решении данной проблемы стало широкое привлечение в этот процесс иностранных переселенцев из Европы, которые должны были стать надежной опорой центральной власти на местах и способствовать быстрому освоению и интеграции южных окраин империи в единую экономическую и политическую систему Российского государства.

Первые подобные попытки предпринимались еще во времена правления российской императрицы Елизаветы Петровны (1741-1762 гг.). По ее указу в начале 50-х гг. XVIII в. с целью ускорения заселения южного региона тогдашней Малороссии и ее защиты от крымских татар на границах с Запорожской Сечью началось строительство целой сети укрепленных поселений, которые заселяли переселенцы православного вероисповедания из Австрийской империи и Балканского полуострова. Данная территория получила название Новая Сербия. Однако, надежды правительства на быстрое освоение этих земель не оправдались, прежде всего из-за незначительного общего количества иностранцев, переселявшихся сюда в то время [1].

При императрице Екатерине II (1762-1796 гг.) идея иностранной колонизация получает новое развитие. Этот процесс в значительной степени регулировался российским правительством, опиравшимся на определенные правовые акты и систему государственных учреждений управления и надзора. Его основу составили соответствующие законодательные документы, провозглашавших приоритетное значение подобной политики для российского государства и определявшие ее основные направления развития. К их числу относятся манифесты от 4 декабря 1762 и от 22 июля 1763 г., которые четко определяли льготы и привилегии, предоставлявшиеся иностранным переселенцам в Российской империи [2].

Вербовались будущие переселенцы российскими резидентами при европейских дворах или же частными вербовщиками, к услугам которых часто прибегало российское правительство. Значительную часть подобных переселенцев составляли немцы, чему способствовали тогдашние тесные связи между Россией и Германией, а также значительные прогерманские настроения в высших кругах России.

Почти одновременно с появлением законодательных актов создается система государственных учреждений для проведения колонизации, управления и надзора над колонистскими поселениями. Последняя, представляла собой типичную для того времени бюрократически-иерархическую структуру. В 1763-1782 гг. эту задачу выполняла так называемая «Канцелярия опекунства иностранными колонистами». С образованием губерний эти функции перешли учреждениям, ведавшим как государственными крестьянами, так и управлением колониями (1782-1797 гг.). В 1797 г. в ходе очередной реорганизации эта роль переходит к «Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства», а несколько позднее подобные органы управления были сформированы на местах.

26 апреля 1800 г. в Екатеринославе создается «Контора опекунства новороссийскими иностранными поселенцами» (1800-1833 гг.), которая до 1818 г. была высшим органом управления колониями Юга России. С 1818 г. ее функции берет на себя так называемый «Попечительский комитет об иностранных поселенцах южного края России» (1818-1871 гг.). В его состав входили местные губернские «Конторы опекунства», а сам он подчинялся Министерству внутренних дел (1818-1837 гг.) и Министерству государственных имуществ (1837-1871 гг.). Сфера их деятельности охватывала территорию трех губерний Новороссии – Херсонской, Екатеринославской и Таврической – возникших осенью 1802 г.

Первые колонии немцев и менонитов появились на территории Новороссии появились в 80-90-х гг. XVIII в., однако наибольших размах этот процесс получает уже в первой трети, следующего XIX в., в годы правления Александра I (1801-1825 гг.). Указом от 20 февраля 1804 г. был

установлен более тщательный отбор кандидатов на переселение в Россию. Приоритет получали, те из них, кто имел опыт ведения сельскохозяйственного производства и зарекомендовал себя хорошим хозяином [3]. Благодаря этим мерам, примерно с 1803-1804 гг. наблюдается быстрый рост общего количества немецких и менонитских поселений в регионе. Только за первое десятилетие XIX в., в 1803-1811 гг., было основано 74 новые колонии [4].

Однако, в связи с постепенным исчерпанием фонда свободных государственных земель, которыми наделялись прибывающие колонисты, и неоправданно большими затратами на их обустройство, отношение к иностранной колонизации в стране становилось все более сдержанным и согласно Положению Комитета министров от 5 августа 1819 г. переселение иностранцев в Россию прекращалось [5]. Это положило, хотя и не сразу, конец активной внешней немецкой колонизации в России, которая, впрочем, постепенно угасая, продолжалась, примерно, до 60-х гг. XIX в.

Общим результатом данной государственной политики стало появление на территории Новороссии, большой группы немецких и менонитских колоний. По данным X ревизии 1858 г. их насчитывалось около 200 [6].

Давая общую оценку проведению российским правительством иностранной колонизации Новороссии в рассматриваемый период, следует отметить, что ее результаты были достаточно неоднозначны. С экономической точки зрения ее эффект оказался не таким быстрым, как рассчитывалось в начале, а затраты на ее проведение довольно значительными. Свою роль сыграли и непривычные природно-климатические условия, с которыми столкнулись немецкоязычные переселенцы на новых землях. Для их адаптации потребовалось немалое количество времени. В социальном отношении колонисты, в особенности – менониты, составляли достаточно замкнутую, слабо связанную с местным населением группу. В тоже время, необходимо отметить, что в долгосрочной перспективе подобная политика имела свой положительный эффект и основанные в обозначенный период колонистские поселения стали важным элементом общего фундамента последующего экономического и культурного подъёма данного региона уже в последующий пореформенный период.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ «Становление основ российской идентичности на землях Новороссии в Северном Причерноморье в период с середины XVIII до начала XX вв.» (грант № 26-18-00133).*

Список литературы

1. Кабузан, В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII - первой половине XIX века (1719-1858 гг.) / В. М. Кабузан. – М.: 1976. – 307 с.

2. Черказьянова, И. В. К 250-летию манифеста Екатерины II о приглашении иностранных колонистов в Россию / И. В. Черказьянова // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект (XVIII-XX века) / Отв. ред. Т. А. Шрадер. – СПб., 2014. – Вып. 8. – С. 7–16.
3. Высочайше утверждённый доклад Министра внутренних дел «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVIII. 1803-1804. – СПб., 1830. – № 21163. – С. 292–296.
4. Государственный архив Республики Крым (ГА РК). – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 24512. – 73 л.
5. Положение Комитета министров «О пресечении дальнейшего переселения в Россию иностранных выходцев» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVI. 1819. – СПб., 1830. – № 27912. – С. 325.
6. Клаус, А. А. Наши колонии: опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1 / А. А. Клаус. – СПб.: тип. В. В. Нусвальта, 1869. – XII, 456, 102 с., 2 л. карт.

УДК 316.3:159.923.2(470)

СТРУКТУРА ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НОВОРОССИИ

Колесник А.В., д-р ист. наук, доц., ORCID 0000-0002-4933-8438,
Дмитриченкова Е.А., ORCID 0009-0009-4489-3481
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
akolesnik2007@mail.ru, *eliseeva_rina@inbox.ru*

Введение. Актуальность исследования обусловлена потребностью в междисциплинарном осмыслении исторического опыта интеграции разнородных этноконфессиональных групп в условиях интенсивного государственного освоения Северного Причерноморья, в частности, земель Новороссии. Целью является разработка и обоснование структурной модели эволюции российской идентичности на землях Новороссии в неразрывном контексте становления российской государственности. Научная новизна работы состоит в изучении кумулятивных механизмов консолидации переселенцев во взаимодействии с социально-экономическим компонентом для анализа коллективного самосознания как маркера российской идентичности.

Основная часть. Идентичность традиционно определяется наукой как комплексный сложно структурированный социокультурный феномен, сущностно связанный с системой представлений отдельной личности о факте своей включенности в различные человеческие объединения. Отечественная исследовательская парадигма различает два фундаментальных и тесно взаимосвязанных уровня данного

социокультурного явления [1]. Первый уровень реализуется строго в рамках этнокультурных страт, охватывая этнические, языковые и глубокие религиозные параметры человеческого бытия. Второй уровень формируется непосредственно в составе социально-политических объединений, включая разнообразные сословные институты, гильдии и профессиональные корпорации. В масштабах европейского континента наиболее сложной формой коллективного самосознания обоснованно признается макроидентичность, стабилизирующая духовно-нравственную оболочку государственности и выступающая строгой идеологической антитезой космополитизму.

Государственная идентификация подразумевает целенаправленное вычленение социальных или религиозных групп подданных исключительно в контексте достижения глобальных целей официальной государственной политики. Для отдельного индивидуума описываемый процесс гарантированно обеспечивает успешную социально-психологическую адаптацию к существующей политико-экономической системе. Для разветвленного государственного аппарата он существенно облегчает непосредственное бюрократическое управление макроэкономическими и демографическими процессами. Российская идентичность имперского периода понимается как ценностно-ориентированное отождествление с обширным государственным пространством Российской империи. Указанный конструкт исторически базировался на династической лояльности, сословной интеграции и конфессиональной общности подавляющего большинства населения [2]. Это особый кумулятивный механизм поэтапного включения человека в сеть пересекающихся общностей: территориальную, этническую, политическую, религиозную, материальную.

Специфика процесса становления имперской макроидентичности на исторических землях Новороссии в период середины XVIII – начала XX вв. всецело определялась полиэтничным составом населения Северного Причерноморья. Важным фактором формирования этнокультурного самосознания народов Новороссии являлся крайне непростой переселенческий опыт. Мигранты массово сталкивались с острой необходимостью физического и социального выживания в условиях совершенно нового географического региона, что требовало максимально повышенного внимания к непривычной природно-климатической и социокультурной обстановке. Несмотря на пестроту полиэтничного региона, включавшего значительные по численности общины греков, сербов, армян и иностранных земледельческих колонистов, основным демографическим стержнем масштабного освоения пустующих земель выступал миграционный поток восточнославянского крестьянства. Многочисленные выходцы из великорусских и малороссийских губерний сформировали надежный базовый социокультурный ландшафт региона,

обеспечив абсолютное и устойчивое демографическое преобладание на всей территории Новороссии [3]. Правительственные инстанции намеренно санкционировали сохранение обширных зон компактного проживания колонистов ради минимизации потенциальных рисков возникновения межэтнических конфликтов на сугубо бытовой почве.

Действенным инструментом имперской интеграции выступала опора на конфессиональную близость большинства прибывающих переселенцев. Однако имперская внутренняя политика демонстрировала прагматичную веротерпимость к инославным христианам и представителям иных религий, при обязательном условии их доказанной хозяйственной полезности и абсолютной политической лояльности российской короне [4].

Практическая реализация разработанной интеграционной модели на местах доказывает бесконфликтное сочетание общероссийской идентичности на сословном уровне с устойчивой локальной этнической самоидентификацией в узкой сфере веры и повседневных бытовых традиций. Яркий и самобытный этнокультурный колорит изолированных локальных групп иностранных мигрантов совершенно не разрушал общую фундаментальную структуру государственного сознания. Баланс достигался преимущественно за счет грамотного присоединения местных и этнических элит в состав единого правящего класса Российской империи. Механизм целенаправленного пополнения (кооптации) локальных верхов в потомственное российское дворянство являлся универсальным и наиболее эффективным методом управления сложными интеграционными процессами на всех обширных национальных окраина государства [5].

Местная экономическая и управленческая элита сплоченных сообществ греков, армян, сербов, немцев обеспечивала абсолютно надежную ретрансляцию общегосударственной державной системы непреходящих ценностей. Данная система, основанная на гарантиях защиты частной собственности, широких карьерных перспективах и надежном покровительстве имперского закона становилась экономически и социально притягательной для всего локального переселенческого сообщества. Примененная на южных рубежах модель системной интеграции на практике представляла собой сложную схему взаимосвязанных концентрических кругов. Самый малый внутренний круг местных локальных обычаев предельно органично вписывался в средний круг региональных торгово-экономических интересов, а те неразрывно замыкались в самом большом круге тотальной имперской политической лояльности и династического подданства. На среднем уровне происходил контакт с населением, закрепившимся на этой территории ранее.

Заключение. Российская идентичность переселенцев Новороссии эволюционировала в непосредственном контексте становления российской государственности. На бытовом уровне всегда сохранялась устойчивая

естественная привязанность людей к родным языковым и укоренившимся конфессиональным традициям, что успешно нивелировало психологический стресс от миграции и обеспечивало солидарность разрозненных диаспор. На государственно-политическом уровне постепенно и неуклонно формировалась общероссийская идентичность, подкрепленная институтом династического подданства, осознанной прагматичной веротерпимостью властей и совместным служением Отечеству. Государственная правительственная политика колонизации продемонстрировала высокую управленческую адаптивность. Восточнославянское крестьянство сформировало монолитный демографический базис, вокруг которого планомерно происходила мирная интеграция остальных этнических групп. Представленная аналитическая модель эволюции социокультурного облика южного региона неоспоримо доказывает высокий интеграционный потенциал Российского государства исторически функционировать как самобытная уникальная цивилизация, которая способна гармонизировать разновекторные интересы множества народов ради достижения геополитических и макроэкономических целей.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ «Становление основ российской идентичности на землях Новороссии в Северном Причерноморье в период с середины XVIII до начала XX вв.» (грант № 26-18-00133).*

Список литературы

1. Тишков, В. А. Этнология и политика. Научная публицистика / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – 240 с. – ISBN 5-02-008799-8.
2. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с. – ISBN: 5-86793-435-7.
3. Кабузан, В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII - первой половине XIX века (1719-1858 гг.) / В. М. Кабузан. – М.: 1976. – 307 с.
4. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад / А. Каппелер; пер. с нем. С. Червонной. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 342 с. – ISBN: 5-89493-009-X.
5. Трепавлов, В. В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность / В. В. Трепавлов // Вопросы истории. – 2007. – № 11. – С. 155–162.
6. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 1. – 548 с.

УДК 94(477.6):39

ГИДРОЛАНДШАФТ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ И ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРИАЗОВЬЕ (XVIII–XIX ВВ.)

Комар Я.В., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0001-8401-0190
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва, РФ
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»,
г. Москва, РФ
komaryana2006@gmail.com

Приазовье XVIII–XIX веков является уникальной контактной зоной, на территории которой на протяжении столетий жили и взаимодействовали представители многочисленных этносов, среди которых, греки, украинцы, русские, немцы, болгары и другие. Активная колонизация и хозяйственное освоение края сформировали сложные механизмы самоидентификации жителей, которые не сводились исключительно к этническим или конфессиональным маркерам. Важным, но недооценённым фактором этого процесса выступал гидроландшафт – совокупность водных объектов (реки Кальмиус, Миус, Берда, Молочная, Азовское море), которые являлись не просто природным фоном, но выступали активным агентом социального и культурного конструирования самоидентификации. Мы исходим из тезиса, что гидроландшафт Приазовья выступил медиатором, сформировавшим два взаимосвязанных уровня идентичности: локальную, которая основывалась на совместном преодолении дефицита воды, и общероссийскую, реализация которой проходила через сакрализацию водных источников и встраивание их в общий нарратив «святой Руси».

Засушливый климат Приазовья и маловодность рек создавали объективные предпосылки для формирования особого отношения к воде. По материалам гидрологических исследований реки Донецкого бассейна отличались незначительной протяжённостью (до 100 км), также для них характерен малый водосборный бассейн и крайне неравномерный сток, что означает, что весной кратковременно многоводны, а летом многие из них по большей части или полностью пересыхают. Среднее количество осадков не превышало 440 мм в год, при этом испарение достигало 800 мм [1]. В этих условиях родники, колодцы и ставки приобретали значение жизненно важных объектов, а их наличие или отсутствие определяло возможность хозяйственного освоения края.

Потребность в воде стала одним из главных факторов консолидации локальных сообществ. Например, источник Святителя Николая в Авдеевке был известен ещё до основания поселения в 1778 году, так как служил местом отдыха чумаков. Аналогичную остановку в XVIII веке совершали

чумаки на источнике Пантелеимона Целителя в Ремовке, кроме того местная вода расценивалась как лекарство не только для людей, но и для животных. Вокруг этих источников постепенно формировались устойчивые общины, объединённые хозяйственной необходимостью, а также общей памятью о месте.

Водные артерии выполняли и функцию путей сообщения. Северский Донец и Кальмиус, также, как и Мариупольский порт, использовались для торговли, а река Молочная определила аграрную специализацию немецких колоний. Постепенно вокруг водных объектов стали формироваться поселения с устойчивой, стабильной пространственной структурой, где вода выступала как ресурсом, так и маркером принадлежности к определённой локальной общности.

Этническое многообразие региона наложило отпечаток на локальную специфику водопользования. Греческая и татарская традиция строить фонтаны является продолжением их картины мира, в которой бегущая вода считалась «живой», а колодезная рассматривалась как «мёртвая» и пригодная лишь для хозяйственных нужд. Немецкие колонисты Молочанского округа Таврической губернии, напротив, внедряли технологии искусственного орошения: как свидетельствуют материалы 1843 года, «якщо звичайні луки давали у середньому 40 пудів сіна з десятини, то зрошувані – 120, тобто у три рази більше» [2], а первая искусственная запруда была построена в Молочанском округе ещё в 1835 году. С одной стороны, локальная идентичность в Приазовье строилась на совместном преодолении дефицита воды и адаптации к специфическому гидроландшафту, а с другой стороны, каждый этнос привносил свои правила использования водных ресурсов, будь то украинские колодцы, греческие каптажи или немецкие ирригационные системы.

На уровне локальной общины вода являлась главным ресурсом выживания, а на общегосударственном уровне она давала возможность интеграции в единое имперское пространство. Необходимо было превратить «дикое поле», «степь» в часть «святой Руси», не только путем хозяйственного освоения, но и путем вписывания в общероссийский нарратив. Одним из таких инструментов стала сакрализация водных объектов. Типология механизмов сакрализации источников в Приазовье включает несколько устойчивых сюжетов, каждый из них вписывает локальный источник в общероссийскую религиозную традицию [3].

Наиболее распространённый сюжет – обретение иконы. В станице Митякинской (Область Войска Донского) в 1727 году двум девушкам явилась икона великомученицы Параскевы Пятницы, они услышали голос с указанием обойти станицу с иконой целью побороть чуму в селе. После совершения крестного хода эпидемия прекратилась, и с тех пор он совершался ежегодно. Данный сюжет воспроизводит общерусскую семантику явления святыни и закрепляет данное локальное место в

православном календаре. В Авдеевке икона Святителя Николая явилась девочке в отражении воды, аналогичные сюжет находит параллели в сибирских и алтайских традициях [4; 5].

Второй механизм – явление святого без иконописного образа. Появление Антипьевского источника у посёлка Ровеньки связывают с паломниками, которые, возвращаясь из Палестины, увидели в струях водопада человека в епископском облачении и позже узнали в нём священномученика Антипия, епископа Пергамского. Источник стал почитаемым и посвящённый этому святому, здесь также проходил ежегодный крестный ход в Преполовение, который сопровождался ярмаркой.

Особое место занимает сюжет, связывающий источник с фигурой монарха. В Приазовье такой фигурой выступает Петр I. Например, согласно преданию, таганрогские купцы доставляли ко двору воду из ремовского источника, и царь называл ее «доброй водицей» (источник Пантелеимона Целителя в Ремовке). Аналогичный сюжет был зафиксирован в селе Золотой Колодезь Добропольского м/о ДНР: Пётр I возвращался из Азовского похода 1696 года и отведал воды из местного источника, поразившись её качествами, он воскликнул: «Ах, водица золотая!», и бросил в колодец золотую монету, провозгласив: «Быть ему отныне Золотым Колодзеем!». Схожий сюжет отмечается и в Ростове-на-Дону: Петр I во время его визита на Дон в 1696 году, побывал на том самом месте, где теперь стоит Ростов-на-Дону, и отведал воду из источника. Ковш с водой подал ему донской казак. Царю вода понравилась, а источник он назвал – «Богатый колодезь». Прямых документальных свидетельств, которые бы подтвердили или опровергли эти события нет, однако легенды регулярно воспроизводятся и институционализируются: в 2008 году в Золотом Колодце была установлена скульптура Петра I, а в 2018 году памятник Петру I, которому казак подносит воду, был установлен в Ростове-на-Дону. Хронологическая привязка данных сюжетов к Азовским походам 1696 года позволяет предположить, что мы имеем дело с устойчивым фольклорным сюжетом, который циркулирует в пределах единого культурно-географического ареала.

Все вышеописанные механизмы: икона, святой, сон, легенда, вписывают локальные водные объекты Приазовья в общероссийский контекст. Попытка сакрализировать воду превращала «дикий» степной ландшафт в часть «святой Руси», формируя общероссийскую идентичность, основанную на православной вере и имперской лояльности. В широком смысле вода в Приазовье являлась не просто ресурсом, а культурным кодом, объединяющим локальное и общероссийское.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках реализации НИР «Жители Донбасса как историко-региональная и социокультурная общность» (FSZG-2026-0019).*

Список литературы

1. Гидрогеология СССР. Т. 6. Донбасс / Д. И. Щеголев, И. П. Соляков, И. Ф. Вовк [и др.] / Ред. Д. И. Щеголев. – М.: Недра, 1971. – 480 с.
2. Демура, Ю. Н. Направления развития и вклад хозяйств немецких переселенцев в аграрную инфраструктуру Северного Приазовья в XIX в. / Ю. Н. Демура // Новые страницы истории Донбасса. – 2008. – Т. 15/16. – С. 58–63.
3. Любимова, Г. В. Способы сакрализации пространства в современных религиозно-обрядовых практиках (на материалах сибирского региона) / Г. В. Любимова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 22. – С. 554–565.
4. Данилова, Н. К. Сакральный ландшафт: нарративные и символические репрезентации в мифогеографии народа саха / Н. К. Данилова // Антропологии/Anthropologies. – 2024. – № 1. – С. 47–63. – DOI: https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-1/47-63
5. Панченко, А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России / А. А. Панченко. – СПб.: Алетейя, 1998. – 319 с.

УДК 930.85

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ ДОНБАССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Левченков А.С., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0002-0058-9391
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»,
г. Москва, РФ
bohem2001@mail.ru

Введение. Освещение в российской учебной литературе вопросов истории генезиса и эволюции уникальной историко-культурной общности Донбасса в настоящее время стало одним из приоритетов отечественной образовательной политики как части внутренней политики России в целом. Деятельность в этом направлении является частью работы по сохранению и укреплению общего историко-культурного наследия, а также противодействию попыткам фальсификации истории.

Основная часть. До 2014 г. Донбасс практически не выделялся в российской учебной литературе как самостоятельный историко-культурный субъект, хотя регион и упоминался в контексте общерусских событий.

На Донбассе в то время шла работа по разработке и внедрению в образовательную практику учебников и учебных пособий по историческому краеведению региона [1; 2]. Издаваемые в те годы работы

включали информацию о специфике складывания многонациональной общности Донбасса. Однако содержание учебной литературы находилось под влиянием фактора нахождения Донбасса в составе Украины, что предопределяло соответствующие трактовки истории региона в контексте конструирования Киевом представлений о генезисе украинской государственности и общеукраинской гражданской идентичности [3, с. 376].

После провозглашения независимости Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в 2014 г. начали издаваться независимые учебные пособия [4]. Постепенно учебные пособия в ДНР и ЛНР стали выступать в качестве логических и структурных приложений к российским учебникам по истории России. Произошел отход от влияния украиноцентричного взгляда на формирование донецкой историко-культурной общности, история региона стала описываться как неотъемлемая часть истории российской государственности [5]. Отмечалось, в частности, что «история Донецкого края – местный вариант российской истории» [6, с. 5], и что «в Донбассе сложилась устойчивая межэтническая общность, разговаривающая на русском языке, с едиными ценностными ориентирами, чертами культуры, четким региональным самоощущением, идентичностью и устойчивой этнической и религиозной толерантностью» [7, с. 113].

Разработки ученых и педагогов ДНР и ЛНР во многом легли в основу дальнейшей работы по разработке общероссийской линейки учебно-методических изданий по истории Донбасса.

В России с середины 2010-х гг. активизировался процесс складывания научной базы изучения истории и культуры Донбасса в контексте более широкой историко-культурной общности Новороссии. Примером такой работы стал коллективный труд «История Новороссии» [8, с. 4]. В труде анализировалась специфика формирования этноязыковой карты региона и социально-экономического уклада, причины и последствия его включения в состав Украинской ССР с опорой на новейшие исследования, посвященные, в том числе, истории Донецко-Криворожской республики [9]. Подытоживая события 2014 г., авторы пришли к выводу, что именно на Донбассе особенности исторического развития Новороссии проявились наиболее глубоко [8, с. 828].

С 2022 г. начался новый этап в развитии учебно-методического обеспечения преподавания истории Донбасса. В новые учебники по истории России были включены события Русской весны и Специальной военной операции. Регионы Донбасса были включены в учебно-методические материалы нового курса «Основы российской государственности». В 2024 г. по поручению Президента России Владимира Путина началась работа по подготовке линейки единых учебников по историческому краеведению для воссоединенных регионов.

В авторский коллектив вошли специалисты из всех четырёх субъектов, что позволило учесть региональную специфику и показать их историю в неразрывной связи с историей России. К 1 сентября 2026 г. учебники «История нашего края. Донбасс и Новороссия» поступили в региональные школы. Учебники призваны обеспечить «получение учениками системного представления об основных этапах развития родного края в контексте российской истории» и «дать понимание роли региона в складывании многонационального и многоконфессионального Российского государства» [10, с. 2]. Особое внимание уделено традициям защиты и хозяйственного освоения регионов, развитию в составе Российской империи и СССР, возвращению в состав России [11, с. 2].

Заключение. Таким образом, первые шаги в направлении реинтеграции Донбасса в российскую образовательную систему и внедрения тематики историко-культурной общности региона стали предприниматься еще с середины 2010-х г. и коррелировались с эволюцией внешней и внутренней государственной политики России в целом. Решающим событием, определившим активизацию работы по формированию общегосударственного исторического нарратива об историко-культурной общности Донбасса, стало воссоединение ДНР и ЛНР с Российской Федерацией в 2022 г. В то же время требуется продолжение работы по внедрению в учебную литературу результатов новейших исследований, посвященных историко-культурной общности Донбасса и ее роли в отечественной истории.

Информация о финансовой поддержке: *Доклад подготовлен в рамках реализации НИР «Жители Донбасса как историко-региональная и социокультурная общность» (№ FSZG-2026-0019).*

Список литературы

1. История родного края. Часть 1. Учебное пособие для 6-9 классов / А. В. Колесник, В. А. Пирко, С. М. Нестерцова, Е. В. Щербинина и др. – Донецк: Изд-во «Фирма «Кардинал», 1998. – 319 с.
2. История родного края. Часть 2. Учебное пособие для 10-11 классов / Р. Д. Лях, В. Н. Никольский, В. Д. Нестерцов и др. – Донецк: Изд-во «Фирма «Кардинал», 1998. – 320 с.
3. История Луганского края: Учебное пособие / А. С. Ефремов, В. С. Курило, И. Ю. Бровченко, А. А. Климов, К. И. Красильников, В. Ф. Семистяга, В. И. Подов. – Луганск: Альма-матер, 2003. – 432 с.
4. Историческое краеведение: Введение в историю Донецкого края / Сост.: Морозов П. Л., Пестрецов В. В., Кожемяка О. Л. – Донецк, 2015. – 208 с.
5. Миллер, А. И. Формирование нарратива истории Донбасса после 2014 г. и его отражение в учебниках истории ДНР и ЛНР / А. И. Миллер, А. П. Пручай // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2026. – Т. 17, № 4 (162). – DOI: 10.18254/S207987840038486-3. – EDN DPVBEW.
6. Страницы истории Донбасса: эпоха Нового времени (XVI в. – конец XVIII в.). 8 класс: учебное пособие / Под ред. Чепиги Г. Г. / Сост. Чепига Г. Г. и др. – Донецк: ГОУ ДПО «Донецкий РИДПО», 2018. – 190 с.

7. Историческое краеведение. Страницы истории Донбасса: новейшая и современная история (с 1945 года до современности). 11 класс: учебное пособие / сост. Морозов П. Л., Пестрецов В. В. – В 2 ч. Ч.1 – 2-е издание, дополн. и перераб. – Донецк: ГОУ ДПО «ДонРИДПО», 2020. – 138 с.
8. История Новороссии / отв. ред.: В. Н. Захаров; Рос. ист. об-во; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 864 с. – ISBN 978-5-98712-780-3
9. Корнилов, В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. / В. В. Корнилов. – СПб. – 2017. – 800 с. – ISBN 978-5-496-03067-0.
10. История нашего края. Донбасс и Новороссия: 5-й класс: учебник / А. П. Богданов, В. Н. Ильин. – М., 2026. – 248 с. – ISBN 978-5-6056754-1-9.
11. История нашего края. Донбасс и Новороссия: 6-7-е классы: учебник / А. П. Богданов, В. Н. Ильин. – М., 2026. – 280 с. – ISBN 978-5-6056754-0-2.

УДК 930:528.9(470)"17/18"

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII–XIX ВВ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Манько Н.В., ORCID 0000-0001-8216-4938
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nikita_manko98@mail.ru

Введение. Традиционно картографический материал принято рассматривать как способ графического отображения накопленной научно-практическим путём информации об окружающем мире. Вместе с тем карта также может выступать в качестве особой формы осмысления и репрезентации отдельных элементов действительности. По мере развития крупных централизованных государств и расширения их владений картография стала не только способом аккумулирования научных знаний о собственной территории, но и одним из средств отображения государственной политики в её символическом выражении, позволяя визуально закреплять представления о суверенной территории. Российская империя не была исключением. По мере роста государства, видоизменения его административно-территориального деления, роста населения и эволюции связанных с ним социальных и управленческих институтов эволюционировали и сами карты, к составлению которых привлекалось всё большее количество учреждений и специалистов. Например, начиная со второй четверти XIX в., в ходе экономического роста и промышленной модернизации Российской империи широкое распространение получают тематические карты, призванные продемонстрировать как наличие множественных природных богатств государства, так и широкое разнообразие её населения, объединённого общей государственной

идеологией [1]. Активный процесс глобализации, начавшийся в эпоху Нового времени, требовал новых способов репрезентации политических идей и символов для широкой аудитории в виде не только своих подданных, но и представителей иностранных держав.

Основная часть. За последние десятилетия в современной исторической науке тематика символической репрезентации государственной политики и идеологии на картографическом материале получает всё больше внимания со стороны как отечественных, так и зарубежных исследователей. Многие подобные работы посвящены анализу картографического наследия Российской империи, причем некоторые из них носят критическую оценку всей имперской государственной политики в целом. Рассмотрим некоторые из них.

Так, С. Сигел, автор монографии «Картографирование Европейского пограничья: Русская картография в эпоху империи» [2], высказывает мысль, что картографический материал не может рассматриваться исключительно как нейтральный источник географический сведений. Картографические практики были тесно связаны с процессом государственного строительства, «имперской экспансии» и политики формирования национальной идентичности. Сравнивая карты Российской и Австро-Венгерской империй во второй половине XIX в., С. Сигел утверждает, что построение в них этнических границ определённых народностей выступало элементом более широкого процесса геополитического конструирования пространства. В качестве теоретической основы он применяет понятие метагеографии, обозначающее «дискурсивную практику территориального ревизионизма, посредством которой агенты призывают к радикальному изменению государственных границ, переписыванию истории земель и народов в новом, тотализирующем великом повествовании и, как это часто бывает, к принудительной ассимиляции, маргинализации и/или предписанному перемещению так называемые “этнические” популяции» [3, p. 180].

Отметим, что схожего мнения придерживается также и К. В. Иванов, рассматривающий процесс картографирования территории Средней Азии как один из элементов военной экспансии Российской империи [4]. Автор в критической форме утверждает, что карта сама по себе не является нейтральным и объективным отражением действительности, так как отбор изображаемых на ней объектов, проведение разграничивающих линий и способы организации пространства не только отражают политические интересы государства, но и прямо способствуют их реализации.

Отдельно также выделим работы исследовательницы К. Гибсон. В своей монографии «География нации: картография, наука и общество в Российской имперской Балтике» [5] она рассматривает картографирование Балтийского региона не только как научный, но и как социальный процесс. Составляемые карты, по её мнению, не только отражали уже

существовавшие представления о местном населении и рассматриваемых территориях, но и помогали формировать новые. В другой работе К. Гибсон, посвящённой анализу этнографических карт второй половины XIX в. за авторством российских картографов П. И. Кёппена и А. Ф. Риттиха, высказывается мнение, что хоть они и сводят воедино различную статистическую, демографическую и этнографическую информацию, отдельные элементы данных карт всё же приводят к определенного рода упрощению объективной действительности [6]. Например, сплошная цветовая заливка могла создавать впечатление однородности этнического состава населения на определенной территории, а нанесение четких границ между этническими группами визуально закрепляло различия, которые в действительности могли быть более сложными и изменчивыми. Особое внимание исследователь также уделяет личным взглядам авторов карт. Так, по её мнению, Кёппен отражал многообразие этнических групп в Европейской России более объективно, дополняя свое картографическое изображение статистическими и пояснительными материалами, в то время как Риттих, будучи панславистом, выражал представления о близости восточнославянских народов посредством схожих цветовых оттенков.

Следует также упомянуть статью М. О. Семьянинова и Н. А. Могилевского, в которой анализируется «Исторический атлас России» за авторством Н. И. Павлищева (1845 г.) [7]. Рассматривая атлас как целостное визуально-текстовое повествование, авторы показывают, каким образом картографические изображения, цветовые обозначения и этнические классификации формировали представления о месте России в мировой истории. Особое внимание исследователи также уделяют дихотомии «свой-чужой», Российская империя представлена в атласе как ведущая сила славянского мира, а её историческое развитие раскрывается преимущественно через территориальное расширение, военные конфликты и укрепление государственного могущества. Использование устойчивой цветовой системы позволяло закрепить четкие территориальные разграничения различия между государствами, народами и династиями.

Заключение. Таким образом, картография выступала не просто в качестве отражения происходивших политических и территориальных изменений, но и применялась в качестве одного из способов их осмысления и символического закрепления. Этому способствовали отбор изображаемых объектов, способы проведения территориальных границ, использование различных цветовых обозначений и различные визуальные элементы, которые могли влиять на восприятие территориального устройства Российской империи, её этнокультурного разнообразия и исторической роли в событиях эпохи Нового времени.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ «Становление основ российской идентичности на*

землях Новороссии в Северном Причерноморье в период с середины XVIII до начала XX вв.» (грант № 26-18-00133).

Список литературы

1. Лоскутова, М. В. Государственная власть и тематическая картография России 1840-х годов / М. В. Лоскутова, Д. Н. Копелев // Петербургский исторический журнал. – 2024. – № 4. – С. 66–78. – DOI: 10.51255/2311–603X_2024_4_66.
2. Seegel, S. Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire / S. Seegel. – Chicago; London: University of Chicago Press, 2012. – 384 p.
3. Seegel, S. Metageography Unbound? Late 19th-century European borderland cartography and the geopolitical construction of space / S. Seegel // Ab Imperio. – 2007. – № 2. – Pp. 179–208.
4. Иванов, К. В. Картографирование как инструмент имперской политики в Центральной Азии / К. В. Иванов // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2020. – Вып. 2 (24). – С. 151–181. – DOI: 10.23951/2312-7899-2020-2-151-181.
5. Gibson, C. Geographies of Nationhood: Cartography, Science, and Society in the Russian Imperial Baltic / C. Gibson. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 267 p.
6. Gibson, C. Shading, lines, colors: mapping ethnographic taxonomies of European Russia / C. Gibson // Nationalities Papers. – 2018. – Vol. 46, No. 4. – Pp. 592–611. – DOI: 10.1080/00905992.2017.1364229.
7. Семьянинов, М. О., Картографический портрет империи середины XIX века: визуальные практики восприятия места, роли и окружения России в мировом пространстве по «Историческому атласу России» Николая Павлищева / М. О. Семьянинов, Н. А. Могилевский // Метаморфозы истории. – 2024. – № 35. – DOI: 10.37490/S241436770032751-6

УДК 930.2

КОЛЛЕКТИВНЫЕ МОНОГРАФИИ ДОНЕЦКИХ ИСТОРИКОВ (2024–2025 ГГ.) В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Минаев А.И., д-р ист. наук, доц., ORCID 0009-0001-6820-8292
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина»,
г. Рязань, РФ
aiminaev68@yandex.ru

Введение. В последние годы одним из центров изучения исторических и теоретических проблем формирования российской идентичности на землях Новороссии и Донбасса стал исторический факультет Донецкого государственного университета (ДонГУ). В тесном взаимодействии с историками других высших учебных заведений, а также Донецкого республиканского краеведческого музея ими были подготовлены несколько коллективных монографий по заявленной проблематике.

Цель данной работы – в кратком обзоре трех коллективных монографий, опубликованных в период 2024-2025 гг., показать субъектность исторической науки ДНР в общероссийском научно-образовательном пространстве, отметить её вклад в изучение российской идентичности в историческом и современном контекстах.

Основная часть. В научной работе исторического факультета ДонГУ в последние годы выделяются три коллективные монографии: «Очерки истории Донецкой народной республики» (2024) [1], «Историческое знание в Донбассе в 2014-2022 годах» (2024) [2] и «Донбасс в историческом и социокультурном аспектах» (2025) [3].

События и процессы, представленные в монографии, посвященной истории ДНР, ограничены знаковыми датами. Первая связана с началом Русской весны в Донбассе и провозглашением ДНР, вторая дата отмечает её вхождение в состав Российской Федерации. Исследования, вошедшие в книгу, посвящены различным сферам жизни Республики. Тематически они представляют три блока: проблемы социально-экономического развития и государственного строительства; образование и наука в ДНР; культурная жизнь в Республике и молодежная политика.

В коллективной монографии, написанной сотрудниками Донецкого государственного университета и Донецкого государственного педагогического университета имени В. Ф. Шаталова, дается аналитический обзор научных исследований, подготовленных в этих высших учебных заведениях Донбасса, в области истории и сопредельных дисциплин со времени провозглашения независимости Донецкой Народной Республики в 2014 году и до ее вхождения в состав Российской Федерации в 2022 году. «Преподавательский состав, оставшийся на историческом факультете после потери небольшого сегмента сотрудников в 2014 году, – подчеркивают составители, – оказался устойчивым к системному стрессовому социально-политическому воздействию и смог не только восстановить основные показатели, но и в отдельных видах улучшить результаты своей деятельности» [1, с. 223]. В свою очередь, в предисловии к монографии по истории исторической науки в Донбассе доктор исторических наук, заместитель декана исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова по науке Д.А. Андреев пишет: «Идея написать подобный труд была также вызвана и восхищением историками и, шире, гуманитариями Донбасса, которые в ситуации неопределенности с будущей государственной принадлежностью этой земли все-таки принялись кропотливо переписывать историю, освобождать ее от спускавшихся из их прежней столицы искажений, восстанавливать правдивую картину прошлого. И делалось это основательно, без конъюнктурных полутонов – на случай, если Минские соглашения и вправду сработают» [2, с. 5].

Третья коллективная монография посвящена комплексному изучению феномена Донбасса с акцентом на ретроспективный подход. Главы сгруппированы в четыре раздела, в которых последовательно рассматриваются вопросы становления российской государственности в Донбассе, проблемы объекта и предмета истории региона, эволюции его административного устройства и происхождения названия. Характеризуются этапы развития в древности и средневековье, даются краткие очерки истории Новороссии, анализируется геополитический статус современного Донбасса. Говоря в своем вступительном слове о задачах, стоящих перед историками, политологами и международниками ДНР, Глава Республики Д.В. Пушилин подчеркивает: «Донбасс – опорный регион при обеспечении безопасности России по линии цивилизационного разлома с коллективным Западом, катализатор трансформации России в государство-цивилизацию. Социальная идентичность Донбасса – один из гуманитарных факторов развития российской государственности» [3, с. 3].

Уточнение в монографии объектно-предметной специфики истории Донбасса позволяет наметить методологические подходы к доказательству нескольких социально-исторических гипотез:

1. Включение Донбасса в несколько исторических контекстов. Его значимая роль в них делает регион способным создавать и транслировать важные социально-исторические смыслы и практики, выходящие далеко за его пределы;
2. Донбасс – регион, демонстрирующий модель прочной взаимосвязи материальных основ жизни и социума, обеспечивающего эффективное использование их потенциала развития;
3. В современном Донбассе не только восстанавливаются традиционные российские духовно-нравственные ценности, но и вносятся в них новые актуальные смыслы, в том числе исторические;
4. В Донбассе происходит апробация результативности ответов на многие вызовы, стоящие перед Российской Федерацией в целом.

«Цивилизационный разлом» с Западом, фронтирами которого стали Новороссия и Донбасс, актуализирует определение России как государства-цивилизации через ее роль полюса многополярной системы современных международных отношений, которому присуще в том числе длительное историческое прошлое и преемственность во влиянии на международные отношения, вырабатывающие лидерские стереотипы и подходы к внешней политике. В этом неоспоримо значение коллективной российской идентичности, активно формировавшейся в имперский период российской истории.

Современный этап развития системы международных отношений делает актуальными, по крайней мере, две характеристики, которые играют, по нашему мнению, исключительную роль в обеспечении реального суверенитета государства, приближающегося по своим

параметрам к государству-цивилизации – вторичность собственной угрозы, но возможность ее превентивной реализации и способность к локальному эффективному применению силы при категорическом неприятии глобальной войны. Именно опыт педагогической работы и научных исследований в ДНР позволил автору сформулировать данное понимание.

Заключение. Своими работами последних лет донецкие историки продолжили определение и формирование двух взаимосвязанный «полей» гуманитарного знания о прошлом Новороссии и Донбасса – их региональной истории и исторического краеведения. Если второе объективирует специфику и уникальность, то первое – общероссийский исторический процесс с активным участием регионов, привносивших и привносящих общие для нашей страны социальные, политические, духовные смыслы и практики в их временных последовательности и преемственности. Постмодерн представляет собой «время ментальных полутонов», в котором жизнь индивида и социума протекает в пространстве «размытых» смыслов, дихотомий, противоречий, в том числе, и исторических. Несмотря на это, интегративный подход к истории России, предусматривающий и изучение регионов в общегосударственном развитии, позволяет сохранить и развить результативные методики исследований, прошедшие проверку на достоверность знаний о прошлом.

Список литературы

1. Очерки истории Донецкой Народной Республики / Под ред. Л. Г. Шепко, В. В. Разумного, А. В. Колесника. – Донецк, Москва: Изд-во «Перо», 2024. – 259 с.
2. Историческое знание в Донбассе в 2014-2022 годах. Коллективная монография / предисл. Д. А. Андреева. – СПб.: Алетейя, 2024. – 250 с.
3. Донбасс в историческом и социокультурном контекстах. Коллективная монография / Под ред. С. В. Беспаловой, А. И. Минаева, А. В. Колесника. – Донецк: ДонГУ, 2025. – 319 с.

УДК 32.019.5

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ К АНАЛИЗУ КАРТ НОВОРОССИИ СЕР. XVIII – НАЧ. XX ВВ.

Онопко О.В., канд. полит. наук, ORCID 0000-0001-5569-8256
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.onopko@donnu.ru

Введение. На протяжении всей истории географические карты являлись и остаются до сих пор важнейшими документами для государственного управления и военного дела, торговли и дипломатии, связи и разведки. Отражая те или иные взгляды на географическое пространство, некоторые из них имеют символико-политическое значение, например, когда речь идёт о территориальных спорах и претензиях, освоении новых земель, заключении мирных договоров, проведении территориальных обменов и др. Кроме того, карты, являясь простым и концентрированным изображением территории, влияют на формирование идентичности проживающих на ней индивидов. Всё это делает географические карты естественным и неизбежным предметом политологического анализа, в частности, когда речь идёт о формировании основ российской идентичности жителей Новороссии – региона, который активно картографировался в сер. XVII в. – нач. XX в.

Основная часть. В рамках настоящего и последующих исследований автор предлагает рассматривать географические карты Новороссии в двух аспектах: как политические символы и как политические тексты. Методологически такой подход уходит корнями в классическую работу Д. Вуда и Дж. Фелса «Дизайн знаков / Миф и значение в картах» (1986 г.), в которой отмечается, что карты являются «одновременно и синтезом знаков, и знаками самими по себе, носителями ценностей, целей, эстетики и статуса, средствами современного мифа» [1]. В нашем случае – мифа о Новороссии как совокупности различных нарративов, объединённых идеей о том, что край является исторической, естественной и неотъемлемой частью геополитического пространства России. Данные нарративы, не будучи дезинформацией или ложью, чувственно-эмоционально и наглядно-образно усиливали представление о Новороссии как о российском регионе и находили отражение в её картах и содержащихся в них картографических знаках, которые «зависели от условностей, имели значение только в соотношении с другими знаками и никогда не были оторваны от культурного контекста или мотивов своих создателей» [1]. Фактически географические карты являлись каналами, через которые, выражаясь языком критической геополитики,

транслировались геополитические представления [2] российской политической элиты о Новороссии как за рубеж, так и внутрь империи. В последнем случае они среди прочего выполняли традиционную задачу символической политики – влияли на формирование макрополитической идентичности [3] жителей региона как российских подданных.

Как политический символ географическая карта представляет собой знак, который «обозначает что-то другое, чем он сам, и вместе с тем пробуждает установку, набор впечатлений или образ событий, связанных с ним во времени, пространстве, логике или воображении» [4]. Карта наглядно-образно обозначает и символически упорядочивает географическое пространство, формируя определённые геополитические представления и отношение к нему у тех, кто с ней знакомится. Она может быть адресована широкому кругу лиц или конкретным политикам, организациям, государствам и альянсам. Из этого следует, что географическая карта является частью «коммуникации политических акторов, адресованной другим с целью, при которой конкретный обозначаемый объект несёт более широкий смысл, как правило, с эмоциональным, моральным или психологическим воздействием; этот более широкий смысл не обязан быть эмпирически истинным, но должен затрагивать то, во что люди хотят верить как в истину» [4]. Например, «Генеральная карта Новороссийской губернии, разделённой на уезды, сочинённая в 1779 году Иваном Исленьевым» [5] могла в действительности не точно отражать административно-территориальное деление, внутренние и внешние границы региона, но главное – она символически фиксировала российский контроль над ним и заявляла об упорядоченности его геополитического пространства.

Ещё в конце 1980-х гг. Дж. Б. Харли утверждал, что «все карты – риторические тексты», а также ввёл понятия «второго текста» карты и «умолчаний», через которые карта обретает дополнительные смыслы [6]. При этом политическим текстом географическая карта становится тогда, когда соответствует как минимум трём его основным признакам, выделенным Т. ван Дейком: карта должна быть связана с политическим актором, иметь политически значимое содержание и вписываться в политический контекст коммуникации [7]. Кроме того, анализируя современную научную литературу, можно расширить пул этих признаков, добавив манипулятивность, оценочность и аксиологическую лексику [8], легитимирующее влияние [9], а также персуазивность – использование карт для того, чтобы «формировать взгляды, установки и эмоции аудитории и направлять их в русло определенной политической идеологии» [10] или в случае с домодерной Россией – в русло преданности и лояльности монархам и самодержавному строю в целом.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, в политологии существует достаточная теоретическая база для

исследований географических карт Новороссии как политических символов и политических текстов, с помощью которых осуществлялось формирование основ российской идентичности в регионе. Во-вторых, наиболее органичным и эффективным теоретико-методологическим подходом для изучения такой дуалистичной природы карт Новороссии может служить синтез отдельных положений критической геополитики, политического дискурс-анализа и символической политики. Наконец, такой анализ требует значительной междисциплинарности будущих исследований: для «прочтения» карт и как символов, и как текстов необходимо глубокое понимание их исторического контекста.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ «Становление основ российской идентичности на землях Новороссии в Северном Причерноморье в период с середины XVIII до начала XX вв.» (грант № 26-18-00133).*

Список литературы

1. Wood D. Designs On Signs / Myth And Meaning In Maps / D. Wood, J. Fels // Cartographica. –1986. – Vol. 23. – № 3. – P. 54–103. DOI 10.3138/r831-50r3-7247-2124.
2. Колосов В. А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России / В. А. Колосов // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 31–52. – EDN OKFDIT.
3. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105. – EDN LADFQJ.
4. Oliver W. M. Political Party Platforms: Symbolic Politics and Criminal Justice Policy / W. M. Oliver, N. E. Marion // Criminal Justice Policy Review. – 2008. – Vol.19. – № 4. – P. 397–413. DOI 10.1177/0887403408318829.
5. Генеральная карта Новороссийской губернии, разделенной на уезды, сочиненная в 1779 году Иваном Исленьевым. – Текст : электронный // Retromap. – URL: https://retromap.ru/151779_z7_48.657407,35.36911 (дата обращения: 07.10.2026).
6. Harley J. B. Deconstructing the Map / J. B. Harley // Cartographica. – 1989. – Vol. 26. – №2. – P. 1–20. DOI 10.3138/e635-7827-1757-9t53
7. Van Dijk T. A. What is political discourse analysis? / T. A. Van Dijk // Belgian Journal of Linguistics. – 1997. – № 11. – P. 11–52.
8. Kenzhekanova K. K. Linguistic Features of Political Discourse / K. K. Kenzhekanova // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – № 2. – P. 2. DOI 10.5901/mjss.2015.v6n6s2p192.
9. Авдонин В. С. Дискурс и легитимность: к функциональной трактовке дискурсивных аспектов политической легитимации / В. С. Авдонин // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 38–59. – DOI 10.31249/poln/2023.03.02. – EDN SBJGVA.
10. Hatab W. A. Persuasive Strategies in English Political Discourse: A Critical Discourse Analysis of Biden's Speech on the End of War in Afghanistan / W. A. Hatab, M. Al-Badawi, S. A. Alsmadi // Studies in Systems, Decision and Control. Springer. – 2024. – P. 337–347. DOI: 10.1007/978-3-031-48479-7_28.

УДК 37.013

ЖИТЕЛИ ДОНБАССА В КОНТЕКСТАХ СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОРОДСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Пригарин А.А., д-р ист. наук, доц., ORCID 0000-0002-6684-309X
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»,
г. Москва, РФ
ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН»,
г. Москва, РФ
prigarin.alexand@gmail.com

Введение. Говоря о городской антропологии и/или урбанистике, считается, что это современная «импортная» междисциплинарная научная область знаний. Разводя эти понятия, за первым названием закрепляется понимание, что это субдисциплина антропологии, которая изучает повседневные практики, культурно-бытовые особенности горожан, используя метод включенного наблюдения. В этом контексте, обратимся к Донбассу с его специфической моделью урбанизации, а также той роли, которую регион сыграл в становлении отечественной науки о народах, их быте и многообразии.

Основная часть. Новороссия предоставила своеобразные модели формирования городов в новое время. В отличии от исторических территорий, где были мощные и устоявшиеся городские традиции, Северное Причерноморье и Приазовье (кроме Крыма) на протяжении конца XVIII – первой половины XIX вв. сформировали принципиально новые модернизационные процессы. Стремительные рост городского населения несопоставим ни по своим объемам, ни по своему значению для жизнедеятельности не только указанного региона. К концу XIX в. это был один из самых значимых урбанизационных краев Российской империи. Отдельной спецификой в этом обладают шахты и рабочие поселки Донбасса, которые развивались совместно и благодаря промышленной революции. Здесь городской образ жизни не являлся результатом постепенной исторической эволюции, он формировался «взрывным» путем в результате индустриализации конца XIX – начала XX вв., а также – последующих советских трансформаций.

Изучение жителей Донбасса – это, прежде всего, исследование миграционных тенденций и их этапов. Это являлось важнейшим предметом понимания социальной среды моноиндустриальной экономики региона. Вместе с тем, отдельной сюжетной линией познания выступал поликультурный/интернациональный состав населения, функционирование единства и различий горожан. «Городская революция» Донбасса – достаточно стремительный переход от аграрных традиционных укладов (реликты продолжают оставаться актуальными для переферии

региона) к торгово-промышленной многоукладности. Строительство металлургических заводов (Юзовка, Макеевка, Мариуполь) и угольных шахт вызвало массовый приток людского ресурса, которым не мог обеспечить лишь окружающая «сельская хора». Таким образом, историческая этнокультурная мозаика населения Донецкого бассейна существенно усложнилась за счет внешней мобильности, изначально – сезонно-производственной, которая со временем стабилизировалась.

Практически синхронно с процессами формирования городского населения Донбасса появляются «этнографические описания» специфического быта пролетариата. Отметим, что в основе их находилось два семантических вектора: как промышленные объекты определяли возникновение рабочих поселков; экзотизация образа жизнедеятельности пролетариата. При этом, социально-экономические и статистические аспекты выходили на первый план (яркий пример – «Развитие капитализма в России» В.И. Ленина).

Уже в дореволюционной историографии сформировалось представление о региональной специфике модели «индустриальных городов-муравейников», где социальная стратификация была не вертикальной (по доходу), а горизонтальной (по цехам и профессиям). В некотором смысле, произошла реституция средневекового корпоративно-ремесленного уклада, но на принципиально новом качественном уровне: масштабы и объем социальных страт выводит эти объединения в надличностные консорциумы.

Продолжая эти традиции описания и анализа, в 1920-1930-х гг. перешли не только к фиксации, но и конструированию, социальным экспериментам социалистических трансформаций. Яркий пример – работа Л. Либермана [1]. В рамках деятельности Этнографической комиссии ВУАН, а также – смежных институций, рабочий класс попадает в поле зрения народоведческих исследований. Изучались вопросы формирования пролетариата и его выразительных представителей – шахтеров (типы заводских поселков, жилище, одежда, система питания, общественный и семейный быт). Это на фоне усиления процессов урбанизации: Донбасс становится «всесоюзной кочегаркой». И при всей декларации социального равенства, регион демонстрирует специфичную стратификацию раннесоветского общества. Это проявляется в эклектичной застройке: от бараков и «малосемеек» до элитных домов для инженерно-технических работников. Это создавало особую пространственную иерархию, которая влияла на повседневность.

В послевоенные годы эти историографические и экспедиционные традиции были продолжены. В качестве примера – полевые материалы И. Ф. Симоненко 1950-1951 гг. [2]. После защиты кандидатской диссертации по «Этническому составу населения западных районов Украины» в 1947 г., исследователя направили «на Донбасс». На

протяжении двух лет велись полевые наблюдения, собирались эмпирические материалы по культуре и быту рабочего класса. Базовым выступил г. Жданов (Мариуполь) и предприятие «Азовсталь», его рабочий поселок. Параллельно, был направлен специалист с аналогичными задачами в г. Нижний Тагил, Свердловской области.

Полевые материалы (дневник, тетрадь, отчет и фотографии) собранные авторами так и не были опубликованы и сохраняются в архиве. Они представляют собой оригинальный корпус источников с широкими эвристическими возможностями. Их обработка позволяет судить как о самой городской этнографии на ранних этапах, так и напрямую о культурно-бытовых процессах в городской среде послевоенного Донбасса и Урала соответственно. Несмотря на яркую идеологическую окраску и лексику того времени они представляют достаточно адекватные этнографические описания и наблюдения.

В частности, иллюстрируется сюжет «производственного коллектива как семьи». Показывается не столько декларативный, сколько фактическое формирование новых социальных связей в условиях тяжелого физического труда: сталеварение, шахты, коксохимы и т.д. Подобное «бытие» порождало коллективные функции, которые ранее были присущие семье или общине: взаимопомощь, солидарность, контроль за поведением.

В равной степени анализируется и домашний быт и досуг, которые долгое время оставался «необустроенным» (низкий уровень комфорта, нехватка женского труда в домашнем хозяйстве из-за высокой занятости женщин на производстве). «Общежития» становятся элементарной единицей воспроизводства приватных традиций. А досуг смещался в общественные пространства: Дворцы культуры, стадионы, парки.

Эти уровни порождали особый тип идентичности («донбасский характер») и соответствующих культурных или социальных практик. Полевые материалы фиксируют продолжение создания «советского человека» или «горожанина-производственника», для которого городская среда была не столько местом проживания, сколько приложением к заводу. Это принципиально отличает его от «мещанина-потребителя» капиталистических стран.

Отметим, что методологические и методические вопросы подобного изучения еще не были разработаны и даже не особо являлись предметом академических дискуссий. Лишь после конкретных работ (особо – после изучения Урала) в 1960-1980-х гг. они начали активно обсуждаться в текстах О. В. Будиной, М. Н. Шмелевой, А. И. Гинзбург, А. С. Мыльникова, М. Г. Рабиновича и др. [3–8]. А уже на базе этого – С. А. Токаревым, Ю. В. Бромлеем, В. И. Козловым и т.д.

Заключение. Таким образом, Донбасс является не просто «периферией» отечественной городской антропологии, а ее критическим случаем. Изучение жителей этого региона позволяет по-новому взглянуть

на природу советской урбанизации, процессы формирования рабочей идентичности и механизмы выживания индустриальных сообществ.

Информация о финансовой поддержке: *Доклад подготовлен в рамках реализации НИР «Жители Донбасса как историко-региональная и социокультурная общность» (FSZG-2026-0019).*

Список литературы

1. Либерман, Л. Труд и быт горняков Донбасса прежде и теперь / Л. Либерман. – М.: Вопросы труда, 1929. – 136 с.
2. Симоненко, И. Ф. Материалы по быту и культуре рабочих завода «Азовсталь»: Т. 1–2 / И. Ф. Симоненко. – 1950. – 217 с. + 102 с. – Архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 26.
3. Будина, О. Р. Этнографическое изучение города в СССР / О. Р. Будина, М. Н. Шмелева // Советская этнография. – 1977. – № 6. – С. 21–31.
4. Будина, О. Р. Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города / О. Р. Будина, М. Н. Шмелева // Советская этнография. – 1982. – № 6. – С. 27–39.
5. Корбе, О. Защита диссертаций в Институт этнографии / О. Корбе // Советская этнография. – 1947. – № 3. – С. 154–158.
6. Рабинович, М. Г. Город и традиционная культура / М. Г. Рабинович // Советская этнография. – 1980. – № 4. – С. 12–24.
7. Рабинович, М. Г. К этнографическому изучению города / М. Г. Рабинович, М. Н. Шмелева // Советская этнография. – 1981 – № 3. – С. 23–34.
8. Рабинович, М. Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) / М. Г. Рабинович // Советская этнография. – 1983. – № 3. – С. 19-24.

УДК 316.347(477.61)"18/19"

ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БЫВШЕЙ СЛАВЯНОСЕРБИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Руденко М.В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.v.rudenko@bk.ru

Для укрепления южных рубежей Российской империи в 1753 г. на территории Бахмутской провинции Воронежской губернии на южном берегу р. Северский Донец между речками Бахмутом и Луганью создается Славяносербия. Это была автономная область военно-земледельческих поселений сербов, молдаван, болгар и других переселенцев, преимущественно славянского происхождения и православного вероисповедания. Данная автономия в административном отношении подчинялась непосредственно Сенату и Военной коллегии.

В 1755 г. население нового военного образования насчитывало 1513 семей, которые в этническом плане были разделены следующим образом:

38% сербы, 23% валахи, 8% болгары, 22% малороссы [6]. К 1763 г., благодаря увеличившемуся притоку малороссов, население в Бахмутской провинции увеличилось на 5 924 человек, в том числе, иностранцев из общего числа 10 076 человек было 3 992 (среди них молдаван – 2 627 и сербов – 378) [1]. Но уже в 1764 г. Славяносербия как автономная административная единица ликвидируется, а ее территория включается в состав Новороссийской губернии. В эти годы в состав военных поселенцев помимо сербов входили валахи, молдаване, венгры, болгары, македонцы, греки. Со втор. пол. XVIII в. данный регион становится неотъемлемой частью крупного полиэтнического историко-культурного российского макрорегиона Новороссия. С этого же времени у жителей региона закладывается преемственность поколений.

Определение численности различных народов, заселявших бывшую Славяносербию в середине XIX в., было делом сложным, поскольку «население там смешанное, постоянно меняется». Речь могла идти о приблизительных оценках. Так в 1885 г. большинство населения Бахмутского уезда составляли русские, в дореволюционном понимании, представленные ветвями великороссов и малороссов – 176 178 человек или 94,73% [1].

Вторыми по численности были валахи и молдаване. Переселение большинства из них на территорию Бахмутского уезда произошло около 1772 г. Благодаря этому многолюдными стали поселения, выросшие на месте славяносербских рот – села Троицкое, Калиновка, Государев Байрак, Привольное и Верхнее. Поселенцы получали права государственных крестьян. Значительная часть валашско-молдаванских поселений образовалась на месте рот полка Депрерадовича, где продолжали жить остатки их обитателей – сербы, болгары, черногорцы, албанцы, хорваты, поляки. Сюда же переселяли, по распоряжению правительства, пленных турок, татар, а позже и «литвинов» из Черниговской губернии. Преобладающим этническим элементом на определенный период стали молдаване, поэтому представители других народов, со временем, в значительной степени были ассимилированы ими. Между валахами и молдаванами не замечалось особой разницы. Сами молдаване считали себя валахами, а валахи – молдаванами. В эти же села «приселяли» малороссийских казаков, крестьян и мещан, а также поляков [4, с. 25-26].

В 1840-х гг. в славяносербские роты, ставшие государственными селами Бахмутского уезда, была приписана большая партия бывшей чиншевой шляхты с территорий, ранее входивших в Речь Посполитую. Так, в 1844 г. в регион, переселилось 4000 человек из этой категории.

Существуют и сведения о заселении отдельных сел. Так, в с. Государев Байрак (место расположения 9-й роты полка Депрерадовича) были поселены в 1772 г. валахи и молдаване. Их было так много, что во

втор. пол. XIX в. многие жители села либо совсем не разговаривали по-русски, либо разговаривали плохо.

Село Луганское по преданию старожилов, собранным в 1880-х гг., – одно из старейших сел Бахмутского уезда. В 1754 г. здесь была поселена 2-я рота полка Депрерадовича. В 1772 г. в большом количестве были поселены валахи и молдаване, позже расквартированы 15 и 16 роты гусарского Молдавского полка, поэтому село называли также 15-й ротой. После взятия Очаковской крепости в селе были поселены несколько семей пленных турок, в 1844 г. – до 200 семей поляков, в 1878 г. – 10 семей великороссов из Курской губернии [4, с. 26-27].

В с. Троицкое партия молдаван и валахов составляла более 60 семей, их дома образовали две улицы по р. Лугани. Со временем к ним стали переселяться валашские семьи из сел Луганское, Калиновка, Серебрянка (бывшие славяносербские роты) и из Славяносербского уезда в целом.

Малороссы, преимущественно выходцы из Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний, в конце XVIII – начале XIX в. начали массово селиться в селах бывшей Славяносербии, поэтому сравнительно небольшие этнические группы сербов, черногорцев болгар и других балканских народов достаточно быстро начали ассимилироваться в преобладающем малороссийском окружении. В этом отношении интересны сведения об этнической ситуации в с. Луганское в конце XIX – начале XX в., которые мы узнаем из яркой характеристики в статье из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: «образовалось из молдаван, валахов, сербов, пленных турок, поляков (до 200 семей в 1844 г.), теперь слившихся в однообразную малорусскую массу» [3].

Однако и «малорусская масса» в данном полиэтничном регионе имела свои специфические отличия от жителей собственно малороссийских губерний. Так, при описании с. Калиновского, основанного в качестве «шанца Ивановского», в 1886 г. указывалось: «в этом поселении, как и в с. Луганское, соединились люди всех наций, ими в свое время заселялся Бахмутский уезд. Здесь есть и сербы, и венгры, и валахи, и молдаване, и литвины, и поляки, и русские, и малороссы, но все они настолько слились в тип обрусевшего малоросса, что не представляют собой почти никакой разницы. Слиянию их способствовала малочисленность каждой группы…» [4, с. 27]. По свидетельствам нач. XX в., многие православные жители края не отождествляли себя с отдельной славянской нацией, называя самих себя «перевертнями», т.е. «оборотнями» [5, с. 121].

Представители ряда балканских народов (сербы, валахи и др.) – не знавшие крепостного права военные переселенцы, – сыграли значительную роль в процессе заселения, хозяйственного освоения, экономического и социально-культурного развития Славяносербии. Однако, несмотря на полиэтническое по своему составу население края, в

имперский период, здесь, как и по всей Новороссии, из представителей разнообразных этнических групп, при доминировании русского ядра (в основном представленного типом «обрусевшего малоросса» и собственно великороссами) вырабатывался новый универсальный тип русского человека – подданного империи. Его ментальной особенностью стало «общерусское имперское самосознание» [2, с. 9].

Список литературы

1. Богуненко, В. О. Етнічна історія Бахмутського краю (XVIII – початок XX ст.) / В. О. Богуненко, О. С. Дадашов, Н. О. Тутова. – URL: https://michaelz20.narod.ru/olderfiles/1/Etnicheskaya_istoriya_Bakhmutskogo_kraya.doc (дата обращения: 07.10.2026). – Текст: электронный.
2. Донбасс в историческом и социокультурном контекстах. Коллективная монография / Под ред. С. В. Беспаловой, А. И. Минаева, А. В. Колесника. – Донецк: ДонГУ, 2025. – 319 с.
3. Луганское // Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. (В 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами). URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/061/61899.htm (дата обращения: 07.10.2026). – Текст: электронный.
4. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии / Сост. Стат. отд-нием Екатеринославской губ. земской управы. Т. 1. Т. 2: Бахмутский уезд. – 1886. – 1092 с. разд. паг., 2 л. карт.: ил.
5. Стёпкин, В. П. Полная история Донецка / В. П. Стёпкин, В. И. Гергель. – Донецк: Апекс, 2008. – 560 с.
6. Татаринов, С. И. Бахмутские казаки / С. И. Татаринов, О. В. Романенко. – Артемовск, 2008. – 68 с.

УДК 908(477.6)"18"

ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДОНБАССА В ТВОРЧЕСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX В.

Степанов В.П., д-р ист. наук, проф., ORCID 0000-0001-6099-0833
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, РФ
vpstepanovpochta@gmail.com

Весомый вклад в комплексное историко-этнографическое освоение территории современного Донбасса внес ученый Аполлон Александрович Скальковский (1808-1898 гг.). Служба в канцелярии генерал-губернатора М. С. Воронцова, а также руководство статистическим комитетом макрорегиона и членство в ИРГО позволили ему собрать колоссальный эмпирический базис для своих исследований. Экспедиции и архивная работа легли в основу его многочисленных монографий. Так, А. А. Скальковскому принадлежит глубокое исследование в двух томах

«Опыт статистического описания Новороссийского края» [1; 2]. О его фундаментальности говорит то, что оно было номинировано на Демидовскую премию [3; 4].

В заслугу автору следует отнести его пристальное внимание к демографическим процессам, проистекавшим на землях современного Донбасса. Он уделил внимание полиэтничности и поликонфессиональности насельников края. В немалой степени этому способствовала переселенческая политика царского правительства. Земли Новороссии стали новой родиной для беглых крестьян из центральных регионов Российской империи. Они активно осваивались казачеством, а также иностранными переселенцами – греками, немцами, сербами, вместе с которыми в край переселялись молдаване и валахи. Анализируя эту сложную структуру в «Опыте статистического описания...», ученый особо констатировал, что великорусский субэтнос («собственно русские») появился на данных территориях относительно поздно по сравнению с другими группами [1]. Отдельное внимание исследователь уделял еврейской этносоциальной группе, расселенной царским указом Екатерины Великой в «черте оседлости», включающей в себя Северное Причерноморье, в т.ч. и Донецкий регион.

Глобальным также можно назвать фундаментальный двухтомный труд ученого «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края» [5; 6]. Он выступает отправной точкой для верификации ранних этапов урбанизации и хозяйственного освоения Донецкого бассейна. Работа освещает начальное время индустриальной эпохи региона, ставшего в последующем одним из крупнейших производственных центров страны. Выделим основные ее положения:

1) Благодаря рассмотрению динамики центров принятия решений исследователь скрупулезно воссоздает хронологию появления первых укрепленных пунктов и поселений в бассейне Северского Донца (в частности, Бахмута и Тора), которые изначально выполняли оборонительные и промысловые функции.

2) Важное место в повествовании уделяется освещению и изучению военных переселенцев с Балкан. А. А. Скальковский детально реконструирует процесс формирования Бахмутской гусарской роты и автохтонного заселения земель, ставших основой будущей Луганщины.

3) Пристальное внимание уделяет автор экономическому укладу региона в преддверии начала тотальной угледобычи, детально описывая и другие промыслы: солеварение, развитие торговли, решение земельного вопроса.

Важно подчеркнуть, что А. А. Скальковский использовал недоступные в настоящее время документы, в частности Новороссийской канцелярии и ликвидированного Запорожского коша. Таким образом исследование превращается в серьезный многогранный источник. Это, по

сути, автономный исторический монумент, ссылки на который обеспечивают исследователю фактологическую уверенность.

А. А. Скальковский оставил после себя значительный пласт научных трудов, посвященных Новороссии, но его заслуга еще и в том, что он воспитал столь же яркого сына – Константина Аполлоновича (1843-1906), чьи мемуары [7] сквозь призму личного жизненного пути описывают ранний этап промышленного освоения южных губерний и передают атмосферу перехода будущего Донецкого бассейна от патриархального степного уклада к жесткому капиталистическому ритму с первыми иностранными инвесторами и масштабным железнодорожным строительством. Профессиональная деятельность К. А. Скальковского свидетельствует о его серьезной профессиональной востребованности.

Являясь секретарем Общества содействия русской промышленности и торговли, а затем руководя Горным департаментом страны он регулярно публиковался в «Горном журнале». Его перу принадлежит серьезное прогнозирование экономической составляющей. В его публикациях конца XIX века Донбасс выглядит как один из главных локомотивов империи. К. А. Скальковский выступает как сторонник жесткого государственного протекционизма для защиты донецкого угля и металла. С точки зрения ученого, государственное развитие тяжелой индустрии Юга России [8] могло бы способствовать самообеспечению и отказу от импорта английского угля, что, собственно, и произошло к концу XIX столетия. Региональные разработки затрагивает целая серия его статей, посвященных горной производительности империи[8].

К. А. Скальковский выступает как аналитик-государственник. Он подходил к анализу быта рабочих с позиции государственного прагматизма. В его обзорах прослеживается нетрадиционная для того времени попытка увязать качество жизни горняков с производительностью труда. Вопросы найма на работу, условий труда, начисления и выдачи заработной платы, т.е. – те вопросы, которые будоражили мысли рабочего класса – и становились предметом обсуждения К. А. Скальковского.

Еще одна колоритная фигура с актуальным сегодня творчеством – литератор Григорий Данилевский (1829-1890). Его романы «Беглые в Новороссии» и «Воля» – уникальный художественно-этнографический срез заселения окраин Новороссии, включая Донбасс, в эпоху отмены крепостного права. Названные произведения Данилевского ценны точным воссозданием социально-демографического портрета региона. Опираясь на наблюдения, автор описывает миграционные волны беглых крестьян и раскольников в Донецкие степи, где в условиях фронтира формировался свободолюбивый менталитет местного населения.

[8] Труды К. А. Скальковского на данную тему были опубликованы в следующих выпусках «Горного журнала»: № 9 (1870 г.), № 9 (1875 г.), № 5-6 (1877 г.), № 4-5 (1878 г.), № 4 (1879 г.), № 4-5 (1880 г.).

Писатель успешно представляет динамику изменения аграрного уклада: отходничество, рабочие артели, соляные промыслы и помещичьи экономии, заложившие фундамент для последующего промышленного бума в Донецком бассейне. Не смотря на художественной жанр, произведения Данилевского полны точных описаний, подтверждаемых многочисленными иными источниками XIX столетия.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации: FSZG-2026-0019.).*

Список литературы

1. Скальковский, А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1: География, этнография, народосчисление Новороссийского края / А. А. Скальковский / Соч. А. Скальковского, ред. Гл. стат. ком. Новорос. края. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1850. – 366 с.
2. Скальковский, А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 2: Хозяйственная статистика Новороссийского края / А. А. Скальковский / Соч. А. Скальковского, ред. Гл. стат. ком. Новорос. края. – Одесса: Тип. Францова и Нитче, 1853. – 552, IV с.
3. Марченко, М. І. Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.) / М. І. Марченко. – К.: Вид-во Київського держуніверситету, 1959. – 258 с.
4. Морозан, В. В. Попытки создания исторического архива в Одессе А. А. Скальковским. Вторая половина XIX в. / В. В. Морозан // Вестник архивиста. – 2013. – № 1. – С. 19–33.
5. Скальковский, А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730–1823. Ч. 1: С 1731 по 1796 год / А. А. Скальковский. – Одесса: Гор. тип., 1836. – XIV, 289 с., 1 л. фронт. (грав. тит. л.), 3 л. ил.
6. Скальковский, А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730–1823. Ч. 2 : С 1796 по 1823 год / А. А. Скальковский. – Одесса: Гор. тип., 1838. – VIII, 351 с., 2 л. фронт. (грав. тит. л., портр.), 2 л. ил., карт.
7. Скальковский, К. А. Воспоминания молодости: (По морю житейскому): 1843-1869 / К. А. Скальковский. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1906. – VIII, 410 с.
8. Скальковский, К. А. О русском металлическом тарифе и о значении проективной системы для русской горной и химической промышленности / К. А. Скальковский // Горный журнал. – 1866. – Кн. 02. – С. 237–276.

Круглый стол «Фальсификация истории Великой Отечественной Войны как форма информационной войны в современных условиях»

УДК 947.085

«ВЕРТИКАЛЬ», «ГОРИЗОНТАЛЬ», «ГЛУБИНА»: СВЯЗЬ ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ДОНБАССА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Василиади А.Х., ORCID 0009-0009-9259-7150
Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская Академии МВД РФ»,
г. Донецк, РФ
vasilex97@mail.ru

Введение. В данной работе поднимается вопрос изучения и актуализации концептуальной модели «трех координат» исторической памяти о Великой Отечественной войне в Донбассе: «Вертикаль – Горизонталь – Глубина». Важность данного исследования подразумевает и осмысление линии трех важнейших точек Донецкой земли – стратегическая – (Саур-Могила), идеологическая – (мемориал освободителям Донбасса) и экзистенциальный – (шурф шахты 4/4 бис).

Цель данной работы состоит в рассмотрении концепции историко-топографической памяти о Великой Отечественной войне в Донбассе.

Основная часть. Известность Донбасса, героическая история его народа, вклад тружеников края в Великую Победу, борьба подпольщиков с оккупантами… Все это невозможно рассматривать без культурно-исторической составляющей. Мемориалы и памятники Великой Отечественной войне в Донбассе носят особенный ландшафт исторической памяти, который строился на трех уровнях и олицетворяет собой весьма интересный концепт: «Вертикаль» – т.е. Саур-Могила (главная высота Донбасса, за которую не единожды шли ожесточенные бои), возвышающаяся над бескрайними холмами и степями, уходящая вверх и показывающая подвиг, героизм и ориентир мужества, «Горизонталь» – т.е. мемориал «Твоим освободителям, Донбасс» (главный историко-культурный комплекс, олицетворяющий собой место сопротивления, дух освобождения и символ борьбы с фашизмом), находится на равнинной местности в центре города Донецка, «Глубина» – т.е. шурф шахты 4/4 бис, напоминающий нам о той самой жертве, мученичестве, о страданиях народа Донбасса, который несмотря ни что, «не стал на колени» перед захватчиками.

Рассматривая каждую из вышеперечисленных точек исторической памяти Донбасса, необходимо раскрыть и их сакральный смысл.

Саур-Могила – не только самая главная высота Донецкого края, но и место, известное своими защитниками…Теми самыми людьми, которые стояли до конца, которые держались до последнего вдоха и боролись за свою землю. Данный памятник хранит в себе историю о войнах и воинах, защищавших её. Саур-Могила – это Донецкий Мамаев курган, оставивший непоколебимый отголосок мощи и стойкости в судьбе народа Донбасса.

Собственно, борьба за Саур-Могилу была ожесточенной и безжалостной. Владея данной высотой, можно было контролировать близь лежащие территории на много километров [1].

Так, спустя годы, Саур-Могила, ставшая символом ожесточенных боев, пропитана кровью тех, кто не дрогнул перед лицом опасности, кто до конца остался верен своему долгу [2].

В столице Донбасса, городе Донецке, важным символом исторической памяти о Великой Отечественной войне является мемориальный комплекс «Твоим освободителям, Донбасс!» Этот мемориальный комплекс находится в самом центре города Донецка в парке имени Ленинского комсомола [3].

Анализируя мемориал «Твоим освободителям, Донбасс» (концепт «Горизонтали»), следует выявить важную составляющую: народную память. Та цена, та отверженность и напоминание о важности беречь мир, чтить подвиг своих предков, не сломавшихся под натиском врага. Мемориальный комплекс является центральным звеном в концепции модели историко-топографических координат памятников о Великой Отечественной войне в Донбассе.

Рассматривая данную модель исторических координат, важно также сделать акцент на общенародном понимании, чувства принадлежности и истории своей семьи, истории своего народа, героизму защитников и сопричастности к истории Великой Победы.

В парадигме исторической памяти народа Донбасса особое место занимает «Глубина», которую символизирует шурф шахты 4/4 бис. Данный комплекс содержит в себе то, что нельзя увидеть, но можно почувствовать и осознать. Для Донбасса шахта является не только местом промышленной славы и символом трудовой доблести, это также сильный архетип. Шурф шахты уводит нас на глубину, не обнажая те страдания, которые пережили замученные фашистами жители Сталино, Макеевки, Горловки и т.д., но значение данного мемориального комплекса носит в себе «историческую археологию» человеческих страданий народа Донецкого края.

Данная концепция «трех координат» передает в себе исторические и духовно-нравственные смыслы, которые отражают героизм, сплоченность ради общей Победы и трагичность человеческой жертвы.

Заключение. Таким образом, изучая историческую память народа Донбасса следует обозначить, что её сила в принадлежности каждого жители Донецкого края к его героическому прошлому, это преемственность поколений, духовная сила и непоколебимая воля. Рассматривая концепцию «трёх координат», выделяется прочный исторический каркас, создающий чувство коллективизма и идентичности, способный отстоять любые посягательства и попытки исказить нашу общую героическую историю.

Исходя из контекста, сохранение историчкой памяти на примере важнейших историко-культурных комплексов является стратегической задачей нашей страны.

Мемориалы и памятники Донбасса выступают отражением гражданской ответственности, принадлежности к своему прошлому, к чтению памяти предков, и самое главное, формируют патриотический пласт общества. Опираясь на наше историческое наследие, мы формируем у молодого поколения уважение к прошлому, и готовность принять на себя ответственность защищать свою Родину.

Список литературы

1. Кушнирук, Н. П. Саур-могила: от символа героизма в Великой Отечественной войне до памятника воинской славы Донецкой народной Республики (увековечивание, сохранение и защита исторической культуры) / Н. П. Кушнирук // Современность в творчестве начинающего исследователя : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 27 марта 2025 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2025. – С. 197–203. – EDN SDWVJH.
2. Кушнирук, Н. П. Саур-Могила: мемориал – хранитель памяти о героизме защитников Отечества в двух войнах / Н. П. Кушнирук // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Побелы в Великой Отечественной Войне) : Материалы XXII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 1221–1224. – EDN GZGXMR.
3. Разумный, В. В. Мемориальные комплексы Донбасса как форма исторической памяти Великой Отечественной войны / В. В. Разумный // Россия в глобальном мире. – 2016. – № 8(31). – С. 371–377. – EDN YNDEAF.

УДК 94(520).033.53/.54

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ СОБЫТИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЯПОНСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Мачкович М.М.,
Разумный В.В., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0009-2799-2365
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
razumnyi.vitalii@yandex.ru, milanmachkovich@yandex.ru

Введение. Тема фальсификации истории в японских школьных учебниках остаётся одной из наиболее острых в современном гуманитарном знании. Япония – единственная из стран «Оси», которая не пришла к столь же однозначному, как Германия, признанию вины за преступления Второй мировой войны. Её историческая память остаётся фрагментированной, а трагедия Хиросимы и Нагасаки нередко заслоняет вопросы ответственности за агрессию в Азии [5]. Школьный учебник в этих условиях превращается в инструмент политики памяти, а борьба за его содержание – в «войну памяти», напрямую влияющую на отношения Японии с Китаем и Республикой Корея [6].

Актуальность темы обусловлена тем, что искажение исторических фактов становится осознанным инструментом политико-идеологической пропаганды, а «войны памяти» превращаются в устойчивый тренд международной политики [2].

Цель доклада – охарактеризовать механизмы и содержание фальсификации истории в японских учебниках. Для её достижения решаются три задачи:

1. Выявить историко-политические предпосылки искажения;
2. Рассмотреть институты государственного контроля над учебниками;
3. Систематизировать основные содержательные искажения и проследить их эволюцию.

Основная часть. Фальсификация истории в японских учебниках не является единичным явлением – она опирается на длительную традицию государственной политики памяти. В отличие от Германии, безоговорочно признавшей вину за нацизм, в Японии формирование исторической памяти осложнено внутренними разногласиями, а послевоенный пацифизм и образ нации-жертвы сосуществуют с замалчиванием агрессивного прошлого [5].

Ключевой предпосылкой стал комплекс виктимности – устойчивое представление японцев о себе как о пострадавшей стороне. Он подпитывался памятью об атомных бомбардировках и ковровых бомбардировках японских городов: в войне погибло около трёх миллионов человек, в том числе порядка 800 тысяч мирных жителей [6]. Этот

комплекс сформировался при поддержке оккупационной администрации США, которая разделила «милитаристскую клику» и пострадавший народ и тем самым сняла с нации ответственность за решения её лидеров [6].

Второй предпосылкой стала внешнеполитическая конъюнктура. После восстановления отношений с Китаем в 1972 г. и с Южной Кореей в 1965 г. Токио нуждался в реабилитации своего образа в Азии, поэтому «мазохистский взгляд» на историю не приветствовался на официальном уровне [6]. С конца 1970-х гг., по мере роста экономической мощи, комплекс виктимности стал играть уже в пользу исторического ревизионизма и лозунга превращения Японии в «нормальную страну» [6].

Комиссии по сертификации ещё в 1950-е гг. были укомплектованы экспертами консервативной ориентации. Министерство неоднократно требовало смягчить «нежелательные» формулировки, сократить или убрать упоминания о конкретных фактах: например, оно выступало против определения Тихоокеанской войны как «безрассудной», требовало смягчить оценку масштабов Нанкинской резни, а в начале 1980-х гг. предписало вычеркнуть из одного учебника упоминание о массовых самоубийствах окинавцев и роли японской армии в их инспирировании [6]. Аналогичные изъятия зафиксированы в 1985 г., когда из учебников были удалены материалы об агрессии Японии в Азии и заменены абстрактными рассуждениями [3].

Институциональным ядром ревизионизма стало созданное в 1997 г. ультраконсервативное «Общество за написание новых учебников». Его участники отрицают или преуменьшают масштаб массовых убийств в Китае и принудительную вербовку женщин, требуя описывать действия Японии как вынужденную самооборону и освобождение Азии от западного колониализма [5]. Пик влияния общества пришёлся на период премьерства Синдзо Абэ, а подготовленный им «Новый учебник истории» в 2012 г. был одобрен министерством образования [6].

Общей чертой искажений остаётся смещение акцента на страдания простых японцев при минимизации агрессивной политики. Современные учебники, как правило, упоминают о Нанкинской резне и сексуальной эксплуатации женщин, но в сдержанных и кратких формулировках, а тема принудительной трудовой мобилизации корейцев подаётся без объяснения колониального контекста [5]. Сравнительный анализ учебников разных стран подтверждает: в японских материалах ответственность за военное поведение систематически анонимизируется или затемняется, что отличает их от немецких учебников [4].

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, фальсификация истории в японских учебниках имеет глубокие предпосылки: комплекс виктимности, поддержанный оккупационной администрацией США, и внешнеполитическая

потребность в реабилитации образа Японии в Азии сформировали устойчивую почву для замалчивания агрессивного прошлого [6].

Во-вторых, механизм искажения институционализирован: он опирается на государственную сертификацию учебников, предписания министерства образования и деятельность консервативных организаций, а реформа 2018–2022 гг. дополнительно сократила время на изучение истории [7].

В-третьих, содержательные искажения носят системный характер и прошли эволюцию от полного умолчания о вторжении к смягчению формулировок и замене термина «агрессия» нейтральными оборотами; тема «женщин для утешения» за два десятилетия была вытеснена из большинства учебников [5].

Таким образом, японский учебник остаётся не столько нейтральным средством передачи знаний, сколько инструментом политики памяти. Преодоление этой ситуации предполагает не только внутреннюю дискуссию о честном осмыслении прошлого, но и поиск общей с соседями исторической рамки – без него «войны памяти» будут и далее определять напряжённую атмосферу в Восточной Азии [6].

Список литературы

1. Горячева, Е. А. Ответственность за ведение Второй мировой войны: эволюция концептов и нарративов в Японии / Е. А. Горячева // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. — 2026. — Т. 51. — С. 76—90.
2. Дегтев, И. А. Национализм во внешней политике Японии и вопросы исторической памяти / И. А. Дегтев. // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2021. — С. 241—252. — DOI: 10.48647/IFES.2021.36.82.023
3. Дронишинец, Н. П. Государственная политика Японии в системе образования. Особенности реформирования школьных учебников / Н. П. Дронишинец, Н. А. Носырев // Дискуссия. – 2012. – № 4. – С. 149-153.
4. Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под ред. Л. П. Репиной — М.: Аквилон, 2017. — 400 с.
5. Прасол, А. Ф. Восемьдесят лет спустя: дискурс и память о войне в современной Японии / А. Ф. Прасол // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. — 2026. — Т. 51. — С. 62—75.
6. Стрельцов, Д. В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии / Д. В. Стрельцов // Ежегодник Япония. — 2014. — № 43. — С.7—27.
7. Тюленев, И. А. Реформа исторического образования в старшей школе (2018—2022) в контексте образовательной политики современной Японии / И. А. Тюленев // Ежегодник Япония. — 2025. — Т. 54. — С. 58—78.

УДК 94:291.36 (477)"2014/2025"

БИТВА ЗА ДНЕПР 1943 Г. В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ: АНАЛИЗ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ

Пенькова О.Б., кан. ист. наук, доц., ORCID 0009-0000-1384-4710
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
moruzhenko63@mail.ru

Введение. После государственного переворота 2014 года на Украине установился неонацистский режим. Киевские власти активизировали работу по искажению исторической памяти и формированию «иной», основанной на русофобии, идентичности населения страны. С возвращением в 2022 г. Россией своих исторических территорий по результатам всенародных референдумов в Донецкой и Луганской Народных Республиках, Запорожской и Херсонской областях, перед руководством страны и профессиональным сообществом встала задача интеграции в общероссийское социокультурное пространство миллионов людей, подвергшихся нацистской пропаганде. В условиях современной многоуровневой цивилизационно-когнитивной и прямой военной агрессии Запада против нашей страны, отношение к Великой Отечественной стало и маркером гражданской позиции, и определенным водоразделом между патриотическими и антироссийскими силами. Фальсификация истории войны, передергивание фактов, лживые трактовки, используются современными врагами Российской Федерации в медиа и образовательной сфере. Особое внимание уделяется школьному образованию. В последнее десятилетие украинские школьные учебники находятся в фокусе внимания отечественных исследователей. В 2015 г. была опубликована статья О.В. Семеновой, анализирующая учебники истории как источник формирования нового цивилизационного сознания на постсоветской Украине [1]. Событием стала вышедшая в 2023 г. в Петрозаводске коллективная монография «Вторая мировая война в школьных учебниках XX и XXI веков: уроки истории», в ней украинской тематике посвящены работы О.Ю. Репуховой [2] и О.В. Хаталах [3]. Украинский взгляд на Великую Отечественную войну через призму учебников истории рассматривает белорусский исследователь А.Д. Гронский [4]. Некоторые аспекты этой проблемы рассматривались автором статьи ранее [5].

Цель работы – изучив материалы современных школьных учебников по истории, проанализировать трактовки Битвы за Днепр 1943 г. в современном украинском нарративе. Для этого были взяты учебники по истории Украины для 10 класса, подготовленные четырьмя авторскими коллективами, рекомендованные Министерством образования и науки Украины. Они были изданы в 2018 г., затем дополнены и переизданы в

2023 г. Все учебники вышли значительными тиражами, на хорошей бумаге, с большим количеством иллюстраций, качественной цветной печатью, в твердом переплете.

Основная часть. Еще во времена президентства Кучмы на Украине и в учебных программах, и в СМИ, вместо понятия «Великая Отечественная» стали употреблять термин «Вторая мировая», в рамках которой проходила «Советско-немецкая война на территории Украины». Все события, проходившие не на территории современной Украины, в курсе дисциплины «История Украины» не рассматривались, а фрагментарно перебрасывались в курс переполненной материалом Всемирной истории, количество часов оставалось прежним. Ключевые события Великой Отечественной (Битва за Москву, Сталинградская битва, блокада Ленинграда, Курская битва) рассматривались поверхностно, у школьников не складывалось понимание хода событий войны.

Битве за Днепр августа – декабря 1943 г. в украинской школьной программе уделено особое внимание. В учебниках она показана тяжелейшим кровопролитным сражением, вина за колоссальные людские потери в битве возложена на «некомпетентное советское руководство, которое сознательно шло на ненужные жертвы. Красноармейцы форсировали Днепр без подготовки» [6, с. 225]. В учебнике, изданном в 2023 г. в Тернополе, указано: «Во время форсирования Днепра и Киевской наступательной операции погибло 417 тысяч советских воинов, а с учетом черносвитников – 800 тысяч человек. «Битва за Киев» стала одной из самых кровопролитных военных операций Второй мировой войны» [7, с. 260]. В учебнике, изданном в Харькове в 2018 г., прямо написано: «Штурм Днепра сопровождался чрезвычайно большими, часто неоправданными жертвами. Погибли десятки тысяч новобранцев, так называемых «серых пиджаков» (или «черносвитников») – невооруженных, необученных юношей, наспех мобилизованных в приднепровских областях Украины. На Левобережье в ряды Советской Армии в 1943 г. было мобилизовано около 1 млн человек» [8, с.219].

В учебнике Власова и Кульчицкого, вина за людские потери возложена лично на И.В. Сталина: «Сталин приказал занять столицу УССР к очередной годовщине Октябрьской революции 7 ноября. Приказ выполняли ценой колоссальных жертв. Мобилизовали даже подростков из окрестных сел. Военной формы (а часто и оружия) они не получали – за темную верхнюю одежду домашнего покроя эти «войска» называли «черной пехотой», «черно-пиджачниками», или «черносвитниками». Искупая «вину перед Родиной и ее великим вождем Сталиным» за пребывание в оккупации, эти юноши гибли на передовой или становились мишенью для заградительных отрядов, если отходили без команды. Всего во время форсирования Днепра и получения (здобуття!) Киева погибло 417 тыс. воинов. Одним из тех, кто пережил форсирование Днепра, был

писатель Виктор Астафьев. Его воспоминания стали хрестоматийными: «двадцать пять тысяч входит в воду, а выходит на том берегу три тысячи, максимум пять. Через пять-шесть дней все это всплывает» [9, с. 238]. Цитата из учебника, изданного в Тернополе: «Черносвитниками» называли пехотные подразделения Красной Армии, сформированные из местного украинского населения …такие пехотинцы не имели не надлежащей амуниции, не оружия. Они были «пушечным мясом» при наступлении Красной Армии. Политруки и командиры оправдывали это преступление так: «Пока мы кровь проливали в борьбе с врагом, вы отсиживались. Так теперь смывайте собственной кровью вину за немецкую оккупацию». Даже немцы так не относились к славянам, которые воевали в подразделениях Третьего Рейха и которых они считали низшей расой. Так, на смену немецким оккупантам пришли советские – гораздо более жестокие» [7, с. 261].

Заключение. В современном украинском нарративе Битва за Днепр 1943 года представлена как «преступление кровавой советской власти» против украинского народа, ставшего безвинной жертвой «бесчеловечного сталинского режима», который, якобы, специально стремился уничтожить как можно больше людей, исходя из их этнической принадлежности. Нет ни слова о героизме советских воинов. Манипуляции в учебниках проводятся даже на уровне лексики: в отношении освобожденных от немецко-фашистских захватчиков городов практически не используется слово «звільнені» (освобожденные), в основном полученные или захваченные. Так в сознание украинской молодежи вдалбливаются русофобские идеи.

Список литературы

1. Семенова О.В. Учебники истории как источник формирования 1нового цивилизационного сознания на постсоветской Украине // Украинский кризис: истоки, тенденции и уроки; материалы круглого стола (Ростов-на-Дону, 2 ноября 2015 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – С. 110–119.
2. Репухова О.Ю. Вторая мировая война (до начала контрнаступления Красной Армии под Москвой 5 декабря 1941 года) в школьных учебниках истории Украины //Вторая мировая война в школьных учебниках XX и XXI веков: уроки истории – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2023. – С. 230–241.
3. Хаталах О.В. Изложение событий Второй мировой войны в учебниках Украины XX и XXI веков // Вторая мировая война в школьных учебниках XX и XXI веков: уроки истории – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2023. – С. 242–261.
4. Гронский А.Д. Украинский взгляд на Великую Отечественную войну через призму учебников истории // Тезисы докладов II Всероссийской научной конференции «Народы России на защите Отечества» (г. Элиста, 6–9 октября 2025 г.). –Элиста: КалмНЦ РАН, 2025. – С.80–83.
5. Пенькова О.Б. Современные украинские учебники: конструирование нарратива и искажение памяти о Великой Отечественной войне // Великая Отечественная война

1941–1945 гг.: историческая память и вызовы современности: сборник статей I-й Международной научно-практической конференции – Москва: Издательство МИСИ – МГСУ, 2024. – С.181–187.
6. Пометун О.І. Історія України (рівень стандарту): підруч. для 10 кл. закладів загальної середньої освіти /О.І. Пометун, Н.М. Гупан. – К.: УОВЦ «Оріон», 2018. – 284 с.: іл.
7. Хлібовська М.Є., Крижановська М.Є., Наумчук О.В. Історія України. Рівень стандарту: підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти. / І.О. Бурнейко, М.Є. Хлібовська, М.Є. Крижановська, О.В. Наумчук – Тернопіль: Астон, 2023. – 292 с.: іл.
8. Гісем О.В. Історія України (рівень стандарт): підруч. для 10 кл. закл. загал. освіти /О.В. Гісем, О.О. Мартинюк. – Харків: Вид-во «Ранок», 2018. – 240 с.: іл.
9. Власов В.С. Історія України (рівень стандарт): підручник для 10 класу закладів загальної освіти /В.С. Власов, С.В. Кульчицький. – Київ: Літера ЛТД, 2018. – 256с.

УДК 930.2:323.1:316.75

«ФАБРИКИ» ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Саенко А.С.[1, 2]**,** канд. ист. наук, ORCID 0000-0001-7406-5147
[1] ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук», г. Москва, РФ
[2] ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, РФ
saencko.anton.2015@yandex.ru

После распада СССР новые элиты независимых государства стали выстраивать собственный исторический нарратив, что нередко сопровождалось пересмотром оценок общего советского прошлого. Руководством некоторых государств, образованных на территории бывшего СССР стали формироваться собственные структуры, которые по своей сути превратились в «фабрики» фальсификации истории. Эти институты, часто создаваемые при прямой поддержке и финансировании западных структур, целенаправленно работают над демонтажем общего исторического кода, объединявшего народы на протяжении десятилетий.

Так, первой институционализированную политику памяти выстроила Литва. Еще в 1992 г. в этой стране был основан Центр исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы, преобразованный в 1993 г. в государственное учреждение с исследовательским, мемориальным и правозащитным департаментами. В Эстонии в 1998 г. создана Международная комиссия по расследованию преступлений против человечности, подготовившая «Белую книгу о потерях, нанесенных народу

Эстонии оккупациями»; с 2008 г. действует Эстонский институт исторической памяти. В Латвии роль координатора выполняет Комиссия по оценке последствий тоталитарного режима при президенте и Музей оккупации. В литовском законодательстве закреплены статусы «пострадавших от оккупации» и «борцов за свободу», а также закон о возмещении ущерба от «советской оккупации».

В качестве ответа на фальсификации в 2022 г. в Пскове открылся Музей оккупации Псковской области 1941–1944 годов. В отличие от зарубежных аналогов, он посвящен реальной трагедии: учреждение расположено в подлинном здании, где в годы войны располагался карательный орган «Эстонская полиция безопасности и СД». Экспозиция включает карту концентрационных лагерей, копии писем допросов, воспоминания очевидцев и артефакты, найденные на местах раскопок.

В 2006 г. был создан Украинский институт национальной памяти (УИНП). Его уставные задачи включали «воссоздание справедливой истории украинской нации» и продвижение версии Голодомора 1932–1933 гг. как акта геноцида. УИНП стал автором «мемориального пакета» законов 2015 г. об осуждении «коммунистического и нацистского тоталитарных режимов», о статусе «борцов за независимость», об открытии архивов репрессивных органов. Украинская оппозиция и международные издания неоднократно указывали на факты чистки архивов этим ведомством, сокрытие документов о преступлениях ОУН-УПА[1] и затруднение доступа исследователей к подлинным материалам [1].

2 мая 2025 г. Министр просвещения Российской Федерации С.С. Кравцов назвал грубым искажением исторической правды подачу событий Великой Отечественной войны в учебниках по истории для старших классов Молдавии [2].

Мощным ответом на попытки фальсификации истории Великой Отечественной войны стал федеральный проект «Без срока давности», реализация которого началась в 2019 году. Проект направлен на сохранение исторической памяти о жертвах преступлений нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны. В рамках проекта «Без срока давности» ежегодно сотни тысяч российских и зарубежных школьников, студентов пишут сочинения, работают над исследовательскими проектами, формируют музейные экспозиции, участвуют в образовательно-просветительских мероприятиях.

Сопоставление моделей деятельности структур, нацеленных на фальсификации истории Великой Отечественной войны, показывает общий набор инструментов, который они используют:

институты национальной памяти – специализированные органы, аккумулирующие и популяризирующие официальную версию прошлого.

[1] Организация, признанная экстремистской в Российской Федерации.

Эти центры, составляющие так называемый «первый красный пояс фальсификации» вокруг границ РФ, используют близость ментального восприятия для формирования антироссийских нарративов;

«законы памяти» – нормативное закрепление трактовок и введение ответственности за «неправильные» оценки;

музеи и мемориалы – сеть так называемых «музеев оккупации» (Литва, Латвия, Эстония, Грузия, Украина), где советский и нацистский режимы уравниваются в рамках концепции «тоталитаризма», а пособники коллаборационистов выставляются героями национально-освободительной борьбы.

Как отмечает депутат Госдумы и ответственный секретарь «Поискового движения России» Е.М. Цунаева, создание антироссийских «музеев оккупации» требует ответа со стороны профессионального исторического сообщества на серьезном методологическом уровне. Необходимо разоблачить попытку поставить знак равенства между нацистским геноцидом и советской властью, сохранив память о подлинной освободительной миссии Красной армии в Европе [3].

образовательная политика – анализ учебной литературы фиксирует трансформацию трактовок Великой Отечественной войны в вышеупомянутых государствах. Из школьных программ целенаправленно изымаются сведения о совместных подвигах, вкладе советских народов в Победу и масштабах нацистского геноцида;

цифровое пространство — «армии цифровых бойцов», создающие нарративы и контрнарративы в социальных сетях, а также скоординированные кампании по дезинформации, направленные на молодежную аудиторию.

В ответ на эти вызовы в России в 2023 г. был создан Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации, а в 2024 г. запущен проект «Фальсификациям – нет». Цель проекта – раскрытие глубинной сущности насаждаемых нарративов, публикация расследований и издание информационных бюллетеней для защиты традиционных ценностей и суверенитета страны.

Таким образом, анализ деятельности «фабрик» фальсификации истории в странах постсоветского пространства показывает, что пересмотр оценок советского прошлого носит системный, институционализированный характер и направлен на демонтаж общего исторического кода с использованием целого единого набора инструментов. Эта целенаправленная политика, часто спонсируемая западными структурами, ведет к уравниванию советского и нацистского режимов, героизации коллаборационистов и представляет прямую угрозу национальной безопасности России, провоцируя разрыв гуманитарных связей. В ответ на эти вызовы Россия формирует собственную стратегию защиты исторической памяти через деятельность государственных

организаций, образовательное сообщество, федеральные проекты, создание объективных музейных пространств для сохранения подлинной истории Великой Отечественной войны.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось в рамках научно-исследовательской работы по выполнению гранта Российского научного фонда (№ 25-18-00464)*

Списо литературы

1. Украинская оппозиция требует проверить факты фальсификации истории Институтом нацпамяти / ТАСС. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3265823 (дата обращения: 17.10.2026).
2. Сергей Кравцов: «В молдавских учебниках истории искажают правду о Великой Отечественной войне» / Сайт Минпросвещения России. – URl: https://edu.gov.ru/press/9788/sergey-kravcov-v-moldavskih-uchebnikah-istorii-iskazhayut-pravdu-o-velikoy-otechestvennoy-voyne/?ysclid=mvcmc71g324761887 (дата обращения: 17.10.2026).
3. Депутат ГД заявила, что создание «музеев оккупации» требует ответа историков / ТАСС. – URl: https://tass.ru/obschestvo/21420187 (дата обращения: 17.10.2026).

УДК 32.019.51:94(477)«2020»

УКРАИНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В 2020-Х ГГ.: ОСНОВНЫЕ СЮЖЕТЫ И ЭЛЕМЕНТЫ

Татаринов И.Е., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0002-7544-2132
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
г. Луганск, РФ
Igortatarinov76@gmail.com

Введение. В конце XX – начале XXI века в странах бывшего соцлагеря политика памяти стала одним из ключевых направлений государственной политики. После распада СССР для легитимации государственности перед обрётшими независимость республиками встала задача по формированию национальной идентичности. Здесь особенно показателен украинский опыт memory politics, отличающийся культурно-исторической многослойностью и исключительно конфликтными практиками. Как известно, различные регионы страны долгое время пребывали в составе разных государств. Эти обстоятельства породили несколько традиций и моделей коллективной памяти. В последнее время эта политика приобрела агрессивные антироссийские черты, став важным элементом государственной идеологии и национальной безопасности.

Цель статьи заключается в анализе современного состояния политики памяти на Украине в 2020-е гг., выявлении особенностей ее институционального оформления и определении основных идеологических направлений формирования исторической памяти.

Основная часть. На современное развитие политики памяти на Украине повлияли события 2022 года. С началом Специальной военной операции РФ по демилитаризации и денацификации Украины (СВО) историческая политика стала неотъемлемой составляющей украинской национальной безопасности. В настоящее время она отчётливо приобретает черты милитаризации и секьюритизации. В стране законодательно закрепляется антироссийская терминология, а исторические нарративы жёстко интегрируются в логику вооружённого противостояния с РФ.

Законы 2022–2025 годов стали символом эскалации антироссийских нарративов с целью закрепить в ментальном пространстве и общественно-политическом дискурсе негативные и ложные по отношению к РФ тренды о «российском тоталитарном режиме», «российской агрессии» и т.п. В частности, в Законе 2022 года «О запрете пропаганды российского нацистского тоталитарного режима…» вводится и законодательно закрепляется применительно к РФ понятие «государство-террорист», запрещает символы Z и V, а также символы вооружённых сил РФ. Доктрине «русского мира» были приданы неоколониальные трактовки, а

сама доктрина была запрещена, как и ее популяризация любым способом [1]. Другой нормативно-правовой акт – Закон «Об осуждении и запрете пропаганды российской имперской политики» 2023 года распространяет процесс так наз. деколонизации на весь период российской истории, включая СССР как форму реализации имперской политики. Указанные конструкции прочно вошли в современную историографию Украины [2].

Практическая реализация законодательной базы подкреплялась различными подзаконными актами, Указами Президента и постановлениями Кабинета Министров Украины. Здесь основные направления таких воздействий прошли вокруг введения в информационное поле новых памятных дат: «День памяти жертв голодоморов и политических репрессий» (третья суббота ноября), «День Героев Небесной Сотни» (20 февраля), «День памяти защитников Украины» (29 августа), ежедневная общенациональная минута молчания и т.п. Кроме этого были созданы новые мемориальные объекты (например, мемориал «Быковнянские могилы», музей Революции достоинства и др). Параллельно с этими процессами беспрецедентно массовых масштабов приобрело вытеснение советского наследия из мемориального пространства Украины. Речь идёт о демонтаже монументов и мест памяти советского периода, переименовании населённых пунктов и улиц, вымарывание из публичного пространства советской символики (серп и молот, советский герб и т.п.), борьба с печатной продукцией (библиотеки).

Голод 1932–1933 годов стал центральной темой украинской политики памяти, формируя виктимный дискурс как ключевой элемент национальной идентичности. Как показывают работы Г. Касьянова, нарратив о так наз. Голодоморе был сконструирован в диаспорной среде и стал «симулякром» и элементом нациестроительства, превратившись в мощный инструмент политической мобилизации [3, p. 197-198]. Украинская историческая наука, представленная работами, например, В. Смолія, В. Литвина и других, интерпретирует эту трагедию как геноцид украинского народа, что было закреплено законодательно. Критика этого подхода указывает на деконтекстуализацию голода, его изоляцию от общесоветского контекста и от других пострадавших этносов [4].

Важно отметить завершение институционализации политики памяти. Украинский институт национальной памяти (УИНП) сегодня обладает не только идеологическими, но и властными полномочиями (реестры, нормотворчество, экспертиза, международные договоры), что превращает историческую политику в отдельное направление государственной политики. Именно УИНП принял самое деятельное участие в составлении Закона Украины «Об основах государственной политики национальной памяти Украинского народа» от 21.08.2025 г. В нем задекларирована цель сформировать общее понимание прошлого путём восстановления и сохранения национальной памяти, поддержки исследований по истории

Украины и её популяризации для укрепления единства народа. Этим же законом впервые на законодательном уровне были введены и закреплены термин «рашизм» и понятие «исторической антиукраинской пропаганды», а сама политика памяти была определена в качестве важной составляющей национальной безопасности [5].

В настоящее время политика памяти на Украине на институциональном и общественно-политическом уровне завершает разрыв с общим российско-советским прошлым. Практически полностью устранены ключевые советские коммеморативные элементы: переименовываются города и улицы, демонтируются памятники, изымается печатная продукция, меняется система праздников, что ведёт к глубокому ментальному и культурному разрыву поколений.

Украина выстроила искусственную, нормативно закреплённую и институционально обеспеченную систему идеологических и административных мер, формирующую национальную идентичность через отторжение от общего прошлого, виктимизируя историческое сознание и героизируя антироссийские военно-политические структуры. После 2022 года эта политика приобрела открыто экстремистский характер. Она стала неотъемлемой частью противостояния с Российской Федерацией. Глорификация украинских националистов, как отмечает П-А. Рудлинг, сопровождается «крайне избирательным прочтением истории» и требует «фальсификаций, чтобы отбелить их прошлое». Эта политика создаёт мемориальный тупик, из которого возможен выход только через критическое осмысление сложных страниц прошлого [6].

С началом СВО украинская политика памяти вступила в качественно новую фазу, характеризующуюся полной милитаризацией исторического нарратива и его интеграцией в стратегию борьбы с Россией. Вновь сформированные нарративы, глорификация националистов и прочих структур, информационные манипуляции, мифотворчество и замалчивание неудобных страниц истории символизируют фундаментальную трансформацию всей системы memory politics на Украине. Историческая память «становится ресурсом легитимации новых территориальных и политических реалий», а сама «политика памяти всё больше подчиняется логике текущего военно-политического противостояния» [7].

Заключение. Таким образом, мы видим стремительную секьюритизацию украинского исторического нарратива, где политика памяти превращается в инструмент информационного противостояния с Россией. На фоне усиления этноцентричного нарратива фиксируется методологическая подмена: процесс формирования национальной идентичности сводится к реактивному противопоставлению внешнему врагу, а принцип объективности игнорируется в пользу участия в мифотворчестве. Эти сюжеты дополняются массированной героизацией участников вооружённых формирований Украины. Тем самым создаётся

новый пантеон современных героев, переключая внимание на национальном сопротивлении, которое становится доминирующим в историографии, образовательных программах и коммеморациях.

Отметим также завершение процесса декоммунизации: советские и пророссийские нарративы вытеснены в «подполье», что закреплено законодательно и на историографическом уровне при полном контроле государственных институций. Демонтаж памятников, переименование топонимов и изъятие советской символики и литературы стали системным инструментом разрыва с советским прошлым. Институционализация политики памяти также практически завершена: УИНП с 2014 года превратился в ключевой институт, формирующий официальный дискурс украинской истории, активно вытесняя альтернативные исторические нарративы.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №25-28-02675 «Российский исторический нарратив и политика памяти на Украине в 1990-2020-е гг.: проблемы интерпретации и концептуализации».*

Список литературы

1. Закон України «Про заборону пропаганди російського нацистського тоталітарного режиму, збройної агресії Російської Федерації як держави-терориста проти України, символіки воєнного вторгнення російського нацистського тоталітарного режиму в Україну» від 22.05.2022 № 2265-IX // Голос України, 2022, 11 червня, №121.
2. Закон України «Про засудження та заборону пропаганди російської імперської політики в Україні і деколонізацію топонімії» від 21.03.2023 № 3005-IX.
3. Kasianov, Georgiy. Memory crash: the politics of history in and around Ukraine, 1980s-2010s. Budapest, Central European University Press, 2022. – 408 p. – ISBN 978-963-386-380-0.
4. Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки / редкол. В. А. Смолій; відповід. ред. В. М. Литвин. К.: Наукова думка, 2003. – 888 с. – ISBN 966-00-0117-7.
5. Закон України «Про засади державної політики національної пам’яті Українського народу» № 4579-IX від 21.08.2025 // Голос України, 2025, 29 серпня, №171.
6. Rudling, Per A. Tarnished Heroes: The Organization of Ukrainian Nationalists in the Memory Politics of Post-Soviet Ukraine. Ibidem-Verlag, 2024. – 478 p. – ISBN: 978-3-8382-0999-9.
7. Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (ред.). Методологические вопросы изучения политики памяти. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. – С. 285–312. – ISBN: 978-5-4469-1459-3.

УДК 94(477.6)«1941/1945»

ДНЕВНИК УЧАСТНИКА АВДОТЬИНО–БУДЕННОВСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЛЬВА КАДЫКОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Твердохлеб А.Ю., ORCID 0009-0006-4482-7204,
Денисенко З.В., ORCID 0009-0000-3609-0536
ГБПОУ «Донецкий медицинский колледж», г. Донецк, РФ
tverdokhlebanna@mail.ru, denisenkoslata@yandex.com

Введение. Чем дальше от нас отстоят события Великой Отечественной войны, тем явственнее масштаб всенародного подвига Победы, тем глубже становится осознание необходимости дальнейшего изучения ее истории от всемирно-исторического до личностного измерения. Особую ценность для исследователя имеют эго-документы (письма, дневники, мемуары), отражающие внутренний мир личности и запечатлевшие реалии военной повседневности. К числу таких источников относится дневник Льва Кадыкова – героя Авдотьино-Буденновской подпольной патриотической группы [1]. Организация под руководством С. Г. Матёкина, а затем С. В. Скоблова и Б. И. Орлова действовала весь период оккупации с 1941 г. по 1943 г. и нанесла существенный урон оккупантам, осуществляя пропагандистскую (выпуск листовок), гуманитарную (помощь военнопленным и населению), диверсионную (подрыв трех эшелонов, моста, военных мастерских, захват оружия, уничтожение оккупантов) и разведывательную (похищение плана немецкого наступления на Ростов-на-Дону, связь с командованием Южного фронта) работу [2, с. 124–130].

Публикация эго-документов участников Авдотьино-Буденновской группы началась в 1944 г.: были напечатаны факсимильное изображение письма С. В. Скоблова, письма С. Г. Матекина семье из тюрьмы и фрагмент коллективного завещания членов подпольной организации, написанного на носовом платке Льва Кадыкова в ночь перед казнью 29 мая 1943 г. [3]. Все эти материалы позже вошли в документальный сборник «Говорят погибшие герои» [4, с. 235–239]. Л. Е. Черкашина во время работы над повестью «В нашем городе» (1947 г.) использовала и привела цитаты из дневника его близкого друга Василия Романчука [5]. Характеристика и факсимильное изображение двух страниц дневника Льва Кадыкова вошли в тематический каталог Донецкого республиканского краеведческого музея [6]. Этот фрагмент дневника был изучен студентом Донецкого медицинского колледжа Н.Н. Николаенко [7]. В целом дневник не изучался.

Цель – проанализировать источниковедческий потенциал личного дневника Льва Кадыкова – студента Сталинской фельдшерско-акушерской школы и участника донецкого подполья.

Основная часть. Дневник Льва Кадыкова хранится в фондах Донецкого республиканского краеведческого музея. Он представляет собой 96-ти страничную тетрадь, 66 из которых – рукописный текст (чернила). Довоенные записи ведутся в основном синхронно с 1 сентября 1940 г. по 22 июня 1941 г. и дополнены авторскими иллюстрациями. Даты, связанные с наиболее значительными событиями в жизни юноши, выделены. Эти записи содержит богатейший материал для изучения предвоенной повседневности в Донбассе: подробности учебы в школе (учебный процесс, отношения с одноклассниками и учителями, кружки, физическая подготовка), работа библиотек, система поступления в техникумы; семейно-бытовые отношения, сельский уклад и домашнее хозяйство семьи в поселке, контрастирующая с ним городская инфраструктура и культурная жизнь Сталино; своеобразный праздничный календарь того времени, объединяющий советские и церковные праздники; столкновение членов семьи с государственными органами, работа почты, железных дорог, военкоматов, особенно подробно врачебных комиссий.

Начало войны Лев встретил в Харькове, куда он приехал именно в ночь на 22 июня 1941 г. поступать в военное медицинское училище, испытал огромное разочарование, т.к. не прошел медкомиссию из-за проблем со зрением. После этого записи обрываются до 1 сентября 1941 г., когда Лев начал учебу в Сталинской фельдшерско-акушерской школе (в дневнике – медицинский техникум). С 1 по 7 сентября ежедневные синхронные записи полны радости от осуществившей мечты начала учебы на медика, хотя соседствуют с картинами жизни уже военного города. Затем идет ретроспективная запись от 8–20 сентября 1941 г. Возобновляется дневник ретроспективной записью 5–8 января 1942 г. уже во время оккупации. Последняя запись датируется 15 января 1942 г., после чего несколько страниц аккуратно вырезаны. Контекст записанных событий и резкое прекращение записей дает основание для вывода об участии Льва Кадыкова в организации уже с начала 1942 г.

Со страниц дневника перед нами предстает во всем своем трогательном и пронзительном обаянии и цельности образ юноши, родившегося и сформировавшегося в молодой советской стране. В его богатой натуре естественно сочеталось очень многое. С одной стороны – жажда знаний (ежедневное чтение, интерес к биологии, занятия в физико-техническом кружке и фотоделом) и романтика (мечты о море, любовь к природе, увлечение кино): «Солнечное, прелестное, бодрое утро. Скворцы выводят свои изгибистые трели, встречая солнце. Зазеленела и стряхнула пыль со своих листков трава после дождя. […] Теперь бы увидеть свою избранную стихию [море]» [1]. С другой стороны – стремление приносить пользу прямо сейчас, не быть обузой родителям (выполнение огромного объема домашней хозяйственной работы, самостоятельный сезонный заработок), практическая основательность, доскональное знание

обстановки и местного ландшафта, целеустремленность (выбор профессии медика и огромные усилия на пути к ней). «…у нас народ вольный, как вольная птичка. Да как же невольный, когда куда я захочу, туда и вступлю учиться. […] Я, так сказать, вступлю в строители нашей непобедимой, любимой матери Родины», – эти мысли звучали в дневнике в мирное время, а с установлением оккупационного режима проявление высоких нравственных чувств усилилось [1].

Заключение. Проведенный анализ показывает многоплановый потенциал дневника Льва Кадыкова для изучения подпольного движения в Донбассе. Он расширяет биографические данные об авторе, помогает уточнить фактическую информацию о начальном этапе организации. Особой информативностью дневник обладает для историко-антропологического анализа типа личности юного участника советского антифашистского подполья, что в свою очередь помогает осмыслить истоки движения, его массовость и выдающийся вклад в Победу. Запечатленная автором дневника живая картина разных сторон повседневной жизни поселка Авдотьино и Сталино накануне войны расширяет наше представление об особенностях процесса ускоренной урбанизации Донбасса. Даже краткое описание реалий оккупационного режима эмоционально отразило характерные черты политики нацистского геноцида советского народа. Перспективы дальнейшее исследования связаны со включением в научный оборот всего комплекса эго-документов подпольщиков Авдотьино-Буденновской группы из музейных фондов.

Список литературы

1. Дневник личный Кадыкова Л. А. 1.09.1940 г. – 15.01.1942 г.: автограф // Донецкий республиканский краеведческий музей. – ДС 11009.
2. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Сборник документов и материалов / Сост. В. И. Лебедев и др.– Донецк: Донбасс, 1980. – 310 с.
3. Погодин, К. Они сражались за Отчизну / К. Погодин // Комсомольская правда. – 1944. – 2 июля. – С. 3.
4. Говорят погибшие герои / Сост. В. А. Кондратьев, З. Н. Политов. – 8-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1986. – 398 с.
5. Черкашина, Л. Е. В нашем городе: повесть / Л. Е. Черкашина. – Сталино: Сталинское обл. книжно-газ. изд., 1947. – 152 с.
6. Партизанско-подпольное движение 1941–1943 гг. на территории Сталинской области: Каталог / Сост.: Горбова М. В., Койнаш Т. П., Черепахина И. Г., Пехотина А. В. // Музейный вестник Республики. – 2018. – № 2 – С. 92, 95.
7. Николаенко, Н. Н. Участник Авдотьино-Буденновской подпольной группы Лев Кадыков и его дневник (1941–1943) / Н. Н. Николаенко. – Текст: электронный // X Международная научная конференция «Форум молодых ученых: мир без границ», г. Донецк, 25 сентября – 10 декабря 2023 года: Сборник материалов. – Донецк, 2024. – URL: https://lyudmilafilatova.ru/sert/Sborniu_Kh.pdf (дата обращения: 1.09.2026).

СОДЕРЖАНИЕ

Политология

Авдалян А.В. Разрывы гражданского участия в политическом цикле проектирования социальной среды 7

Балагуров А.М., Борисова А.Н. Трансформация публичной власти в условиях цифровизации от традиционных институтов к модели «электронного государства» (на примере России)..... 10

Бевцык О.В. Факторы электоральной мобилизации в ДНР: запрос на стабильность и интеграцию..... 13

Бобров И.В., Боброва А.С. Общероссийская идентичность студентов Новосибирска в её гражданском и культурном измерениях 16

Борисова А.Ш. Электронное государство как вектор эволюции современной России: институциональные изменения и технологические модели..... 19

Василиади А.Х. Политическая полиция Российской империи: роль и место III отделения СЕИВК в системе государственного управления..... 22

Думбадзе А.Р. пространственная политика как механизм государственного целеполагания в условиях цифровизации: региональный аспект (на примере ДНР)..... 24

Ильницкий И.П., Посредников Д.В. Генеративный ИИ в политической коммуникации: манипулятивный потенциал, эмпирические индикаторы, критерии оценки 27

Комаров М.А., Быстрянцев С.Б. Цифровая среда как фактор формирования политического сознания и гражданской активности современной Российской молодежи..... 30

Ладыга Л.И. Кибертерроризм как новый тип терроризма: проблемы противодействия..... 33

Николаев Ю.Б. Исторические и политические предпосылки разрушения СССР..... 37

Лисовой А.В., Скворцов Ю.А. Особенности индустриальной идентичности донбасса в политической практике..... 39

Пономаренко Б.Е., Руденко М.В. Новый этап идеологического поиска в современной России..... 42

Сидельников А.М., Пожидаев Е.А. Государственная политика Российской Федерации в сфере добровольческой деятельности: тенденции и перспективы 45

Скворцов Ю.А. Современные идеологические направления Российской Федерации: от деидеологизации к традиционализму 48

Соловьёв Н.Н., Пожидаев Е.А. Государственная политика Российской Федерации в сфере обеспечения экологической безопасности: специфика интеграции ДНР в условиях ведения боевых действий 51

Черкашин К.В. Парламентские выборы-2026 в ДНР: итоги, проблемы и перспективы 54

Чигвинцев В.В. Новый инструментарий государственного управления: как современные методы в АПК меняют требования к компетенциям госслужащего 57

Шестаков Ю.В., Быстрянцев С.Б. Политизация спортивной деятельности в международных отношениях 61

Международные отношения и внешняя политика

Авилов И.И., Медовкина Л.Ю. Информационная война как инструмент современной геополитики: фальсификация истории и международно-правовые аспекты..... 64

Гейко С.И., Кузнецова Е.В. Треугольник Россия-Индия-Китай: проблемы и перспективы сотрудничества..... 68

Егорченков Р.В. Британский евроинтеграционный скептицизм как одна из предпосылок BREXIT..... 71

Жиманов Я.Р. Особенности и перспективы развития политических институтов союзного государства России и Беларуси..... 75

Загородний В.В. Институционализация диаспорального компонента во внешней политике КНР в Юго-Восточной Азии..... 78

Зыченко А.И. Советская модель оказания помощи развивающимся государствам в период правления Н.С. Хрущёва 1953-1964 гг.: кейс африканских государств..... 81

Клитная Н.А. Международные транспортные коридоры как как инструмент влияния в системе современных международных отношений 84

Козловский А.Ю. Современная внешняя политика Словакии: культурно-гуманитарные составляющие 87

Кузнецова Е.В. Роль социальных сетей в развитии общественной (народной) дипломатии..... 91

Куканова М.А. Роль дипломатических подарков на примере российско-китайских отношений..... 94

Кухтин М.М. Античные истоки теории международных отношений 97

Медовкина Л.Ю. Стратегии обеспечения информационной безопасности постсоветского региона..... 100

Москвитина Я.В., Дибас О.А. Континентальный и островной пространственный опыт: проблема «пограничного инстинкта» в геополитике Карла Хаусхофера 103

Нгуен Н.В.А., Фам Т.Т.Ч. Гуманитарная деятельность вьетнамской диаспоры в России в контексте народной дипломатии: на примере гуманитарных миссий в Донбасс 106

Ордынский А.А., Ипатов А.М. К вопросу о роли российских сил в гражданской войне в Таджикистане 109

Павина Е.А., Медовкина Л.Ю. Политика Польши в рамках членства НАТО: между атлантизмом, региональным лидерством и национальной обороной..... 112

Посредникова Т.Г. Англо-американское сближение в 1937–1939 гг.: официальная дипломатия и неформальные каналы 115
Починков И.О., Дибас О. А. «Полярный шёлковый путь» в стратегии КНР 119
Пустошинская О.С., Васильева Е.Г. Парадипломатия как фактор развития российско-китайских отношений 122
Сальников В.И. Анализ современной международной ситуации с позиций концепций, связанных с политической турбулентностью 125
Самойленко П.Ю. Окончание Второй мировой войны на Тихом океане: историческая память, имиджевое значение и перспективы для развития сотрудничества российского Дальнего востока со странами АТР 128
Сбролли М., Кравец Ю.А. Российско-итальянские отношения с 1991 г. до 24 февраля 2022 г.: развитие партнёрства и пределы политического сближения 131
Севрук Б.О., Кузнецова Е.В. Эволюция концепции миротворчества ООН в Африке: от «традиционных» операций до многоаспектных миссий 134
Солодовников А.Г., Хмеленко А.А. Эволюция института экстрадиции в условиях геополитической напряженности 137
Студинец А.А. Особенности процесса экономической интеграции в Африке 140
Шабалдас А.И. Трансформация лоббистских стратегий США, Великобритании и России в контексте украинского конфликта (2014–2025 гг.) 143
Шульга Д.П. О «Стереотипизации» Китая в теоретико-прогностических работах (на примере с. Хантингтона и з. Бжезинского) 146

Круглый стол «Становление основ российской идентичности на землях Новороссии в Северном Причерноморье в период с середины XVIII до начала XX вв.»

Агапов В.Л. К вопросу об экономической идентичности поместного дворянства Екатеринославского наместничества (1783–1796) 150
Белякова И.В. Греки Мариуполя: формирование и эволюция городской идентичности (XVIII–XIX вв.) 154
Быстрянцев С.Б. Природная идентичность в Приазовье: социальное конструирование реальности и диалектика человека и среды 157
Власкина Т.Ю. Военная повседневность как фактор формирования российской идентичности населения Южного пригранічья империи в XVIII–XIX веках 161
Внукова Л.Б. Патриотизм глазами студенческой молодежи федеральных университетов ЮФУ и СКФУ 164
Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. Факторы формирования общероссийской идентичности у населения Новороссии в имперский период российской истории 167

Дмитриченкова Е.А. Становление и развитие основ российской идентичности немецких колонистов Северо-Восточного Приазовья 171

Замуруйцев А.В. Политика российского правительства по обеспечению иностранной колонизации Новороссии в середине XVIII – первой половине XIX в. 174

Колесник А.В., Дмитриченкова Е.А. Структура идентичности в полиэтнической среде переселенцев Новороссии 177

Комар Я.В. Гидроландшафт как фактор формирования локальной и общероссийской идентичности в Приазовье (XVIII–XIX вв.) 181

Левченков А.С. Вопросы формирования историко-культурной общности Донбасса в современной российской учебной литературе 184

Манько Н.В. Картографический материал как символическое отражение государственной политики Российской империи в XVIII–XIX вв.: историографический анализ 187

Минаев А.И. Коллективные монографии донецких историков (2024–2025 гг.) в контексте современных исследований российской идентичности 190

Онопко О.В. Географическая карта как политический символ и политический текст: теоретические предпосылки к анализу карт Новороссии сер. XVIII – нач. XX вв. 194

Пригарин А.А. Жители Донбасса в контекстах становления отечественной городской антропологии 197

Руденко М.В. Идентичность населения бывшей Славяносербии в конце XIX – начале XX века 200

Степанов В.П. Полиэтническое население Донбасса в творчестве отечественных исследователей XIX в. 203

Круглый стол «Фальсификация истории Великой Отечественной Войны как форма информационной войны в современных условиях»

Василиади А.Х. «Вертикаль», «горизонталь», «глубина»: связь трех измерений исторической памяти Донбасса о Великой Отечественной войне 207

Мачкович М.М., Разумный В.В. Фальсификация событий Второй мировой войны в японских учебниках истории 210

Пенькова О.Б. Битва за Днепр 1943 г. в современном украинском историческом нарративе: анализ школьных учебников 213

Саенко А.С. «Фабрики» фальсификации истории Великой Отечественной войны в странах постсоветского пространства 216

Татаринов И.Е. Украинский исторический нарратив в 2020-х гг.: основные сюжеты и элементы 220

Твердохлеб А.Ю., Денисенко З.В. Дневник участника Авдотьино-Буденновской подпольной патриотической группы Льва Кадыкова как исторический источник 224

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2026: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ, КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
XI Международной научной конференции,
10–12 ноября 2026 г.,
г. Донецк

ТОМ 7
Исторические и политические науки
Часть 2

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки	*В. Дёмина*
Технический редактор	*М.В. Фоменко*
Компьютерная верстка	*В.В. Разумный, Н.В. Манько*

Адрес оргкомитета:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 28.10.2026 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 13,4.
Тираж 50 экз. Заказ № 26окт121/7б.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
E-mail: donnu.izdatelstvo@mail.ru